

**УДМУРТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ**  
**ИНСТИТУТ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ**  
**Кафедра грамматики и истории английского языка**

**СЮТКИНА МАРИНА ЮРЬЕВНА**

**МЕЖКАТЕГОРИАЛЬНЫЕ СВЯЗИ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫХ И**  
**ПОСЕССИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ**  
**(на материале английского и русского языков)**

**10.02.19 – теория языка**

**Диссертация**  
**на соискание ученой степени**  
**кандидата филологических наук**

**научный руководитель:**  
**доктор филологических наук,**  
**профессор Пушина Н.И.**

**Ижевск 2004**

|                                                                                              |     |
|----------------------------------------------------------------------------------------------|-----|
| ВВЕДЕНИЕ .....                                                                               | 3   |
| ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ .....                                          | 10  |
| 1.1. Философско-лингвистический аспект категорий экзистенциальности<br>и посессивности ..... | 10  |
| 1.2. Формально-логический аспект «бытия» .....                                               | 29  |
| 1.3. Функционально-семантическое поле категории экзистенциальности .                         | 36  |
| 1.4. Функционально-семантическое поле категории посессивности .....                          | 53  |
| 1.5. Проблема межкатегориальных связей в грамматике .....                                    | 75  |
| Выводы по 1-й главе .....                                                                    | 83  |
| ГЛАВА 2. МЕЖКАТЕГОРИАЛЬНЫЕ СВЯЗИ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫХ<br>КОНСТРУКЦИЙ .....                       | 86  |
| 2.1. Парадигма экзистенциальных конструкций в английском языке .....                         | 86  |
| 2.2. Парадигма экзистенциальных конструкций в русском языке .....                            | 92  |
| 2.3. Типы межкатегориальных связей экзистенциальных конструкций ....                         | 99  |
| Выводы по 2-й главе .....                                                                    | 116 |
| ГЛАВА 3. МЕЖКАТЕГОРИАЛЬНЫЕ СВЯЗИ ПОСЕССИВНЫХ<br>КОНСТРУКЦИЙ ..                               | 120 |
| 3.1. Парадигма предикативных посессивных конструкций в английском<br>языке .....             | 120 |
| 3.2. Парадигма предикативных посессивных конструкций в русском<br>языке .....                | 127 |
| 3.3. Типы межкатегориальных связей посессивных конструкций .....                             | 130 |
| Выводы по 3-й главе .....                                                                    | 153 |
| ЗАКЛЮЧЕНИЕ .....                                                                             | 157 |
| Список использованной литературы.....                                                        | 161 |
| Список источников иллюстративного материала и принятых<br>сокращений .....                   | 176 |
| Список словарей .....                                                                        | 181 |

**Актуальность исследования.** Взаимосвязь языковых объектов является частным случаем универсальной взаимосвязи вещей. В современной лингвистике понимание взаимосвязи языковых сущностей не получило еще достаточно четкого выражения, хотя теоретическая литература, затрагивающая отдельные грани проблемы межкатегориальных связей в грамматике, разнообразна и достаточно обширна [Адмони В.Г., Апресян Ю.Д., Белова А.Д., Бондарко А.В., Дешериева Т.Д., Долинина И.Б., Козинцева Н.А., Лайонз Дж., Луценко Н.А., Пупынин Ю.А., Пушина Н.И., Храковский В.С., Якобсон Р., Ярцева В.Н. и др.]. Так, на основе функционирования языковых категорий устанавливается их связь с лексическим значением и грамматическими категориями данной знаменательной части речи, а также с лексическим значением и грамматическими категориями частей речи, входящих в состав предложения, поскольку внутренняя (грамматическая) семантика предложения «представляет собой структуру взаимосвязей в системе предложения» [Левицкий Ю.А.]. В результате выделяются связи единиц и категорий морфологии и синтаксиса, грамматики и лексики [Храковский В.С.]. Несмотря на активный исследовательский интерес к указанной проблеме, в грамматике по сей день остаются области, не изученные в плане межкатегориальных связей. Исследования в названном аспекте практически не коснулись функционально-семантических категорий экзистенциальности и посессивности, хотя отдельные проблемы, связанные с данными категориями, широко обсуждаются и освещаются в теоретической литературе [Арутюнова Н.Д., Бах Е., Бенвенист Э., Воейкова М.Д., Журинская М.А., Кларк Е.В., Селиверстова О.Н., Фромм Э., Чинчлей К.Г., Швейцер А.Д., Ширяев Е.Н. и др.]. Установление межкатегориальных связей экзистенциальности и посессивности, выявление степени их закономерности и устойчивости, силы и характера воздействия друг на друга позволит определить не только роль данных

категорий в формировании семантической структуры высказывания, но и их место в системе языка в целом.

**Предметом** исследования настоящей диссертации являются межкуатегориальные связи в грамматике функционально-семантических категорий экзистенциальности и посессивности.

**Объект** исследования составляют экзистенциальные и посессивные конструкции (в английском и русском языках), реализующие данные значения.

**Научная новизна** работы заключается прежде всего в самом предмете исследования, т.е. рассмотрении межкуатегориальных связей экзистенциальных и посессивных конструкций. Впервые исследуются внутренние и внешние взаимосвязи экзистенциальных и посессивных значений во всех вариантах прототипических конструкций (в английском и русском языках). Впервые выявляется механизм, который позволяет рассматривать отношения категорий экзистенциальности и посессивности не только как интегративные, но и как субординативные.

**Цель** исследования состоит в установлении многообразия межкуатегориальных связей экзистенциальных и посессивных конструкций, выявлении областей пересечения и характера взаимосвязи их значений.

Для достижения поставленной цели решаются следующие **задачи**:

- раскрывается онтологическое содержание каждой категории;
- определяется понятийный статус категорий;
- производится систематизация языковых средств разноуровневой принадлежности, репрезентирующих значения экзистенциальности и посессивности;
- устанавливается парадигма синтаксических средств выражения значений экзистенциальности и посессивности.

**Методы и методики исследования** определяются как предметом исследования, так и поставленными задачами. В основе исследования лежит общенаучный методологический принцип единства логического и исторического, который требует сочетания изучения истории объекта

(генетического аспекта), его теории (структуры, функций, связей) и перспектив его развития. При анализе категорий экзистенциальности и посессивности в концептуальной модели объективного мира и концептуальной модели естественного языка, взаимосвязь которых проистекает из представлений о единстве логического и онтологического, использован принцип модульного структурирования, согласно которому производится подразделение категорий на их порядковость.

Разноуровневая языковая представленность и широкий понятийный объем категорий экзистенциальности и посессивности обуславливают необходимость кроссreferенциального подхода к их анализу. Данный подход весьма эффективен в описании межкатегориальных связей, поскольку он базируется на установлении связи между языковыми единицами с целью выявления их различий и сходств. Разнообразие способов передачи рассматриваемых значений (на морфологическом, лексическом, синтаксическом уровнях) формирует подход к фактам языка с точки зрения теории поля. Принцип рассмотрения исследуемых категорий в соотношении с понятием поля позволяет упорядочить их в содержательном плане. В рамках функционально-семантической парадигмы используются парадигматический и синтагматический подходы. Ономаσιологический метод, тесно связанный с понятийным аспектом категорий экзистенциальности и посессивности, обеспечивает рассмотрение языковых явлений в направлении от содержания к выражению.

В работе используются конкретные лингвистические методики: прием трансформаций, перевод предложений с одного языка на другой, методика семного анализа.

**Материал исследования.** Исследование выполнено на материале 4,5 тысяч примеров, полученных способом сплошной и частичной выборки из художественных произведений английских, американских и русских авторов, журналов, грамматик, справочников по грамматике, словарей современного английского и русского языков. Привлечение разнообразного в жанрово-

стилевом плане фактического материала обусловлено стремлением получить объективные и точные результаты и обеспечить достаточно полный охват исследуемого явления.

**Теоретическая значимость** диссертации заключается в том, что проведенное исследование и полученные результаты

- уточняют содержание понятий экзистенциальности и посессивности;
- расширяют представление о семантико-синтаксических ресурсах данных категорий;
- углубляют теорию взаимодействия функционально-семантических полей экзистенциальности и посессивности и теорию связей языковых сущностей в целом.

**Практическое применение** результаты работы могут найти в лингводидактических разработках, касающихся формирования у учащихся семантико-синтаксической компетенции в области родного и иностранного языков. Иллюстративный материал представляет интерес с точки зрения использования в школьной и вузовской практике в аспектах грамматики, перевода, лингвистического анализа предложения, аналитического чтения текста. Представляется возможным и важным включить полученные данные в спецкурсы и семинарские занятия по таким профилирующим вузовским дисциплинам, как общее языкознание, теоретическая грамматика, переводоведение. Теоретический и практический материал работы может служить проектной основой для создания дидактических пособий по практике перевода и по обучению английскому и русскому языкам как иностранным и русскому языку как родному.

В результате исследования сформулированы следующие **теоретические положения, выносимые на защиту:**

- связь категориальных значений экзистенциальности и посессивности обнаруживается как на внутри-, так и на внешнекатегориальном уровнях;
- категориальные связи внутреннего характера могут проявляться а) в пределах синтаксической парадигмы средств выражения категориального

значения; б) на межпарадигматическом уровне в пределах одного функционально-семантического поля (межуровневые связи); в) в пределах одной словоформы;

- внешние связи обнаруживаются в зонах пересечения функционально-семантических полей экзистенциальности и посессивности;

- глагол, входящий в состав экзистенциальных и посессивных конструкций, образует предикативное ядро предложения, глагольные значения - его семантическое ядро;

- взаимодействие формальной и семантической структур экзистенциальных и посессивных конструкций формирует их доминантное значение;

- посессивное значение всегда реализуется в зоне экзистенциальности; поле экзистенциальности может не пересекаться с полем посессивности; зоной пересечения полей экзистенциальности и посессивности является область бытия субъекта.

**Апробация исследования.** Материалы и основные положения работы докладывались и обсуждались на научных и научно-практических конференциях различного уровня: международной научной конференции «Текст: восприятие, информация, интерпретация» (Москва, май 2002), межвузовской научной конференции «Лингвистические/психолингвистические проблемы усвоения второго языка» (Пермь, ноябрь 2002), всероссийской научно-практической конференции «Вопросы теории и практики перевода» (Пенза, 2003), всероссийской научно-практической конференции «Теория и типология грамматических систем» (Ижевск, май 2003), международной научно-практической конференции «Научное наследие Фортунатова и современное языкознание» (Петрозаводск, сентябрь 2004), всероссийской научно-практической конференции «Взаимодействие направлений в современной лингвистике» (Барнаул, сентябрь 2004).

Основные положения работы отражены в 6 публикациях автора.

**Структура диссертации.** Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы, списка источников иллюстративного материала, принятых сокращений и словарей.

## Содержание работы

**Во введении** обосновывается актуальность темы, излагаются цели, задачи и методы исследования, раскрывается научная новизна, определяется теоретическая и практическая значимость работы, дается характеристика материала исследования.

**Глава I** «Теоретические основания исследования» посвящена анализу категорий экзистенциальности и посессивности в философско-лингвистическом аспекте, в ходе которого определяется место категорий бытия и обладания в онтологическом, гносеологическом и лингвистическом пространствах. Особое внимание уделяется генетическому аспекту рассмотрения категорий экзистенциальности и посессивности как основе, на которой строятся последующие теоретические рассуждения. Дается описание структуры функционально-семантических полей экзистенциальности и посессивности с выделением ядерных и периферийных зон, систематизируются языковые средства выражения значений бытия и обладания, рассматриваются вопросы их категориального статуса. Обсуждаются проблемы теории межкатегориальных связей в грамматике.

**В главе II** «Межкатегориальные связи экзистенциальных конструкций» представлена парадигма синтаксических конструкций, репрезентирующих значение экзистенциальности, ядерными вариантами которой являются английская прототипическая конструкция **There PY (Loc)**, где **P** – бытийный предикат, **Y** – объект бытия, **Loc** – область бытия и русская конструкция **LocPY / Y X-а есть Y**, где **Loc** – область бытия / **Y X-а** – область бытия, представленная личностным локализатором, **P** – бытийный предикат, **Y** – объект

бытия. Исследованы межкатегориальные связи всех конstituентов синтаксической парадигмы экзистенциальности.

В главе III «Межкатегориальные связи посессивных конструкций» представлена широкая парадигма синтаксических средств выражения значения посессивности. В качестве ядерной выделяется прототипическая посессивная конструкция **X has (has got) Y**, где **X** - субъект обладания, **Y** – объект обладания, **has (has got)** – посессивный предикат, и русская бытийная конструкция **У X-а есть Y (LocPY)**, где **X** – субъект обладания, **Y** – объект обладания. Анализируются межкатегориальные связи всех отмеченных конstituентов парадигмы, устанавливаются зоны пересечения значений и факторы, определяющие характер их взаимосвязей.

В заключении излагаются результаты исследования и намечаются перспективы дальнейшей работы в заявленном направлении.

## ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

### 1.1. Философско-лингвистический аспект категорий

#### экзистенциальности и посессивности

Категории экзистенциальности (бытия) и посессивности (обладания) являются концептуально объемными и содержательно многоплановыми категориями, понятийная онтология которых простирается в различные сферы бытия человека, а языковая представленность не ограничивается средствами лишь одного уровня.

При безусловной общезначимости каждой в отдельности, категории бытия и обладания иерархически взаимосвязаны и на понятийном уровне могут быть системно представлены и проанализированы по принципу «матрешки» [Антропол. лингвистика 2003:26]. Так, категория бытия является категорией первого порядка, охватывающей все объекты телесной и нетелесной природы и состоящей из определенного ряда субкатегорий, а категория обладания, тесно взаимосвязанная с категорией бытия, особенно бытия человека – категорией второго порядка.

Будучи единицами категориальной структуры языка, функционально-семантические категории экзистенциальности и посессивности отражают существующую упорядоченность / неупорядоченность явлений объективного мира, а также испытывают влияние со стороны познавательной деятельности человеческого мышления. На понятийном уровне они отражают закономерности, общие для развития общества и человеческого познания, что, безусловно, делает их объектом глубокого философского осмысления.

Как известно, для любого нового познания необходимо предзнание, поскольку структура познания, а следовательно и структура науки, «... означает взаимосвязь последовательно проходимых ступеней познания,двигающегося от непосредственных явлений к раскрытию сущности изучаемого предмета и проникающего все глубже и глубже в эту сущность»

[Кедров 1967:63]. В лингвистике начальной ступенью познания принято считать греко-римскую античную классику, - период, когда языкознание еще не отделялось от науки наук философии, и логическое толкование использовалось как средство решения многих грамматических и философских вопросов, в том числе и вопроса о бытии.

Идея бытия занимает важное место в духовном мире человека с тех пор, как он стал выделять себя из окружающего мира. В античный период философскую концепцию бытия первыми выдвинули предшественники Сократа, для которых бытие совпадает с материальным, неразрушимым и совершенным космосом. Они различали бытие по «истине» (реальное существование) и бытие по «мнению» (идеальную сущность). Одни из них рассматривали бытие как неизменное, неподвижное, самотождественное (Парменид), другие – как непрерывно становящееся (Гераклит). В ранней античной классике элементы мыслятся синкретично. Они являются бытием смысловым, идеальным. Однако эта их идеальность пока еще нераздельна с их телесной материальностью. Смысловая идеальность элементов предстает в субстанциональном тождестве с телесной областью. Не будучи самостоятельной субстанцией, не образуя особой сферы бытия, идеальное является атрибутом телесной субстанции, признаком материальной действительности. С этих позиций решается вопрос об истинности или ложности суждений в античной грамматике. Так, Парменид, сравнивая высказывания **Быть человеком, Быть Сократом, Быть призраком и Быть в значении существовать**, приходит к выводу о том, что в первых трех глагол «быть» имеет грамматическое значение, и лишь в последнем – логическое, реальное, ибо «одно и то же мысль и то, на что мысль устремляется. Нельзя отыскать мысли без бытия, так как судьба связала бытие с законченностью в себе и неподвижностью» [Лосев 1992:544-545].

В то же время осознается, что без идеального как атрибута бытия была бы только одна бесформенная материя. Лишь под воздействием ума, считает Анаксагор, первоначально хаотический материал, беспорядочная и неподвижная

смесь вещества приводится в движение, приобретает порядок и становится оформленным материалом [см. Лосев 1992:546, 603; Богомолов 1985:104].

Более или менее последовательное различие материального и идеального устанавливается не ранее средней классики и окончательно торжествует только в зрелой классике, прежде всего благодаря Платону.

Платоном выделяются три основные области бытия: ум, материя и соединение того и другого в единое целое [Платон 1994, т.3:433]. Наивысшую действительность образует Единое, представляющее собой тождество идеального и материального и тот первопринцип, из которого только путем его разделения возникает противоположение идеального и материального. В этом противоположении существующее вне и независимо от человека идеальное обладает у Платона приматом над материальным, создает его, осмысливает его. Так что не идеальное есть отражение материального, а материальное есть отражение идеального. Соответственно, вещи не рассматриваются в изолированном эмпирическом существовании, но для каждой вещи фиксируется ее смысл, ее специфическая идея, а потом все эти идеи объединяются в одно целое, трактуются как общая идеальная действительность и объявляются порождающими моделями для всего вещественного мира, который является отражением, воспроизведением и осуществлением вечного и неизменного мира идей-моделей [Лосев 1994а:47; 1994г:598].

Однако общая материалистическая тенденция античной философии дает себя знать и в объективном идеализме Платона. Прежде всего она обнаруживается в чувственной, материальной данности идей. Не случайно, как и в ранней классике, эйдос и идея у Платона сохраняют связь со зрительным восприятием человека, так что и у него эйдос и идея – это «то, что видно», только не глазами, а умом. Тем самым предполагается чисто умственное, мысленное видение, основывающееся на том, что в чистом уме тоже имеется свой собственный умственный материал. Ум у Платона уже не атрибут телесной субстанции, а самостоятельная категориальная субстанция и субстанциональная первопричина всех вещей.

Понятие материи также переосмысливается. Исходя из огромной обобщенности становления оформленного, Платон заключает, что материя как предельное обобщение всех возможных материалов вообще лишена всякой формы, ибо иначе в материи ничего не могло бы воплощаться целиком и окончательно [Платон 1994, т.3:500].

Будучи полной бесформенностью, лишенной всяких свойств, материя представляет собой чистую возможность любого бытия – как чувственного, так и умственного. В трактовке А.Ф. Лосева это та среда, совершенно пустая и бесформенная, в которой зарождаются вещи как отпечатки вечных идей, это такое нечто, которое может стать любой вещью, всем. Отсюда у Платона упорно формулируется такого рода диалектическая триада: **идея** (эйдос); бесформенная, незримая и вполне иррациональная **материя**, или чистое становление, и, наконец, возникающая из соединения этих двух принципов **материальная вещь** со всеми ее обыкновенными чувственными качествами. С точки зрения объективного идеализма Платона, эта триада чистой идеи, чистой материи и материи вторичной, чувственно-текучей, глубоко диалектична.

Принимая во внимание отождествление идеи с материей в порождаемой вещи, Платон развивает учение о единстве идеального и материального как диалектическом единстве противоположностей. Идея не может быть абсолютно отделенной от вещи и в силу активности вещи в ее стремлении к идее как пределу становления вещи, и в силу активности идеи как порождающей модели вещи [см. Платон 1993, т.2]. Соответственно вещь может воплощать идею с разной степенью совершенства. Это последнее положение нашло свое отражение в учении Платона о правильности имен, о большей или меньшей степени правильности в интерпретации человеком идеальной сущности вещей, о различных степенях присутствия идеальных сущностей в человеческом сознании [см. Платон 1994, т.1].

Различая вслед за Платоном идеальное и материальное, Аристотель исходит из их тождества и не только не допускает, но критикует дуализм идеи (эйдоса) и материи, который он предполагает у Платона, но который в

действительности опровергается самим Платоном в его зрелых сочинениях [Богомоллов 1985:187-191].

Аристотель строит учение о четырех принципах – началах-причинах любого бытия (включая природу, душу, ум), развивая учение Платона об идее как порождающей модели вещи и пределе ее становления. Так, одной причиной Аристотель считает «сущность, или суть бытия вещи, которая определяется далее как «форма, или первообраз, как «целое, связь и форма». Другой причиной он считает материю, «то содержимое вещи, из чего она возникает». Третьей причиной является «то, откуда начало движения, «то, что действует, то есть «производящее», «изменяющее». Четвертая причина, - «то, ради чего», или «благо» (ибо благо есть цель всякого возникновения и движения) [Аристотель 1976, т.1:70, 146-147].

Как видно, указанные причины характеризуют вещь в ее становлении. Становление же в учении Аристотеля есть переход возможности в действительность. В качестве возможности выступает субстрат вещи, то, из чего она возникает, то есть материя. Взятая сама по себе, в предельно обобщенном виде, «первая» материя «неопределенна», «бесформенна» и лишена каких бы то ни было признаков. Это то, что само по себе не обозначается ни как определенное по существу, ни как определенное по количеству, ни как обладающее каким-либо из других свойств, которыми бывает определено сущее. Материя – только возможность становления и бытия, «субстанционально данная потенция» [Кубицкий 1934:26]. В представлении Аристотеля она уже не живое, изменяющееся начало, а неподвижная, пассивная, неоформленная масса, требующая отличного от нее источника движения [Богомоллов 1985:210]. Сама по себе она неизменна, и материал, из которого или состоит, или возникает какая-либо из вещей, не способен к оформлению и к изменению своею собственной силой [Аристотель 1976, т.1:115].

В качестве такой силы и действующей причины, осуществляющей переход возможности в действительность выступает форма-эйдос, которая в иерархии выделенных причин является определяющим, творящим началом,

представляющим собой суть бытия вещи, ее сущность, от которой исходит начало движения. Таким образом, причина для материи и первая причина бытия вещи есть форма, в силу которой материя есть нечто определенное, а эта причина есть сущность вещи. Материя обозначается как природа вещи вследствие того, что она способна определяться через эту (формальную) сущность, способна принимать эту сущность [Аристотель 1976, т.1:150].

Как материя определяется через эйдос-форму, так и для оформления эйдоса необходима материя [Лосев, Тахо-Годи 1993:343-344]. Будучи сущностью вещи, эйдос воплощает в себе единство, тождество эйдоса-формы и материи, внутреннего и внешнего в одном и цельном бытии. Это тождество исключает существование эйдосов (идей, форм) отдельно, обособленно от вещей, а значит, исключает дуализм идей и вещей, ибо невозможно, «... чтобы отдельно друг от друга существовали сущность и то, сущность чего она есть; как могут поэтому идеи, если они сущности вещей, существовать отдельно от них» [Аристотель 1976, т.1:330].

Совмещение в эйдосе (то есть в идеальной, формальной причине) действующей и целевой причин, с одной стороны, тождество эйдоса-формы и материи – с другой, означает, таким образом, нераздельное единство всех четырех причин-принципов бытия.

Единство материи и формы, возможности и действительности раскрывается далее в их взаимообратимости в иерархическом строении бытия. Над чистой, первичной материей надстраиваются все основные типы чувственно воспринимаемой материи, то есть земля, вода, воздух и огонь. Над этими надстраиваются состоящие из них сложные образования с четырьмя основными причинами. И, наконец, над всеми возвышается та материя, которая свойственна всеобщему и вечному Уму-перводвигателю, так как этот свой ум Аристотель тоже понимает фигурно. Такого рода умопостигаемая материя оказывается уже тождественной с формой. Повсюду форма предполагает для себя материю как тот строительный материал, из которого она возникает. Но если брать материю и форму в предельном смысле, то есть в виде Ума-

перводвигателя, то в нем мыслится уже такая форма, для осуществления которой нет никакой предшествующей материи, и такая материя, которая не есть просто возможность формы, но уже есть сама форма. Таким образом, как высшая ступень бытия ум – эйдос эйдосов – является и формой форм [Лосев 1992:610].

Из представлений о тождестве идеи – эйдоса-формы и материи проистекает то глубочайшее единство логического, языкового и онтологического, мышления и языка, мысли и слова, которое нашло отражение и в учении Аристотеля о категориях, и особенно в античном понятии логоса.

В оценке современных историков философии при всей значительности учение Аристотеля о категориях – синтетическая и в то же время недифференцированная концепция, в которой категории «суть одновременно характеристики бытия, как и логические и грамматические характеристики» [Богомоллов 1985:200]. Незавершенность вопроса об отношениях и связях категорий – логических и лингвистических – привела к тому, что найденные Аристотелем категории выступают у него то как категории бытия (метафизические), то как категории познания (гносеологические), то как категории языка (грамматические) [Асмус 1976:42-43].

Учение о бытии продолжает развиваться в эпоху средневековья, которая в целом характеризуется зарождением и развитием феодализма в ряде государств, созданием новых культур, формированием и укреплением мировых религий – индуизма, буддизма, иудаизма, ислама и христианства. Средневековая христианская философия противопоставляла «истинное», божественное бытие и «неистинное», сотворенное бытие, различая при этом действительное бытие (акт) и возможное бытие (потенцию), сущность и существование, смысл и символ. В области языкознания возрождаются споры о природе названия – споры реалистов и номиналистов. Реалисты утверждают, что общие понятия объективны и реальны и предшествуют материальным вещам. Идеи, облеченные в форму понятия, есть внутреннее слово бога, творящее материальные вещи. Номиналисты считают, что реальны лишь вещи

с их индивидуальными качествами и свойствами, а общие понятия, выводимые нашим мышлением, не только не существуют независимо от предметов, но даже не отражают их свойств. Среднюю позицию занимали умеренные номиналисты, полагавшие, что реально существуют только отдельные предметы, которые являются базой общих понятий. По их мнению, сами общие понятия отдельно не существуют, а выводятся сознанием человека из обобщения реально существующих свойств предметов и отражают их свойства. Этот спор еще раз подтверждает необычайную актуальность для человеческой мысли темы об иерархической структуре бытия, о соотношении между словом, мыслью, предметом, человеком и Творцом.

В эпоху Возрождения всеобщее признание получает культ материального бытия, природы. Новый тип отношения человека к природе, обусловленный развитием науки, техники и материального производства, подготовил концепции бытия 17-18 вв. В них бытие рассматривается как реальность, противостоящая человеку, как сущее, осваиваемое человеком в его деятельности. Отсюда возникает трактовка бытия как объекта, противостоящего субъекту, как косной реальности, которая подчинена слепым, автоматически действующим законам (например, принципу инерции). В трактовке бытия исходным становится понятие тела, что связано с развитием механики, ведущей науки 17-18 вв. В этот период господствуют натуралистически-объективистские концепции бытия, в которых природа рассматривается вне отношения к ней человека, как некоторый механизм, действующий сам по себе. Для учений о бытии в новое время характерен субстанциональный подход, когда фиксируются субстанция (неуничтожимый, неизменный субстрат бытия, его предельное основание) и ее акциденции (свойства), производные от субстанции [ФЭС 1999:70].

С различными модификациями подобное понимание бытия обнаруживается в философских системах 17-18 вв. Для европейской философии этого периода бытие – предметно сущее, противостоящее и предстоящее

знанию. Бытие ограничивается природой, миром естественных тел, а духовный мир статусом бытия не обладает.

Наряду с этой натуралистической линией, отождествляющей бытие с физической реальностью и исключаящей сознание из бытия, в новоевропейской философии формируется иной способ истолкования бытия, при котором последнее определяется на пути гносеологического анализа сознания и самосознания. Он представлен в исходном тезисе метафизики Декарта – «мыслю, следовательно, существую», в трактовке Лейбницем бытия как отражения деятельности духовных субстанций – монад, в субъективно-идеалистическом отождествлении Беркли существования и данности в восприятии.

Противопоставление Декартом двух субстанций - неделимой мыслящей субстанции и протяженной и делимой телесной субстанции - отразилось в логико-лингвистической концепции Пор-Рояля, разработанной Антуаном Арно, Клодом Лансло и Пьером Николем. В интерпретации авторов грамматики Пор-Рояля также различаются тело и дух как два вида субстанции, при этом видовым отличием тела считается протяженность, а видовым отличием духа – мышление. Таким образом, тело – протяженная субстанция, а дух – мыслящая субстанция, нематериальная и бестелесная [Арно, Лансло 1991:56, 164]. Дуалистическое противоположение материи и мышления непреложно и незыблемо. В противопоставлении двух субстанций Декарт и его последователи, как до них Платон и Аристотель, утверждавшие примат идеи-эйдоса – формы над материей, исходят из онтологического превосходства умопостигаемого над чувственным, мыслящей субстанции над протяженной. Соответственно и в гносеологии на первый план выдвигается познание природы самого ума. Авторы грамматики Пор-Рояля убеждены, что «такое познание, если при этом исследовать одно только умозрение, превосходит познание любых телесных вещей, ибо они неизмеримо ниже духовных» [Арно, Лансло 1991:31].

Свое завершение интерпретация Декарта нашла в немецком классическом идеализме. Для Канта бытие не является свойством вещей. Бытие – это общезначимый способ связи наших понятий и суждений, причем различие между природным и нравственно-свободным бытием заключается в различии форм законоположения – причинности и цели. Для Фихте подлинным бытием является свободная, чистая деятельность абсолютного «Я», материальное бытие – продукт осознания и самосознания «Я». В качестве предмета философского анализа у Фихте выступает бытие культуры – духовно-идеальное бытие, созданное деятельностью человека. Шеллинг видит в природе неразвитый дремлющий разум, а подлинное бытие – в свободе человека, в его духовной деятельности. В идеалистической системе Гегеля бытие рассматривается как первая, непосредственная ступень в восхождении духа к самому себе. Гегель свел человеческое духовное бытие к логической мысли. Бытие оказалось у него крайне бедным и по сути дела негативно определяемым (нечто абсолютно неопределенное, непосредственное, бескачественное), что объясняется стремлением вывести бытие из актов самосознания, из гносеологического анализа знания и его форм. Подвергнув критике прежнюю онтологию, пытавшуюся построить учение о бытии до и вне всякого опыта, без обращения к тому, как мыслится реальность в научном знании, немецкий классический идеализм выявил такой уровень бытия, как объективно-идеальное бытие, воплощающееся в различных формах деятельности субъекта [ФЭС 1999:70].

Господствующие в 17-18 вв. философские идеи бытия находят свое отражение в лингвистической интерпретации, данной их современником Исааком Ньютоном. Ученый полагает, что система бытия построена из отдельных субстанций, каждая из которых находится в том или ином положении, состоянии или кондиции. Использование языка в том и состоит, что один человек может обозначить для другого, в каком состоянии та или иная субстанция есть, была, будет, может быть, должна быть, желаемая быть, побуждаема быть и т.д. [см. Боронникова, Левицкий 2002:63].

Идеалистическая установка понять бытие исходя из анализа сознания свойственна и философии 19-20 вв. Однако здесь аналитика сознания не отождествляется с гносеологическим анализом и предполагает целостную структуру сознания во всем многообразии его форм и в его единстве с осознаваемым миром. Так, в философии жизни бытие совпадает с целостностью жизни. В неокантианстве бытие раскладывается на мир сущего и мир ценностей (т.е. подлинное бытие, которое предполагает долженствование). В феноменологии Гуссерля подчеркивается связь между различными слоями бытия – психическими актами сознания и объективно-идеальным бытием, миром смыслов [Гуссерль 1999]. Шелер не ограничивает сознание актами созерцания, укореняя его в эмоциональных переживаниях и оценках [ФЭС 1999:458-459]. Для Хайдеггера бытие дано только в понимании бытия. Исходным для него является человеческое существование, трактуемое как эмоционально-волевое, практически-озабоченное бытие. Это попытка герменевтического истолкования человеческого существования во всей полноте его бытия, фундамент которого автор сначала усматривал в актах речи, а позднее – в языке. Сартр, противопоставляя бытие в себе и бытие для себя, разграничивает материальное бытие и человеческое бытие. Первое есть для него что-то косное, сопротивляющееся человеческой воле и действию. Основная характеристика человеческого бытия в субъективистской концепции Сартра – свободный выбор возможностей [Хайдеггер 1993:60].

С точки зрения неопозитивизма все антиномии и проблемы бытия решаются в рамках науки или устраняются путем логического анализа языка.

В рамках марксистской философии, отвергающей различные формы идеализма, бытие понимается как реальный процесс жизнедеятельности людей, как производство самой материальной жизни.

В начале 20 в. в философии иррационализма развитие получило новое направление – экзистенциализм (от позднелат. *Existentia* – существование), или философия существования. Существование трактуется в экзистенциализме как нечто соотнесенное с трансценденцией, т.е. выходом человека за собственные

пределы. Непостижимая для мышления связь существования с трансценденцией, его конечность обнаруживается, согласно экзистенциализму, в факте самого существования. Однако конечность существования не просто эмпирический факт прекращения жизни, а начало, определяющее структуру существования, пронизывающее собой всю человеческую жизнь [ФЭС 1999:778].

Если древние обсуждали проблему бытия (сущности) вообще, то философы нового времени во главу угла ставят проблему бытия человека. В философских работах нового времени обсуждение проблемы онтологии в лингвистике конкретизируется как проблема «человек и язык» (М. Хайдеггер, К. Ясперс, Г. Гадамер). Жан Поль Сартр формулирует проблему значительно шире: «Человек просто существует, и он не только такой, каким себя представляет, но такой, каким он хочет быть» [Сартр 1989:322]. «Под парадигмой бытия человека следует понимать горизонты его бытия как эмпирически совокупный горизонт, состоящий из определенного множества, так и взятый в отдельности горизонт бытия в определенной социально и этнически гомогенной среде» [Антропол. лингвистика 2003:21]. Между горизонтами бытия и языком существует взаимосвязь. Ю.М. Малинович и М.В. Малинович представляют совокупный горизонт бытия человека в двух измерениях: по вертикали и по горизонтали. В первом измерении крайними точками являются рождение и смерть как переход в материально иное бытие. Параметрами бытия человека по горизонтали могут быть самые различные его горизонты (возрастные, статусные, религиозные, этнические, национальные, культурные, моральные и др.), в рамках которых формируется «познающая языковая личность» [Там же: 21]. Все горизонты бытия человека вообще и каждый в отдельности в определенной среде представляют собой сложную взаимообусловленную семиосферу. «Внешний мир, в который погружен человек, чтобы стать фактором культуры, подвергается семиотизации — разделяется на область объектов, нечто означающих, символизирующих, указывающих, т.е. имеющих смысл, и объектов, представляющих лишь самих

себя» [Лотман 1999:178]. Таким образом, как человек, так и язык погружены в определенное семиотическое пространство. В эгоцентрической координате «я» представлен «частичный субъект» и «совокупный субъект» одновременно [Каган 1997:89]. Совокупный субъект («мы», «народ», «человечество») растворяется в частичном субъекте. Эта декомпозиция ролевого бытия субъекта восходит к праценностному сознанию, потому что человеческое сознание зарождалось не на основе осознания человеком себя как «Я», а осознания им себя как принадлежащего к «Мы». Отсюда следует референциальная соотнесенность «Я» с человеком как составной частью определенного сообщества [Там же 1997:92].

Смена философских доктрин, смещение акцента современной онтологии на проблему бытия человека способствовала смене научных парадигм в лингвистике.

Первоначально – это классическая парадигма языка, основанием которой была древнегреческая философия и ее аргументативный диалог как метод доказательства истинности / ложности предложения. Затем классическая философская эпистема рационализма, в рамках которой обсуждение проблем языка шло в отрыве от психофизической природы человека, от такого его атрибута как мышление. Но в рамках этой же философии Б. Спиноза (1632-1677) определяет мышление как «атрибут субстанции», т.е. материи, простирающейся в различных модусах живой и неживой природы [Ильенков 1974:21], что позволяет рассматривать человека как мыслящее тело природы, а следовательно, как «один из объектов реального мира – денотат (референт) – со всеми вытекающими отсюда релевантными для лингвистики следствиями» [Антропологич. лингвистика 2003:10]. В. фон Гумбольдт положил начало рассмотрению языка как мировоззрения и мировосприятия, отражающего ментальный мир человека, нации, этноса.

Лингвистика последних десятилетий характеризуется обращением к теме человеческого фактора в языке, что свидетельствует о смене базисной парадигмы в сторону лингвистики антропологической с ее установкой

рассматривать не «язык в человеке», а «человека в языке». При этом нетрудно заметить, что формулировка «человек в языке» напрямую коррелирует с экзистенциальной философией – философией бытия человека: «... сущность человека покоится в языке» [Хайдеггер 1993:259], т.е. язык служит выражением бытия. Парадигма «язык в человеке» восходит к философии Канта, к его понятию «вещь в себе». Парадигма «человек в языке» – к философии бытия человека в мире. Процесс перехода подготавливается и происходит благодаря исследованиям Н.Д. Арутюновой, Э. Бенвениста, Л. Блумфилда, Л.С. Выготского, А.А. Потебни, Ф. де Соссюра, Ю.С. Степанова и др.

Антропологическая парадигма определяет подход к языку как к «миру, лежащему между миром внешних явлений и внутренним миром человека» [Гумбольдт 1984:304] и способствует перемещению исследовательского интереса на функционирование языка, на отражение мыслительной деятельности человека в языке и на формирование нового направления, связанного с изучением данных процессов, - когнитивной лингвистики.

Одним из центральных понятий когнитивного подхода является понятие **концепта**. Общепризнанным в дефинициях концепта является понимание его как явления ментального. В определении Е.С. Кубряковой концепт является «оперативной содержательной единицей памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [Кубрякова 1996:90; см. так же Арутюнова 1999; Кобрин 2000; Попова, Стернин 2001; Сусов 1998; Ченки 1996; Lakoff 1980].

Концепт «рождается» как образ реальной действительности, или «мыслительная картинка», которая «снимается» в коллективном сознании носителей языка с присущих предмету характеристик [Бабушкин 1996:19]. Эта «мыслительная картинка» составляет основу, ядро будущего концепта. Формирование концепта определяется индивидуальностью мышления, особенностями психики, уровнем культуры и социальным статусом носителей языка. Концепт «тем богаче, чем богаче национальный, сословный, профессиональный, семейный и личный опыт человека, пользующегося

концептами» [Лихачев 1993:5]. Возникнув как чувственный образ, концепт в процессе своего формирования приобретает новые признаки, называемые концептуальными. Таким образом, концепт - это продукт познавательной деятельности человека, «глобальная мыслительная единица, представляющая собой квант структурированного знания» [Попова, Стернин 2000:4], образ представления знаний человека.

Основными концептами, по мнению Т.А. Волохиной и З.Д. Поповой, являются следующие: 1) «бытие объекта», 2) «бытие признака объекта», 3) «инобытие объекта», 4) «самостоятельное перемещение объекта», 5) «агенса воздействует на объект», 6) «речемышлительная деятельность человека», 7) «пациент претерпевает состояние», 8) «небытие объекта». Как видим, четыре концепта из восьми представляют различные виды бытия объекта. Содержание этих концептов раскрывается следующим образом.

**Бытие объекта:** Концепт бытия определяется четырьмя основными смыслами, организующими пропозицию. Некоторый объект имеет бытие в пространстве и во времени: «кто / что есть где когда» ... *Я была нынче в галерее. Весь остаток дня лисенок провел в углу* [Волохина, Попова 1999:19].

**Бытие признака объекта:** При постановке в позицию «область бытия» разного рода непространственных наименований (одежда, состояние, совместно бытующие лицо и объект и т.п.) очень естественно и плавно выражение концепта «бытие объекта» становится выражением концепта «бытие признака объекта» ... *Слово таверна итальянское. Волосы у нее были какие-то розовые* [Волохина, Попова 1999:33, 37].

**Инобытие объекта:** Объект проявляет себя как бы изнутри за счет своих собственных возможностей, вытекающих из его природы, устройства, организации. Эти проявления обеспечивают его инобытие, т.е. бытие для других. Иначе говоря, дают возможность наблюдателю воспринять данный объект в процессе раскрытия его внутренней природы, его возможностей и способностей, диапазона его деятельности ... *Отец печально кивнул головой.*

*Вера махнула ресницами. Медвежонок пошевелил пуговкой-носом* [Волохина, Попова 1999:56-57, 58].

**Небытие объекта:** Концепт «небытие объекта» опознается благодаря схеме: «кого / чего нет (не было) не будет где», которая четко противопоставлена схеме «бытия объекта»: «кто / что есть где». ... *Здесь ничего нет* [Волохина, Попова 1999:158, 161].

Выработанный в процессе познания человеком объективного мира, концепт бытия объективируется не только в языковом, но и в культурном пространстве.

В рамках культурной антропологии появляются тенденции рассматривать коммуникативные свойства культуры. При этом язык считается основой для изучения строения культуры, что способствует внедрению в культуроведение методов структурной антропологии – семиотики, структурной лингвистики, кибернетики, а также подходов, связанных с когнитивными структурами и процессами – восприятием, мышлением, вниманием, памятью и т.д.

Для получения более широкого, интегрированного научного представления об исследуемом объекте считаем целесообразным коснуться проблемы места и роли концепта бытия в культуре и искусстве.

Согласно всем традиционным представлениям, восходящим к глубокой древности, сущности как основные «обитатели» мира подразделяются на два главных разряда – сущности бесплотные (бестелесные, духовные, ментальные) и сущности телесные, индивиды. Но наряду с этими «полярными» категориями очень важную роль в европейской духовной, и особенно русской, культуре играет третья, «промежуточная» категория – категория **особенного** [Степанов 2001:234].

Концепция существования в данном ракурсе имеет отдаленным источником базовое учение о различных видах существования. Применительно к искусству этим источником является учение Аристотеля о «срединном бытии». Согласно Аристотелю, как и позже согласно Шиллеру, «форма и идея, существующая в душе художника, сливаясь с материей, порождает

произведение искусства. С точки зрения диалектики единичного – особенного – всеобщего центр тяжести здесь лежит на срединном звене – «особенном». В «Метафизике» Аристотель замечает, что «опыт есть знание единичного, а искусство – знание общего» [Аристотель 1934:221]. В последующих учениях он уточняет это определение срединного звена уже в применении к поэтическому искусству, где речь идет о познании общего в пределах одного вида. Аристотель имеет здесь в виду прежде всего характер человека как предмет искусства [Петровский 1957:16].

Основанную на том же принципе, но современную нам и более развернутую концепцию мы находим в творчестве Лермонтова. «По мысли Лермонтова, - пишет В.Ф. Асмус, - образы искусства ведут особое существование: они не суть ни простая наличная действительность, ни создание чистой и отрешенной мечты. Им принадлежит как бы срединное бытие – между непосредственно осязаемой реальностью и между видением чистой идеальности» [Асмус 1969:35].

Этой срединностью, двойственностью образов искусства обусловлены, по Лермонтову, чрезвычайно своеобразные черты поэтических произведений. С одной стороны, подлинное искусство не боится воспроизведения самой «грязной» действительности и способно отвратительное делать пленительным. С другой стороны, «будучи воспроизведением не случайных черт наличной действительности, но черт существенных, образы искусства в этом смысле не только представляют нечто срединное между наличным бытием, постигаемым мыслью, но даже обладают – как запечатление существенного – как бы высшей реальностью:

Взгляни на этот лик: искусством он  
 Небрежно на холсте изображен,  
*Как отголосок мысли неземной,*  
*Не вовсе мертвый, не совсем живой,*  
 Холодный взор не видит, но глядит  
 И всякого, не нравясь, удивит;

В устах нет слов, но быть они должны:

Для слов уста такие рождены;

Смотри: лицо как будто отошло

От полотна, - и бледное чело

Лишь потому не страшно для очей,

Что нам известно: не гроза страстей

Ему дала болезненный тот цвет,

И что в груди сей чувств и сердца нет.

О боже, сколько я видал людей,

Ничтожных – пред картиною моей,

Душа которых менее жила,

Чем обещает вид сего чела» [Асмус 1969:35].

Эти идеи Лермонтова восходят, как справедливо полагают, к эстетике Шиллера, которая представляет кантовский этап в истории искусства, а шиллеровская идея синтеза, несомненно, опирается на древнегреческую эстетику, главным образом эстетику Аристотеля [Карпов 1860:527].

Тот же принцип сохраняется и в современных определениях. Например: «Типическое не имеет необходимости строгого закона, но и не представляет собой случайный, произвольный феномен, занимая как бы «среднее» место между необходимым (законом) и случайным» [ФЭС 1999:233].

Таким образом, уже этот краткий исторический взгляд показывает, что в классической эстетике соединение «идеи» и «образа» (составляющее с современной семиотической точки зрения суть знакового принципа в искусстве) мыслится как отражение объективно существующей реальности, но реальности не непосредственно наблюдаемой, а как бы реальности срединного уровня. В произведении искусства эта реальность предстает как типический образ, очищенный от случайных черт непосредственно наблюдаемого. Это очищение достигается тем, что сущность срединного уровня раскрывается через другие сущности – конкретные образы единичного, следовательно,

требует конструирования произведения искусства из отдельных образов внешнего мира [Степанов 2001:241].

В искусстве символизма конца XIX- начала XX вв. исходный платонизм нашел наиболее полное выражение. Главная черта символического искусства в том, что оно никогда не идет до сгущения «Идеи в себе». В этом искусстве картины природы, поступки людей, все конкретные явления выражаются не ради них самих, а рассматриваются как феномены, доступные восприятию наших чувств и предназначенные для того, чтобы указать на свои тайные, эзотерические связи с первичными Идеями [Moreas 1981:332]. Эти же идеи разделяли и воплощали в русском слове русские поэты-символисты.

Если в произведении искусства конкретные образы предметного, вещного мира образуют материал, через который художник выявляет «особенное» – «типическое», то и при анализе операция отождествления этих образов позволяет выявить их сущность как типическое. В известной мере исследователь-аналитик повторяет при этом путь художника-творца. В то время как работа художника может быть охарактеризована словами Лермонтова:

В уме своем я создал мир иной  
И образов иных существованье;  
*Я цепью их связал между собой,*

Я дал им вид, но не дал им названья ... («Русская мелодия», 1829), работа исследователя характеризуется выделенной строкой: он связывает предметные образы в единое целое, в цепь, чтобы обобщить их и, в отличие от творца, дать им название [Степанов 2001:245].

Далее, если в произведении искусства развернутые типические образы благодаря сопоставлению друг с другом через композицию и монтаж выявляют глубинную сущность как закон изображаемой действительности и тем самым и закон своего собственного существования, то и исследователь-аналитик восходит к этой глубинной сущности через анализ композиции и монтажа. Таким образом намечается взгляд на «срединное звено» в искусстве не просто

как на «типическое», но как на «конструктивную сущность», которая воплощает закон многих индивидуальных явлений и которая сама воплощается в художественном произведении не через отдельный образ, а через конструкцию-композицию и монтаж.

Ю.С. Степанов сравнивает действия исследователя-искусствоведа с действиями исследователя-лингвиста: «Подобно тому как лингвист из ряда единичных и даже индивидуальных звуков речи выделяет заключенное в них особенное, звукотип, благодаря знанию закономерного расположения единичных звуков – их дистрибуции, исследователь художественного произведения выделяет типичное как то особенное, что заключено в ряде конкретных индивидуальных образов, благодаря анализу композиции и монтажа» [Степанов 2001:245]. Композиция и монтаж в художественном произведении – аналог дистрибуции в языке. Композиция, монтаж, дистрибуция – разновидности одного и того же средства построения особенного из материала индивидуального, т.е. способы трансформирования одного вида сущности в другой.

Обращение к философским концепциям при исследовании категории бытия в языке позволяет упорядочить ход логико-лингвистических сопоставлений, а также способствует достижению адекватности анализа языковой фактологии в плане установления границ категории экзистенциальности, определяемых естественным межкатегориальным взаимодействием значений.

## **1.2. Формально-логический аспект «бытия»**

Ход предыдущих рассуждений подтверждает мысль о тесной связи онтологического и гносеологического уровней исследуемых категорий. Но данная цепь предполагает наличие еще одного звена – уровня языкового, при переходе к которому связь с первыми двумя звеньями ослабевает, приобретает иные формы. Степень согласованности / рассогласованности мыслительного и

языкового уровней возможно установить формально-логическими методами, при помощи которых правильное обращение с посылами позволяет получать истинные суждения-заключения. Логика – это то, что мысленческие и лингвистические проблемы рассматривает вкупе, являясь инструментом и того и другого.

В русле формальной логики обсуждаются прежде всего бытийные предложения, поскольку данная категория является первичной, всеобъемлющей и общезначимой. А среди бытийных рассматриваются утверждения о существовании в мире объектов, обладающих определенными свойствами [Арутюнова 1976:205].

Такие утверждения соединяют концепт и реальную действительность. Они направлены от понятия к миру, от идеи к предмету. Если в предикатном предложении заданной считается субстанция (пресуппозиция существования), которой затем приписываются (предицируются) те или другие признаки (ср.: *Этот конь гнедой*), то в экзистенциальном высказывании (утверждении о существовании) заранее данным считается некоторый комплекс признаков, а суждение касается реализованности этих признаков в субстанции; ср.: *Пони существуют, а коньки-горбунки нет*. Показатель бытия устанавливает связь между понятием и предметом, духом и материей. Он соотносит сигнификат имени и его денотат, то есть «оперирует» на внутренней структуре имени. Эта особенность бытийного предиката обуславливает двойственный семантический статус существительного и служит источником логических парадоксов.

Итак, в сообщениях о существовании наличие концепта составляет предпосылку утверждения, а реализованность (или нереализованность) данного концепта в объекте образует его коммуникативное содержание. Поэтому в экзистенциальном высказывании не может фигурировать имя собственное или дейктическое слово, т.е. знак, не выражающий никакого концепта. Когда говорят: *Гомер не существовал, Пегас не существует, Дюймовочек не бывает*, за именем собственным скрывается дескрипция, единичная или неопределенная [Russell 1952:179]. Имя *Гомер* обычно означает «древнегреческий слепой певец,

автор «Иллиады и Одиссеи». Имя *Пегас* эквивалентно сочетанию «крылатый конь», *Дюймовочка* соответствует дескрипции «девочка ростом в один дюйм». Сам вопрос о том, существовал ли Гомер (соответственно Пегас, Дюймовочка и т.п.) возможен только потому, что Гомер не есть имя. Применительно к именам собственным, которые по определению референтны, экзистенциальные высказывания излишни.

Логический анализ предложения *Гомер не существовал* представляет, как известно, значительные трудности. Он наталкивается на парадокс, суть которого состоит в том, что употребление имени *Гомер* в роли субъекта суждения основывается на пресуппозиции существования лица по имени Гомер, а предикат суждения отрицает его бытие. Пресуппозиция и предикат, таким образом, взаимоисключают друг друга: условием для утверждения о несуществовании Гомера является его существование. Если имя, представляющее субъект, не соотнесено ни с каким элементом действительности, то суждение беспредметно. Оно, следовательно, в принципе не может быть истинным. Между тем предложения типа *Гомер не существовал*, *Золотых гор не бывает* не только истинны, но их предикаты отнесены ни к чему иному, как к своим субъектам (Гомеру, золотым горам).

Приведенный парадокс разрешался по-разному. Указывалось, что понятие существования не может считаться логическим предикатом, поскольку оно не представляет собой концепта, который мог бы быть добавлен к концепту предмета. Грамматическое строение предложений с глаголом *существовать* не соответствует поэтому их логической структуре [Богданов 1977:56-65]. В их грамматическую форму входят подлежащее и сказуемое. Они не выражают, однако, субъекта и предиката суждения. Экзистенциальное значение, свойственное этим предложениям, соответствует суждению о мире, а не об отдельном его элементе, (мнение, восходящее в концепции Канта). Изложенная точка зрения отразилась на форме записи логического содержания предложений. В нотации современной логики значение существования было устранено из числа предикатов (пропозициональных функций). Вместо

экзистенциального предиката был введен квантор существования  $\Sigma$ , характеризующий термы  $\Sigma(x)$ , и в первую очередь субъект суждения. Соединяясь с символом терма, квантор существования превращает свободную переменную в связанную, т.е. такую, которая не допускает подстановки любых значений [см. Арутюнова 1976:207].

Пресуппозиция существования, таким образом, включается в содержание любого суждения. Так, предложение *Эта роза красная* прочитывается: существует  $X$  такой, что для него истинны пропозициональные функции (предикаты) *роза* и *красный*.

Дж. Мур попытался дать чисто языковое обоснование мысли о том, что понятие существования не содержит указания на атрибут субстанции. С этой целью он привлек внимание к некоторым различиям в поведении английского глагола *to exist* «существовать» и глаголов, обозначающих предиктируемые предмету признаки. Так, например, субъект глагола *to exist*, в отличие от субъекта прочих глаголов, не допускает многих кванторов. Предложение *All tame tigers exist* («Все ручные тигры существуют») лишено смысла, в то время как высказывание *All tame tigers growl* («Все ручные тигры рычат») вполне осмысленно [Moore 1959:117]. Незначимо также отрицательное суждение *Some tame tigers don't exist* («Некоторые ручные тигры не существуют»), при том что предложение *Some tame tigers don't growl* («Некоторые ручные тигры не рычат») наделено значением. Предложение *Some tame tigers growl* утверждает, что пропозиция « $X$  есть прирученный тигр и  $X$  рычит» истинна более чем при одном значении переменной. Между тем высказывание *Some tame tigers exist* утверждает только следующее: пропозиция « $X$  есть прирученный тигр» истинна более чем при одном значении переменной. Это различие в логической интерпретации совершенно аналогичных по форме предложений объясняется не тем, что высказывание *Это ручной тигр и (он) существует* совершенно эквивалентно высказыванию *Это ручной тигр*, а скорее тем, что высказывание *Это существует* не выражает вообще никакой пропозиции. Между тем, такие

предложения, как *Это ручной тигр и (он) рычит. Это (животное) рычит*, осмысленны.

Если говоря, что понятие существования не составляет предиката, который может занять место других предикатов, имеют в виду различия в языковом поведении глагола *to exist* и его синонимов, то такое утверждение справедливо, заключает Дж. Мур [Moore 1959:244-247].

В ином, не столь крайнем виде парадокс истинности может быть проиллюстрирован предложениями с неэкзистенциальными предикатами. Ср. *Санта Клаус живет на Северном полюсе. Пегас – это крылатый конь*. Такие суждения признаются истинными и вынесенными о своем субъекте. Несмотря на то, что последний с очевидностью не удовлетворяет пресуппозиции существования. Путь к решению приведенного парадокса некоторые логики искали в признании особого мира фикции и фантастики, населенного сказочными существами и литературными персонажами. К этим мирам и относятся суждения о предметах, лишенных реального существования. Наиболее тонким и в известном смысле софистичным из вариантов этого подхода является решение, предложенное в 1904г. А. Мейнонгом.

А. Мейнонг, развивая теорию объектов, обосновывал в ней возможность говорить о двух видах существования предметов – материальном и чистом (логическом) бытии предмета. Наличие у предмета тех или иных свойств не зависит от его реального существования. Для того, чтобы выносить истинные или ложные суждения, достаточно чистого бытия предмета, то есть существования некоторого концепта. В этом идеальном концепте *Пегас* наделен определенными свойствами. Суждения, утверждающие эти его свойства (например, свойство быть крылатым конем), истинны; суждения, отрицающие их, ложны. Чистое, вынесенное за пределы мира, существование (*Aussersein*), по А. Мейнонгу, первично по отношению к вопросу о реальном существовании. Для того, чтобы поставить этот последний вопрос применительно к предмету или классу предметов, следует исходить из допущения их бытия. Объект, о существовании или несуществовании которого

мы намерены вынести суждение, должен быть нам дан заранее в виде некоторого концепта. Для того чтобы знать, что круглых квадратов не существует, следует вынести суждение именно о круглых квадратах, проанализировав совместимость признаков, образующих данное понятие [Meinong 1960].

А. Мейнонг, таким образом, решал проблему нереферентных суждений апеллируя к некоторой третьей форме бытия – квазибытию, присущему всем предметам, соотносимым с концептами, в том числе индивидуальными. Эта форма бытия не имеет своей противоположности, она не противопоставлена небытию. Решение А. Мейнонга развивается в русле идей Ф. Brentano о различении физических актов, полагающих реальное существование предмета, и интенциональных актов, утверждение которых не имплицитно предполагает существование предмета. Мейнонг был склонен видеть в референции скорее интенциональный (относящийся к концепту), чем физический (относящийся к предмету) акт.

Подход А. Мейнонга вызвал резкое возражение со стороны Б. Рассела, который напомнил, что представление о странном мире несуществующих предметов оскорбляет то чувство реальности, которое полезно сохранять даже в самых абстрактных исследованиях [Russell 1952:170]. Отвергнув теорию объектов А. Мейнонга, равно как и все другие теории, основывающиеся на мысли о том, что субъект всякого значимого предложения должен относиться к предмету, обладающему бытием в том или другом (реальном или гипотетическом) мире, Б. Рассел в 1905г. изложил иную концепцию денотации, которая затем превратилась в теорию дескрипций, составившую не только краеугольный камень теории референции, но и стимул развития теории пресуппозиций [Рассел 1957:78-98].

Дескрипции, по Б. Расселу, в отличие от имен собственных, являются неполными символами. Они разложимы на переменную, осуществляющую референцию к предметам, и признаковое значение, способное к предикации. Предложение *I met a man* прочитывается как *I met X and X is human*. Б. Рассел

полагал, что в предложениях типа *Socrates is human* и *Socrates is a man* бытийный глагол выполняет разные функции. В первом предложении он осуществляет акт предикации, во втором – идентификации. Тем самым истинность этого второго предложения опирается не только на предпосылку существования Сократа, но и на предпосылку существования класса людей. В соответствии с теорией дескрипций предложения существования сообщают не об индивиде, а о свойстве. Например, предложение *автор Веверля существовал* показывает, что свойство «быть автором Веверля» истинно по отношению к одному и только к одному индивиду речи, или иначе, это свойство принадлежит данному индивиду [Russell 1952:171; см. также Bellert 1972:46-67; Bach 1967:128-153].

По мнению Н.Д. Арутюновой данная трактовка весьма уязвима, т.к. с лингвистической точки зрения представляется очевидным, что именная группа здесь не обозначает свойства. Такую денотативную отнесенность подобные именные группы получают лишь в особых синтаксических условиях и, прежде всего, при употреблении в функции предиката (*Он у вас прямо Есенин*). В приведенном же случае речь может идти о другом типе нереферентного употребления. При этом непосредственным денотатом языкового знака служит конструкт индивида, определяемый только по его свойствам, но не сводимый к этим свойствам, т.е. предполагающий некоторого абстрагированного носителя свойства. Так, можно предположить, что слово *Гомер* в высказывании *Гомер существовал* характеризует актанта ситуации, как того, кому приписывается имя Гомер и того, кому приписывается написание «Иллиады и Одиссеи». Если признать правильной такую интерпретацию, то отмеченный парадокс не будет снят. Рассматриваемые высказывания чаще воспринимаются как сообщения о «конкретном» индивиде. Именно так, вероятно, представлен денотат слова *Гомер* для человека, который видел бюсты Гомера и читал рассуждения о его личности и т.д. Подобно этому после подробного рассказа о судьбе какого-нибудь легендарного героя фраза *А между прочим, он действительно существовал* психологически должна быть воспринята как сообщение о

«конкретном» индивиде. Предлагаемая пространственная интерпретация снимает рассматриваемый логический парадокс независимо от типа денотативной отнесенности именной группы. В соответствии с такой интерпретацией представление актанта ситуации как индивида предполагает его существование где-то, т.е. либо в мире действительности, либо в мире фантазии, вымысла. Вследствие этого, предложения типа *Гомер существовал* не являются парадоксальными, так как строятся на презумпции существования Гомера по крайней мере в мире легенды и сообщают о существовании его и в мире действительности [Арутюнова 1976:210].

Таким образом, решения истинные для логики и философии, могут не соответствовать представлению об экзистенциальности и посессивности в системе языка. Поэтому в лингвистике стоит задача выявления степени соответствия той или иной гносеологической концепции значениям, реализуемым соответствующими языковыми категориями.

### **1.3. Функционально-семантическое поле категории экзистенциальности**

Семантические закономерности, реализуемые в языках мира как универсальные тенденции, привлекают в последнее время внимание лингвистов многих стран. Однако только конкретное исследование значений, реализуемых в лексических системах и грамматических конструкциях реальных языков, может вести к объяснению общих тенденций в языковых процессах и их специфических проявлений в отдельных языках.

В современной лингвистике бытийность рассматривается как семантическая категория, объединяющая различные варианты значений существования, бытия, наличия [Бондарко 1996:52; см. также Арутюнова, Ширяев 1983; Воейкова 1985; Селиверстова 1977; Селиверстова, Швейцер 1988; Bach 1967; Clark 1970; Lyons 1971]. Семантическая категория и поле бытийности репрезентируются в бытийных высказываниях теми или иными вариантами бытийных ситуаций. Бытийная ситуация – это выражаемая

различными средствами высказывания типовая (выступающая в высказывании в том или ином варианте) содержательная структура, базирующаяся на семантической категории и поле бытийности и представляющая собой тот аспект общей ситуации, выражаемой высказыванием, который связан с семантикой бытия, существования, наличия [Гак 1973:358; Храковский 1972:5].

Категория экзистенциальности широко представлена в языках мира. Значение бытия, предполагающее наличие или отсутствие чего-либо во времени и пространстве, в языке репрезентируется экзистенциальными предложениями, сообщающими о наличии чего-либо где-либо.

Вопрос о том, какие именно предложения относятся к разряду экзистенциальных, в лингвистике до сих пор не имеет однозначного решения. А.М. Ломов, например, отмечая способность номинативной модели предложения именовать «некую констатируемую ситуацию», акцентирует внимание на наличии в модели любого предложения константного экзистенциального компонента, поэтому предложение не просто называет нечто, но и констатирует, что это нечто существует или не существует. Благодаря этому, «вся человеческая речь, состоящая из предложений, превращается в говорение о существовании: в каждом высказывании мы говорим, что нечто существует, в каждом вопросе мы спрашиваем, существует ли нечто, или что существует, или как существует, в каждом волеизъявлении мы приказываем, просим, желаем, чтобы нечто существовало» [Ломов 1994:32; см. также Казарина 2002:65].

Столь широкое понимание экзистенциальности в английском, русском и других языках предполагает наличие довольно разнообразных разноуровневых средств, которые в той или иной степени передавали бы «значение «бытия» как в смысле существования, наличия, так и в смысле «присущности» той или иной совокупности свойств или состояний независимо от конкретного содержания последних» [Виноградов 1972:321].

Основным средством выражения значения существования в английском языке является синтаксическая конструкция **There PY (Loc)**, в русском – глагол

«**быть**», который рассматривают а) в качестве связки, осуществляющей связь субъекта с характеризующим его атрибутом и образующей совместно с атрибутом предикат; б) в качестве бытийного глагола.

В русском языке глагол «**быть**» обладает определенным свойством – семантической синкретичностью, обнаруживаемой им в бытийных предложениях. Бытийные предложения русского языка с его чрезвычайной синтаксической гибкостью и подвижностью хорошо показывают, что глагол «**быть**» в них взаимодействует одновременно как с денотативной отнесенностью дескрипций, так и с сигнификатом [Арутюнова, Ширяев 1983:56-67]. Иными словами, в нем соединены связочное и экзистенциальное значения. С помощью «**быть**» в экзистенциальном предложении утверждается существование некоторого предмета (или предметов) и наличие у него таксономически релевантных характеристик.

Двойственная природа глагола в бытийных предложениях обуславливает ряд их особенностей: присутствие в настоящем времени формы **есть** (она закрепила за собой экзистенциальное значение); двойная рема, в которую входит бытийный глагол и имя предмета; колебания в статусе бытийного глагола, в котором может сохраняться либо только связочное, либо только экзистенциальное значение. Бифункциональность глагола определяет синтаксическую нестабильность бытийных предложений, их склонность к структурному и коммуникативному варьированию. На базе бытийного типа легко возникают предложения таксономической и качественной предикации, сообщения о количестве, локальные предложения и предложения тождества. Форма **есть** при этом удерживается только в собственно бытийных предложениях. Преобладание связочной функции сводит ее к нулю [Арутюнова 1976:219].

Наряду с традиционно выделяемыми связочным и экзистенциальным значениями глагола *быть* В.А. Мишланов рассматривает посессивное значение данного глагола, которое выражается в бытийной конструкции, объект обладания которой наделяется атрибутом самостоятельного существования, а

субъект обладания – признаком неактивности. Застывшую форму аориста глагола *быть (быти)* исследователь признает показателем ирреальных наклонений, следовательно, источником модального значения. Частица *бы*, по его мнению, выражает данное значение самостоятельно, а также в соединении с другими частицами и гипотактическими показателями (*вот бы, еще бы, хотя бы, якобы, лишь бы, ладно бы, когда бы, чтобы, дабы, кабы* и др.) [Мишланов 2001:217-218].

Следует отметить, что английский глагол *to be* также рассматривается некоторыми исследователями как глагол, имеющий более двух (связочного и бытийного) статусов [см. Колесов 1995].

На основании анализа данных словарей [Hornby 1998; Longman 2000; Мюллер 2002] к лексико-семантической группе английских бытийных глаголов мы причисляем глаголы, которые толкуются через глагол *to be*, следовательно, включают сему «быть».

**To be** - один из самых емких по своему значению бытийных глаголов. Он употребляется в сочетании с субъектами одушевленными и неодушевленными, лицами и не лицами, конкретными или абстрактными. Некоторые ученые придерживаются мнения, что даже в качестве связки, выполняя чисто синтаксическую функцию, глагол **to be** все-таки имеет, хотя и ослабленное, значение существования [Фромм 1986:34-46]. По смысловому объему **to be** равен глаголу *to exist*, но уступает ему по частоте употребления в значении «существовать», «быть». В этом значении его использование ограничено небольшим числом выражений, имеющих определенную стилистическую окраску: *My father is no more* – *Моего отца больше нет*; *Troy is no more* – *Троя больше не существует*; *I think therefore I am* – *Я мыслю, значит, я существую*.

**To live** - глагол, который обозначает существование в его специфической форме (форме жизни) и потому используется в сочетании с именами существительными одушевленными и неодушевленными.

**To exist** имеет широкий диапазон значения: выражает идею существования и используется в сочетании с субъектами одушевленными и неодушевленными,

с лицами и не лицами, именами существительными конкретными и абстрактными: ср. *This idea exists only in his head.* – *Эта идея существует только в его голове*; *Do you believe that white tigers exist?* – *Верите ли вы, что белые тигры действительно существуют?*

**To subsist** употребляется для обозначения существования одушевленного или неодушевленного субъекта, в качестве которого может выступать как лицо, так и не лицо; однако в данной лексеме, помимо перечисленной информации, содержится информация об оценке существования (существовать несмотря на / преодолевая неблагоприятные условия, обстоятельства). Например: *Any material thing can not subsist eternally* - *Любая материальная вещь не может существовать вечно*; *Some forms of primitive culture subsist to this day* - *Некоторые формы первобытной культуры существуют до сих пор*.

В русском языке в качестве основных выделяются следующие бытийные глаголы: *быть, существовать, бывать, бытовать, встречаться, находиться, иметься, наличествовать* [Арутюнова, Ширяев 1983; Шведова 1989].

Следует отметить, что некоторые исследователи к классу экзистенциальных в английском языке относят фазисные глаголы (*to continue, to begin* и др.) и глаголы, обозначающие однократное совершение действия становления состояния (*to happen, to occur* и др.), усматривая в их семантике признак существования (**Be**). В русском языке такие подгруппы тоже существуют - это глаголы *происходить, случаться*, выражение *иметь место*, которые употребляются обычно при именах, обозначающих события, а также фазисные глаголы *начинаться, продолжаться, кончаться* и др.

Основным синтаксическим средством выражения значения экзистенциальности в английском языке служит прототипическая конструкция «**there is Y**», которая состоит из **Y** – бытующего предмета, **P** – показателя бытия, **Loc** – области бытия и включает информацию о наличии **Y-а** в самых разнообразных видах пространств. В синтаксической парадигме поля экзистенциальности в русском языке выделяются два центра: а) конструкции с предикатами существования; б) номинативные конструкции.

Рассмотрим подробнее английскую конструкцию «**there is Y**». Традиция отнесения ее к категории экзистенциальных восходит, по-видимому, к работе О. Есперсена «Философия грамматики», в которой автор отмечает, что в предложениях, построенных по моделям «**there is Y**», а также в соответствующих им предложениях других языков утверждается или отрицается существование чего-либо [Есперсен 1958:134-137]. О.Н. Селиверстова определяет признак существования как информацию о свойстве «быть в действительности», «быть действительным» (*to be real*). Обозначим это понимание признака существования знаком **Ex 1**. Признак **Ex 1** входит в семантическую систему английского языка и закреплён за глаголами *to exist, to be*. Однако, можно ли считать, что признак **Ex 1** реализуется в предложениях типа *There is a book on the table* – *На столе книга?* По всей видимости, существование книг в данном случае предполагается заранее, и говорящий сообщает только о том, что объект из класса «книги» обнаруживается в пределах пространства «стол». Именно это соображение позволяет отнести рассматриваемое предложение к категории экзистенциальных. Таким образом, информация о существовании **Y-a** в предложениях, построенных по модели «**there is Y**» выступает как исходная, заданная, иными словами, относится к пресуппозиции высказывания, а модель, указывающая на нахождение объекта в пространстве, отличается от локативной только эмфатическим положением глагола в предложении. Таким образом, локативный признак соединяется с экзистенциальным **Ex 1**, а не заменяет его [Селиверстова 1977:51].

Справедливость пространственной интерпретации очевидна по отношению к фразам типа *There is a book on the table*. Она верна и для других вариантов значения конструкции «**there is**», если под словом «пространство» понимать не только физическое пространство, но и пространство класса, множества, действия, события, ситуации и т.д. [Селиверстова 1977:45-67].

Признак «реальность – нереальность» также может получать пространственную интерпретацию, а именно: он может характеризовать **Y** опосредствованно через указание на то пространство, которому принадлежит **Y**

– пространство «реального» или «нереального» (мифа, сказки и т.д.). Например: *Все это существует в действительности, а не только в сказках* [Селиверстова, Швейцер 1988:130-131; см. также Арутюнова 1976; Lyons 1967].

Среди различных видов пространства можно выделить мир действительности и мир вымысла, взятые в противопоставлении друг другу. В пределах объективного мира и мира, созданного мыслью человека, различается пространство классов, множеств. Нужно сказать, что при исследовании модели «**there is Y**» необходимо учитывать не только вид пространства, но и характеристику **Y**. В большинстве случаев оказывается важной та характеристика, которая соответствует лексическому значению слова, обозначающего **Y**, т.е. относится ли **Y** к категории чувств, свойств, представлений, моментов во времени, действий, событий, предметов и т.д.

Таким образом, предложения, построенные по модели «**there is Y**», сообщают о наличии, нахождении **Y-а** в пространстве или, иными словами, о том, что положение **Y-а**, представленного графически в виде точки, может быть задано в системе координат данного пространства. Эту информацию мы будем обозначать **Ex 2**. Несмотря на то, что **Ex 2** является пространственным признаком, сохраним за ним название «экзистенциальный», поскольку и сам глагол *to exist*, может сообщать не только о свойстве объекта «быть реальным», но и о нахождении его в некоторых видах пространства.

Признак **Ex 2** объединяет конструкцию «**there is Y**» с так называемыми локативными предложениями, которые будут записаны в форме «**Y is prep. S**», где **Y** – объект бытия, **prep.** – предлог, **S** – область бытия. Эта модель также несет информацию о нахождении **Y-а** в пространствах разного типа [Селиверстова 1977:45; см. также Селиверстова, Швейцер 1988:131].

Как отмечает большинство авторов, конструкция «**there is Y in S**» чаще всего служит для передачи информации о наличии **Y-а** в **S**, например: *The sky was pale and cold but there were lights in the castle* - «Небо было бледным и холодным, но в замке светились огни». Эта конструкция может использоваться и тогда, когда наличие качественно и количественно неидентифицированного

Y-а известно заранее, например: *How many days are there in February?* «Сколько дней в феврале?» [Селиверстова 1977:47].

Конструкция «**there is Y**» не служит для передачи информации о том, в каком именно S находится Y. Эту информацию несет модель «**Y is prep. S**», например: *Where is Mary? She is in the garden.* - Где Мэри? Она в саду.

Конструкция «**there is Y**» используется не только в тех случаях, когда слушатель знает, где совершается событие. Для него и информация о месте осуществления события, и информация о качественной характеристике события могут быть новыми. Однако и в этом случае семантическая структура предложений, построенных по модели «**there is Y**», не представляет собой сумму двух информаций: что произошло и где произошло. Они строятся как сообщения о том, что произошло, было найдено, обнаружено в данном месте. Действительно, конструкция «**there is Y**» используется тогда, когда характер описываемой ситуации не позволяет расчленить сообщение на две отдельные информации: что произошло и где произошло, например: *These men had come to the police-station and said there was a white man lying dead on the path that led through the jungle to Kabulong.* - Эти люди пришли в полицейский участок и сказали, что на тропе, которая ведет через джунгли в Кабулонг, лежит мертвый белый человек. Цель речи в данном контексте заключается в том, чтобы сообщить, где именно был обнаружен труп: информация о том, что вообще где-то лежит мертвый человек не имеет самостоятельной коммуникативной ценности [Селиверстова 1977:48-53].

Предложения, построенные по модели «**there is Y**», могут также встречаться в контекстах, в которых речь идет о причине того или иного действия, об источнике тех или иных сведений и т.д. при условии, что и причиной действия, и источником сведений служит не только сам факт осуществления описываемого события, но и то, что произошло оно именно в данном месте, а не в каком-либо другом [Селиверстова, Швейцер 1988:121-135].

Напротив, если цель речи – информировать слушателя о том, что происходит и где происходит, т.е. если говорящий хочет передать две

независимые информации (указание на место выступает здесь как дополнительная характеристика события), выбирается модель «**Y V prep. S**». Модель «**there is Y**» не употреблялась также при переводе следующего текста: *Вчера одна женщина проходила мимо моего дома. Я пригласила ее к себе, чтобы она немного отдохнула, и она мне все об этом рассказала.* - *Yesterday a woman was going past my house. I invited her in and she told me all about it.* Хотя первое событие «*вчера проходила женщина*» (**Ev 1**) послужило условием для осуществления последнего события (**Ev 3**) именно потому, что произошло в месте *S* (около дома автора речи), оно не описывается при помощи модели «**there is Y + Part. 1**». Это связано с тем, что **Ev 3** («Она рассказала все об этом»), информация об осуществлении которого имеет наибольшую коммуникативную значимость, совершается не во время **Ev 1** и не в том месте, где **Ev 1**. Вследствие этого первое предложение строится не как ответ на вопрос о том, что произошло в **S1** в некоторый определенный момент времени, а как сообщение о том, какое событие, предшествующее **Ev 3**, совершилось и где оно совершилось [Селиверстова, Швейцер 1988:134]. В связи с данными рассуждениями любопытны следующие контексты:

*Mummy! There's a woman going past our house* - *Мама! Мимо нашего дома идет какая-то женщина; Do you think I ought to peep between the curtains and see if there's a figure in slouch hat and raincoat lurking across the street?* - *Ты думаешь, мне нужно незаметно выглянуть в окно и посмотреть, не прячется ли на противоположной стороне некто в плаще и шляпе с опущенными полями?* Коммуникативным центром является информация о событиях, обозначенных предложениями с конструкцией «**there is Y + Part.1**», причем эти события представляют интерес в качестве объекта сообщения именно потому, что совершаются или могут совершаться в описываемом месте [Селиверстова, Швейцер 1988:138].

Сообщение об осуществлении нескольких одновременных событий, происходящих в разных местах, обычно строится как ответ на вопрос: что происходит (имеется, находится) где?, а не как ответ на вопросы: что

происходит (находится, имеется) в **S1**, что происходит в **S2** и т.д. Вследствие этого подобные сообщения строятся по моделям «**Y is prep. S**» и «**Y V prep. S**», например: *Many fishermen were around the skiff looking at what was lashed beside it and one was in the water, his trousers rolled up, measuring the skeleton with a length of line.* - *Вокруг лодки собралось множество рыбаков и все они рассматривали то, что было к ней привязано; один рыбак стоял в воде с засученными брюками и измерял веревкой длину остова* [Селиверстова 1977:53].

Итак, конструкция «**there is Y**» сообщает о том, что находится, происходит в данном месте, а модели «**Y is prep. S**», «**Y V prep. S**» несут информацию о том, что и где происходит, обнаруживается, находится.

Различия по признаку «что происходит (находится) в данном пространстве – что происходит (находится) и где происходит (находится)» были рассмотрены на примере высказываний, в которых речь идет о физическом пространстве. Однако данное различие может, по-видимому, реализовываться и при описании других видов пространства. Конструкция «**there is Y**» сообщает о том, что происходит в данном месте в данное время. Напротив, модели «**Y is prep. S**», «**Y prep. S**» могут нести информацию о том, что происходит (в данном месте) и когда происходит. Вследствие этого конструкция «**there is Y**» обычно не выбирается, когда перечисляются следующие друг за другом события, даже если они осуществляются в одном и том же месте. Например, по утверждению О.Н. Селиверстовой, нельзя сказать: *Last year there was a strange man living here but this year he hasn't come.* Здесь требуется употребить модель «**Y V prep. S**»: *Last year a strange man lived here but this year he hasn't come.* - *В прошлом году здесь жил какой-то странный человек, но в этом году он не приехал.* Этот выбор объясняется тем, что в рассмотренном контексте автор речи не ставит своей целью сообщить, что происходило в один определенный момент времени в **S**. Он сопоставляет два временных момента. Кроме того, в приведенном предложении внимание акцентируется на том, какие различные действия осуществляет субъект действия, а не на событии в целом, что также препятствует выбору конструкции «**there is Y**». Эта конструкция используется

в тех случаях, когда цель речи – сообщить, что происходило (имело место, делалось) в определенный момент времени безотносительно к последующим действиям участника события. Например, предложение *В прошлом году здесь жил какой-то странный человек* переводилось с помощью конструкции «**there is Y**»: *Last year there was a strange man living here* [Селиверстова, Швейцер 1988:137].

Модели «**Y V prep. S**», «**Y is prep. S**» являются немаркированными членами рассмотренной выше оппозиции: они могут использоваться и для передачи информации о том, что происходит в данном месте. Именно эти модели выбираются в тех случаях, когда речь строится как ответ на вопрос о том, что находится в описываемом месте или кто осуществляет описываемое действие, т.е. когда наличие неидентифицированного **Y-а** в **S** или осуществление действия кем-либо заранее известно. Модель «**Y V prep. S**» используется также тогда, когда говорящий отвечает на вопрос, что именно делает **Y**. Кроме того, модели «**Y V prep. S**», «**Y is prep. S**» могут встречаться и в таких контекстах, в которых осуществление какого-либо действия кем-либо вообще не предполагается известным, причем **Y** выражен существительным с неопределенным артиклем или местоимениями *somebody (-one)*, *anybody (-one)* [Селиверстова 1977:54-56].

Модели «**Y V (prep. S)**», «**Y is (prep. S)**» выбираются также в том случае, когда говорящий хочет акцентировать внимание не только на том, что выделяется такой член класса, который является субъектом действия, но и на том, что не всякий член данного класса способен по своим качествам стать субъектом действия. Например, О.Н. Селиверстова рассматривала следующую ситуацию: Дети играют в саду. Миссис N опасается, что кто-нибудь из детей может начать рвать цветы, причем она считает, что все дети способны совершить такой поступок. Она говорит своему старшему сыну: «*Пойди посмотри, не рвет ли кто-нибудь цветы*». В этом контексте слова миссис N переводились с помощью конструкции «**there is Y**»: *Go and see, if there is anyone picking any flowers*. Выбор данной модели можно объяснить тем, что в

приведенном контексте нет противопоставления субъекта действия другим членам группы [Селиверстова 1977:66-67].

Итак, модели «**Y V (prep. S)**», «**Y is (prep. S)**» сообщают о выделении такого члена класса (множества), который осуществляет описываемое действие в **S** или находится в описываемом месте. Эти модели имеют ограниченное использование и могут получать в различных контекстах дополнительные признаки, отграничивающие их от модели «**there is Y (prep. S)**».

В тех случаях, когда актант ситуации неизвестен, экзистенциальная ситуация может быть представлена моделью, в семантическую структуру которой вводится информация о наблюдателе: *We can see new houses going up in this district* [Селиверстова, Швейцер 1988:136]. Аналогичные конструкции присутствуют и в русском языке.

Как отмечает А.В. Бондарко, поле бытийности в русском языке по своей структуре является полицентрическим (бицентрическим). Бицентрическая структура определяется двумя типами отношения предикативной семантики бытийности к синтаксической структуре предложения. Первый тип, определяющий одну из сфер рассматриваемого поля, - бытийность, которая представлена предикатом существования, например *Есть в осени первоначальной короткая, но дивная пора ... (Ф. Тютчев)*, второй тип бытийности и вторая сфера данного поля – бытийность, выражаемая в номинативных предложениях: *Вечер; Тишина* и т.п. А.В. Бондарко называет первый тип дискретной бытийностью, а второй недискретной. Речь идет о разных типах семантических структур, по-разному соотносящихся с синтаксической структурой предложения. При дискретной бытийности семантика существования представляет собой самостоятельный дискретный элемент семантической структуры предложения, находящий выражение в особом предикате существования. При недискретной бытийности признак существования выступает в единстве с его носителем: семантические элементы бытующей субстанции и бытия находят синкретичное выражение в односоставных номинативных предложениях [Бондарко 1996:67-78].

Соответственно в поле бытийности в русском языке выделяются а) синтаксические конструкции с предикатами существования; б) номинативные конструкции, к которым принято относить главным образом предложения со значением «состояния среды» [Пешковский 1938:344-345]. Синтаксический анализ этой категории предложений, основывавшийся на идеях А.А. Шахматова, квалифицирует формы настоящего времени (*Зима. Мороз.*) как полные односоставные предложения, а формы, образованные с глаголом «быть» (*Была зима.*), как двусоставные [Шахматов 1941:51-52]. Известно, что иной позиции придерживается В.В. Виноградов, который рассматривает предложения типа *Была зима* как одночленные, полагая что это – простое название явления, относимого к прошлому, простая констатация явления в прошлом [Виноградов 1950:114]. Опираясь на приведенное замечание В.В. Виноградова, И.Л. Попова определяет предложения типа *Была зима* как номинативные и одночленные, т.е. нерасчлененные, но все же двусоставные предложения [Попова 1970:178]. Понятие парадигмы предложения, введенное в описательную грамматику Н.Ю. Шведовой, позволило объединить разные формы одного предложения в общую систему [Шведова 1967].

Унификация синтаксического анализа разных форм единого типа предложений не была, однако, достигнута полностью. Так в академической грамматике 1970 г. предложения типа *Есть деньги* отнесены к категории двусоставных, а их отрицательные корреляты (*Нет денег*) рассматриваются в разряде односоставных высказываний на основании того, что отрицание, стоящее при предикате рассматривается как грамматическая категория предложения, характеризующая его форму, но не влияющая на тип [Грамматика 1970:567].

Вторая серьезная проблема, связанная с анализом бытийных предложений приведенного образца, касается их отношения к высказываниям, включающим локальный элемент (тип *В тайге зима, в доме тишина*). В большинстве случаев в таких структурах видят распространение предложения второстепенными членами. Н.Ю. Шведова, обратившая внимание на ту огромную и совершенно

особую роль, какую играют в русском синтаксисе свободно присоединяемые к ядру предложения детерминанты, рассматривает локальный элемент как обстоятельство, относящееся ко всему предложению в целом. В соответствии с этой точкой зрения первичной и основной является форма *Зима*, конструкции же с локальными элементами представляют собой результат ее распространения [Шведова 1964:77-93]. С.Н. Цейтлин, напротив, считает номинативные предложения бытийного образца (*Тишина, Тоска, Скука*) редукцией двусоставных предложений: *В лесу тишина – Тишина, У меня тоска – Тоска* [Цейтлин 1972; см. также Арутюнова 1976:230].

Решение вопроса об исходной форме бытийных предложений, по-видимому, зависит от того, насколько центральной, т.е. необходимой для семантической и структурной полноценности высказывания, является позиция локализатора. Между тем эта последняя обладает разным статусом в разных по своему лексическому наполнению типах бытийных предложений.

В классической (первичной) семантической структуре бытийных предложений, как уже говорилось, существительное имеет предметное значение. В таких предложениях область бытия предмета достаточно настоятельно требует конкретизации. Ср. *В саду были яблони и груши, В вазе фрукты, В правой руке у него трость*. Когда позицию имени занимает событийное существительное, указывающее на действие, процесс, происшествие и т.п., то позиция обстоятельства места становится более факультативной, как и в любом глагольном предложении действия, а глагол *быть* меняет свою функцию: из показателя существования предмета он превращается в показатель модально-темпоральных категорий действия или состояния. В предложениях *В саду были яблони (люди)* и *В саду была тишина* функции глагола *быть* различны, в первом случае *быть* имеет собственно экзистенциальное значение, указывая на существование предмета, во втором случае *быть* имеет значение осуществленности события, обычно выражаемое в языке при помощи категорий времени и модальности. В этой своей второй функции *быть* редко попадает в «коммуникативный фокус». Поэтому в

высказываниях о реализации события глагол *есть* присутствует гораздо реже, чем в высказываниях о существовании предметов [Арутюнова 1976:97].

Поскольку предметные понятия соотносительны с пространством, а событийные – с временем, предметно-бытийные предложения теснее связаны с обстоятельством места, нежели высказывания о событиях, семантически сближающиеся с глагольным типом (ср. *Скука* – я скучаю; *Тоска* – я тоскую, *Суета* – я суечусь). Нельзя не согласиться с тем, что такого рода предложения можно было бы вывести из поля бытийности и считать номинативными эквивалентами глагольных предложений, если бы не следующие особенности их формальной структуры, сближающие их с экзистенциальными предложениями и отличающие от номинативных. Эти предложения, как и все предложения экзистенциального значения, допускают введение предиката наличия (*Есть дождь, Бывают бури, Бывает тоска*), а их отрицательная форма создается при помощи экзистенциального предиката *нет* (или *не бывает*), но не может быть образована прямым присоединением отрицания *не* (*Нет дождя, Нет тоски, Не бывает бурь*).

Номинативные предложения в собственном смысле не могут иметь отрицания *нет* (ср. *Не дождь, а град. Никакой это не стол. Совсем не идиот*). Предложения *Здесь есть фонарь, Здесь нет фонаря* и *Фонарь / Не фонарь (Это фонарь, Это не фонарь)* принадлежат к принципиально разным категориям. Событийные предложения *Здесь есть дождь, Здесь нет дождя* идентифицируются с первым из названных типов [Арутюнова, Ширяев 1983:91].

Относя предложения типа *Буря; Тоска; Скука* к экзистенциальному полю, мы тем самым распространяем и на них формулу трехчленной структуры, включающей локализатор, который позволяет адресату речи отождествить тему сообщения, т.е. ту сферу реальности, к которой отнесено высказывание. В целом следует констатировать, что русские бытийные предложения обычно не рассматриваются как единый класс. Они частично попадают в раздел об односоставных предложениях, частично анализируются в числе предложений

двусоставных. Некоторые виды бытийных предложений включаются в разряд неполных или эллиптических предложений [см. Селиверстова 1973:95-105].

Вторая группа экзистенциальных конструкций, выделяемая исследователями применительно к русскому языку, представлена высказываниями с перечисленными выше глаголами бытийной семантики.

Ядро функционально-семантического поля бытийности представляют высказывания, в которых утверждается или отрицается существование субъекта, сохранение его существенных качеств в течение некоторого временного периода.

Основные признаки этих высказываний следующие: 1) преимущественное употребление в качестве предиката глагола «существовать» и возможность подстановки этого глагола вместо употребленного в высказывании: *Ольга Андреевна как будто догадалась об этом и сказала: «Вы не сердитесь. Есть (= существует) почта, есть (= существует) телеграф, и я не знаю, зачем ему понадобилось вас затруднять»*; 2) отсутствие пресуппозиции существования и наличие пресуппозиции качественной определенности [Арутюнова 1976:97-109].

Из всего вышеизложенного следует, что категория экзистенциальности есть семантическая категория, представляющая собой языковую интерпретацию мыслительной категории существования, и функционально-семантическое поле, охватывающее разноуровневые средства языка, взаимодействующие при выражении отношений существования.

Существуют определенные критерии, по которым выявляется ядро (центр) функционально-семантического поля:

- частотность употребления того или иного языкового средства при выражении определенного категориального значения;
- максимальная функциональная нагрузка;
- максимальная концентрация специфических для данной категории признаков;

- наибольшая специализированность данного языкового средства или системы таких средств для реализации определенной семантической функции [см. Антропол. лингвистика 2003:118].

Следовательно, в центре категории должна находиться такая структура, в которой семантика бытия отражена самым эксплицитным и экономным способом. В периферийной области находят выражения и новые признаки, дополняющие семантические возможности ядра.

Центральная зона ФСП экзистенциальности представлена синтаксическими и лексическими средствами выражения этого значения. Синтаксическим ядром ФСП экзистенциальности в английском языке является конструкция **There PY (Loc)**, в русском – **глагольные бытийные высказывания**. Ядерную зону на уровне лексики заполняет русский глагол «**быть**».

Промежуточное положение в структуре ФСП экзистенциальности занимают синтаксические конструкции **PY Loc** и **Loc PY** в английском языке и **номинативные предложения**, передающие бытийную ситуацию имплицитно, - в русском. На лексическом уровне выделяются глаголы бытийной семантики *to be, to live, to exist, to subsist* в английском и *существовать, иметься, бывать, бытовать, встречаться, находиться, наличествовать* – в русском языке. Значения некоторых из перечисленных глаголов сочетают значение бытия с указанием на форму и вид существования объекта.

Периферийное положение в поле экзистенциальности занимают английские и русские конструкции, используемые в случаях, когда актант ситуации неизвестен и в структуру модели вводится информация о наблюдателе: *We can see ... / Мы можем видеть ...*. Лексическую периферию образуют фазисные глаголы (*to continue, to begin, to finish* - в английском языке; *начинаться, продолжаться, кончаться* - в русском) и глаголы однократного действия становления бытия (*to happen, to occur* – в английском языке; *случаться, происходить* – в русском языке).

#### 1.4. Функционально-семантическое поле категории посессивности

На определенной стадии развития общества наряду с концепцией бытия в сферу социальной философии проникает концепция обладания. Многие ученые связывают ее появление с зарождением частной собственности, т.к., по их мнению, сама природа обладания вытекает из природы именно этого типа собственности. Понятия «быть» и «иметь» рассматриваются в истории социально-философской мысли как две диаметрально противоположные концепции смысла человеческой жизни. «Быть» – это значит реализовывать для себя такую программу жизнедеятельности, которая бы отвечала духовным потребностям человека, его истинной сути. «Иметь» – это, с одной стороны, то, «чем и в каком количестве я обладаю, а с другой стороны, то, как принадлежащие мне вещи обладают мной» [Краткий курс фил. 2000:135-136].

Таким образом, противоположность двух социальных концепций лаконично формулируется так: «иметь или быть?». Само появление каждой из этих концепций, а тем более их распространенность в том или ином обществе, в ту или иную эпоху, имеют зримые социальные и экономические корни. Исторический опыт показывает, что в зависимости от характера общества в нем превалирует та или иная ценностная установка. Э. Фромм проводит различие между двумя типами существования – по типу бытия и по типу обладания. При этом, понятие обладания связывается с представлением о накопительстве вещей, знания и т.д. и с оценкой личности в зависимости от ее материальной или нематериальной собственности, а не в зависимости от свойств самой этой личности. В это понятие входит также представление о статичности, об оторванности личности от постоянной созидательной деятельности, не связанной с самоутверждением. Напротив, существование по типу бытия предполагает интерес к внешнему миру, деятельность. Как представляется, в этом противопоставлении автору удалось уловить очень интересное с точки зрения психологии различие в ценностных установках личности [Фромм 1986:13].

В каждом человеке, поскольку он единство биосоциальное, существуют в изначальном виде оба стремления (и «быть», и «иметь»). По сути дела, между «быть» и «иметь» с точки зрения социальной философии нет антагонистического противоречия. Ведь для того, чтобы «быть», реализовывать лучшие человеческие качества, необходимо иметь определенное количество материальных благ в довольно широком наборе [Краткий курс фил. 2000:135-136].

С точки зрения лингвистической диахронии известно, что глагол «иметь» в современных индоевропейских языках не находит соответствия в языке-основе (в отличие от глагола «быть»). Это привело лингвистов к заключению, что лексема «иметь» является более поздним приобретением для индоевропейских языков [Meillet 1924:9-13]. А. Мейе также увязывает появление глагола «иметь» с возникновением частной собственности [Meillet 1926:175-198]. Как справедливо отмечает В. Гак, «трудно судить, вызвано ли к жизни понятие собственности / имущественности глаголом «иметь», но несомненно, что до него существовало понятие принадлежности, обладания, которое распространялось если не на имущество, то на иные объекты, связанные с человеком (члены семьи, части тела, чувства)» [Гак 1977:245].

А. Мейе предполагает, что этот глагол возник тогда, когда уже ослабли связи между индоевропейскими народами. Понадобилось много времени, чтобы лексема «иметь» закрепились хотя бы в части индоевропейских языков. Так, в латинском языке у Плавта встречаются еще примеры с глаголом «быть» в посессивном значении *mihi est domus*, *mihi sunt libri*, а Цицерон (через 200 лет) предпочитает в таких случаях *habeo* и *possideo*. Аналогичная картина прослеживается и в греческом языке. Э. Бенвенист считает, что во всех языках развитие идет от типа *mihi est* к *habeo*, но не наоборот, и выражение *habeo aliquid* является лишь вторичным вариантом *mihi est aliquid* [Бенвенист 1974:211-212].

Эту тенденцию можно было бы объяснить стремлением к изоморфизму логического и синтаксического субъектов. В конструкции с глаголом «иметь», в которой субъект обладания совпадает с синтаксическим субъектом в

именительном падеже, проявляется больший изоморфизм показателей передаваемому содержанию, нежели в конструкциях типа *mihi est*.

Языковую интерпретацию широкого круга отношений обладания, принадлежности, включая отношение части и целого, представляет функционально-семантическая категория посессивности – одна из разновидностей более общей семантической категории реляционности.

Язык, являясь продуктом человеческой деятельности, отражает реальный мир через субъективную призму человеческого сознания. Человек в этом мире занимает особое место по сравнению с остальными объектами. Поэтому естественно, что отношение, связывающее два неодушевленных предмета не может быть идентично отношению, связывающему лицо и неодушевленный предмет [Антропол. лингвистика 2003:107]. Сфера посессивности лица шире сферы посессивности предмета или события. Сфера посессивности «я» самая широкая.

В современных исследованиях категория посессивности рассматривается как категория эгоцентрической ориентации, в которой в качестве субъекта обладания всегда будет выступать антропоним.

Отражая наиболее существенные отношения между предметами обладания объективной действительности и человеком, категория посессивности охватывает большой участок концептуальной сферы и включает в себя целый ряд субкатегорий:

- 1) собственно обладание – обладание материальными объектами, каким-либо конкретным видом собственности. Эта разновидность обладания основывается на отношении отчуждаемой принадлежности;
- 2) обладание частями и органами тела;
- 3) обладание психическими, физическими, эмоциональными свойствами и качествами, т.е. всем тем, что характеризует человека как физическую и психическую личность. Данная разновидность обладания характеризуется отношением неотчуждаемой принадлежности;

- 4) обладание семейно-родственными, социальными, функциональными и другими отношениями, характеризующими «личную сферу» человека.

Собственно обладание (материальное обладание) подразделяется в свою очередь, на обладание собственника и обладание несобственника. Обладание собственника предполагает, что обладатель имеет право владеть, пользоваться и распоряжаться обладаемым в пределах, установленных законом. Пользование связано с владением и заключается в извлечении из вещи ее полезных свойств. Распоряжение означает, что лицо вправе устанавливать те или иные правоотношения с другими лицами по поводу принадлежащей ему вещи. Считается, что этот вид отношений лежит в основе имущественных отношений, связанных с экономическими и нравственными понятиями [Подольская 1980]. Обладание несобственника предполагает, что хотя он и имеет, пользуется и передает предмет другому лицу, он не имеет права распоряжаться этим предметом.

Как правило, вид обладания представляется следующей трансформационной моделью «X has Y» и «Y is X's». Если из предложения следует, что «X has Y and Y is X's», это значит, что обладатель (X) является собственником предмета. В противном случае X будет «временным обладателем», который не имеет права распоряжаться предметом.

Отношения, характеризующие человека через обладание какими-либо частями или органами тела, а также какими-либо обязательными атрибутами внешнего облика основываются на отношении абсолютной или относительной неотчуждаемости. Человек как «биологическая сущность» имеет определенный набор присущих ему «признаков» – врожденное обладание. Но вместе с тем в течение всей своей жизни он (сознательно или бессознательно) может приобретать или утрачивать какие-то физические, психические, эмоциональные или ментальные качества.

*Гордость у нас есть, это правда! (Акунин).*

*This old woman had a cunning heart, seeking for ever her own female power (Lawrence).*

Родственные отношения, являющиеся более тесными, нерасторжимыми по сравнению с другими межличностными отношениями, базируются на абсолютной неотчуждаемости. Отношения семейные, социальные, функциональные, дружеские, также входящие в личную сферу человека, основываются на отношении относительной неотчуждаемости (Ср. *моя бывшая жена - моя бывшая сестра*).

Таким образом, категория обладания является семантически гетерогенной, а вся совокупность семантических субкатегорий обладания характеризует человека через обладание различными материальными предметами, частями тела, качествами, свойствами, отношениями.

Каждый из названных видов обладания проецируется на высказывание в виде категориальной ситуации обладания, которая отражает связь между языковыми единицами и реальными явлениями внеязыковой действительности, т.е. денотативные (референтные) связи. Н.Г. Виноградова и Ю.М. Малинович подразделяют ситуации обладания на ситуации **статического обладания** и ситуации **динамического обладания** [Антропол. лингвистика 2003:105]. Составными элементами статической ситуации обладания являются «обладатель»; «объект обладания» и «отношение, связывающее объект обладания с обладателем». Посессивное отношение является отношением направленным. Обладатель рассматривается как ориентирующий элемент, а объект обладания как ориентируемый (обладаемое логически подчинено обладателю). В основе этого общего отношения лежит идея, которую можно было бы описать как распространение одного объекта (обладателя, X-а) на другой или на некоторое множество других (обладаемые, Y-и). Данное распространение может реализовываться через три основных отношения: а) X распространяет свое силовое поле на Y, т.е. Y находится под властью X-а (физической, юридической, моральной); б) X распространен на Y физически или функционально, т.е. Y является частью X-а или частью его «существования» (жизнедеятельности, функционирования); в) Y несет в себе

элемент X-а (имеет свойство, существующее как отношение к обладателю – *его враг, его друг*).

При анализе ситуаций обладания как разновидностей посессивных ситуаций необходимо принимать во внимание не только их денотативно-понятийную (универсальную по своей природе) основу, но и интерпретационный компонент, связанный с языковой семантической интерпретацией смысла, определяемой конкретной формой его выражения в данном языке. Так, в высказывании *Этой мой автомобиль* отношения обладания характеризуются следующими признаками а) объект обладания представлен как независимая субстанция, занимающая центральное положение в синтаксическом содержании предложения; б) предикативный признак обладания интерпретируется как наличие предмета обладания в сфере обладателя; в) обладатель может быть представлен как «сфера субъекта», к которой относится наличие предмета. Такой способ представления отношений обладания типичен для русского языка. Иначе интерпретируется структура ситуации обладания в высказываниях типа *I have a car*, типичных для английского языка: а) объект обладания интерпретируется как зависимая субстанция – прямой объект, зависящий от предикативного признака; б) предикативный признак обладания в таких конструкциях представлен как распространение отношения обладания, исходящего от субъекта-обладателя, на объект обладания как прямой объект; в) обладателя можно трактовать как субъект, выступающий в позиции подлежащего, т.е. как независимую субстанцию-носитель предикативного признака обладания [Подр. см. Бондарко 1978:100-101].

Таким образом, универсальную денотативно-понятийную основу ситуации обладания с элементами «предмет обладания», «обладатель» и «отношение обладания» в одном случае следует интерпретировать как «наличие предмета обладания в сфере обладателя», а в другом трактовать в агентивной структуре «обладатель-субъект распространяет отношение обладания на предмет обладания, выступающий в роли объекта» [Антропол. лингвистика 2003:106].

Характеризуя отмеченные отношения, следует обратить внимание на то, что 1) эти отношения могут перекрещиваться; 2) они строятся на том, что потенциально **Y** мог бы иметь независимое существование; 3) четкие критерии для выделения данных отношений отсутствуют. Из последней характеристики следует, что денотативная отнесенность посессивных языковых единиц либо должна сильно различаться у разных говорящих, либо в сильной степени регулироваться узусом, т.е. принятыми в обществе представлениями, например, о том, при каких условиях объект, вовлеченный в деятельность другого объекта, может рассматриваться как часть некоторого отрезка существования последнего.

Характеристика объекта обладания (**Y**), так или иначе вовлеченного в действия (деятельность) **X**-а, сопряжена с информацией о наличии какого-то отношения собственности, иногда понимаемого очень широко. **X** может являться обладателем **Y**, если:

а) **Y** – материальный объект, которым **X** имеет постоянное или временное право распоряжаться: *If Saddam had these weapons and he so hated Americans, why did he not use them?* (Newsweek). *Господин Остролыженский имеет билет от Нижнего до Казани* (Акунин);

б) **Y** – часть **X**-а, которой **X** может управлять, подчинять себе или в случае, если **X** может быть идентифицирован как **X** и при потере **Y**-а (его рука, нога и т.д.). Это так называемые отторжимые части: *She had long, long-striding, fine legs, too slim rather than too thick* (Lawrence). *У меня нет ноги и руки, но есть глаза. У малого нет глаз, со временем не будет ни рук, ни ног, ни воли* (Короленко);

в) **Y** – свойство, а **X** – его носитель. Данное отношение объясняется общим определением посессивности – свойство – это составная, хотя и нематериальная часть **X**-а, которая, однако, может быть представлена определенно. Кроме того, свойство в каком-то смысле подчинено своему носителю, как всякая часть подчинена целому: *Однако в нем не было и следов романтизма, отличавшего гоголевского героя* (Короленко);

г) Y – чувство, ощущение, состояние, а X является его носителем. Чувства, состояния – продукты жизнедеятельности X-а, «созданные» им и существующие в нем: И ему *казалось, что все горе смолкло в глубине сердца, что у него нет никаких порывов и желаний* (Короленко). *Her soul had the half painful, half easing knack of leaving her ...* (Lawrence);

д) Y – представление, понятие, элемент мировоззрения X-а (вера, знания): «*I have an idea*» *Mother began* (Baker);

е) Y – действие, нематериальный продукт деятельности его производителя: *Every evening they had long walks in the park* (Smith).

Данное отношение имеет ряд запретов на описание при помощи языковых посессивных единиц, т.к. оно может рассматриваться как не имеющее самостоятельного существования отдельного от X-а, а также как прежде всего затрагивающее объект или адресат действия. Такая неоднозначность самой природы данной сущности позволяет уже теоретически предсказать, что она будет описываться посессивными языковыми единицами лишь при некоторых особых условиях. К числу этих условий относится опредмечивание действия и представление его в качестве «самостоятельного» явления. Для посессивной интерпретации должно быть также существенно «отсечение» связей описываемого действия от других, кроме его субъекта, актантов, для которых могло бы осуществляться действие и на которых прежде всего сказывался бы его результат. Поэтому сочетания типа *to have a talk (a look)* употребляются только в тех случаях, когда денотат подлежащего – это не только субъект или один из субъектов действия, но и тот, кого непосредственно касается результат действия, т.е. в частности, тот, кто может использовать результат действия [Григалюнене 1989:244-250]. Данные словосочетания не используются, если в контексте имеется указание, что действие направлено на кого-то другого (не на X) или оно совершается ради кого-то другого. Так, неотмеченными являются случаи употребления: *I had a talk only for you* или *I had a talk to you* ср. рус.: *Я имел с ним беседу только ради Вас*, хотя соответствующие глаголы допускают такую сочетаемость: *Я говорил с ним только ради Вас*. Актант ситуации,

соответствующий непосредственному объекту действия, не может быть также представлен в семантической структуре предложений с предикатами типа *to have a talk (a look)*, если этот актант рассматривается не как уточнитель типа действия, а как тот, на ком прежде всего сказывается результат действия, например, *to have a wash of the baby, to have a trim of the bushes, to have a shower of a customer*. Сочетания такого типа не являются нормативными. Напротив, сочетание *to have a read of the (an) article*, где объект действия глагола *article* скорее уточняет характер действия, соответствует норме. Это свидетельствует о том, что здесь имеет место не формальный, а семантический запрет [Григальюнене 1989:250-252].

Действие может также рассматриваться как принадлежащее сфере посессивности не его производителя, а его адресата или бенефицианта. Важно также, чтобы темой текста был сам **X** (адресат, бенефициант), а не последовательность событий. Не только событийные, но и многие другие ситуации могут быть осмыслены по-разному, под углом зрения возможности / невозможности их посессивного представления.

Объект может считаться «обладаемым», если он оказывается «во власти» **X**-а, т.е. попадает во временную собственность **X**-а. Так, можно сказать: *мой редактор*, и даже *мой корректор*. Если же точкой отсчета выбрать книгу, то употребление: *ее редактор, ее корректор* не представляется возможным (семантика посессивного местоимения недостаточна широка для такого представления). Отмеченным является употребление: *ее составитель*, так как свойство быть составителем в большей степени зависит от той функции, которую **X** выполнил по отношению к данной книге.

Высказывания: *моя (твоя) улица; мой (твой) город; мой (твой) институт* являются естественными в случае, когда **X** тождественен говорящему. Словосочетание *магазин Петра* будет соответствовать норме только, если **X** – директор (владелец) магазина [Антропол. лингвистика 2003:108; см. также Чинчлей 1990].

Ситуация статического обладания является исходной и служит своего рода точкой отсчета по отношению к более сложным и разнообразным ситуациям, в которых происходит возникновение или прекращение исходной ситуации и которые квалифицируются как производные ситуации динамического обладания.

Н.Т. Ждан представляет производную ситуацию динамического обладания как «последовательность трех элементарных ситуаций: ситуации предшествования, основной ситуации и ситуации следования» [Ждан 1987:132]. Ситуация предшествования предваряет во времени основную ситуацию и отражает положение дел, существующее между участниками до совершения действия основной ситуации. Основная ситуация отражает совершение определенного действия, которое ведет к ситуации следования. В последней фиксируется положение дел, наступившее в результате совершения действия основной ситуации. Выделяются следующие семантические разновидности ситуации динамического обладания: 1) приобретение / утрата каким-либо лицом материального предмета; 2) приобретение / утрата лицом какого-либо органа, части тела; 3) приобретение / утрата лицом какого-либо качества, свойства, состояния; 4) установление / разрыв межличностных отношений.

Для анализа ситуаций такого рода представляется целесообразным обратиться к каузативной деривации, которая состоит в добавлении к значению исходного некаузативного глагола, обозначающего статическое обладание («иметь»), каузативного компонента смысла («каузировать»). Оба семантических компонента в сумме составляют значение семантически производного глагола, обозначающего каузацию обладания: если **Владеть, обладать = иметь**, то **Брать = каузировать себя иметь; Давать = каузировать кого-то иметь** [см. Боронникова, Левицкий 2002]. Аналогичную интерпретацию имеют глаголы **приобретать (каузировать себя начинать иметь), лишать (каузировать кого-то переставать иметь)**.

Сравнение семантической структуры глагольных предикатов обладания и каузаций обладания позволяет выделить из них общий семантический

компонент – гиперсему «иметь» и различительный семантический компонент – гипосему «каузировать». Сема каузации занимает здесь доминирующее положение, следовательно, можно говорить о возможности отнесения средств, выражающих отношения динамического обладания к периферии поля обладания.

Наряду с основными (наличие субъекта обладания, объекта обладания и отношение обладания) выделяют второстепенные дифференциальные признаки категории обладания:

1) единственность / множественность субъекта обладания: а) обладатель распоряжается объектом обладания единолично; б) обладатель распоряжается объектом обладания совместно с другими обладателями;

2) статичность / динамичность обладания;

3) материальность / нематериальность объекта обладания.

А.В. Бондарко отмечает, что человек может быть представлен как обладатель не только каких-либо предметов (материальных объектов) – значение собственно обладания, - но и других объектов (в широком понимании), которые составляют его биокультурную сферу, т.е. значение несобственно обладания [Бондарко 1996:110-112]. Отношение целого и его части является разновидностью реляционных отношений, которые играют важнейшую роль в мире, сознании и языке. Особое место здесь занимают конструкции «антропонимический денотат – часть тела». Поскольку **X** и **Y** данной модели реализуют реляционное значение, то само это реляционное значение должно быть достаточно информативным, чтобы стать предсказуемым. Нераспространенный вариант обобщенной посессивной модели накладывает определенные ограничения на заполнение позиции **Y**, т.к. не всякое сообщение о посессивном отношении, связывающем два имени, является вполне коммуникативно значимым для того, чтобы составить суть сообщения. Сравним, например, неестественность употребления в нераспространенной посессивной конструкции имен **X** и **Y**, денотаты которых соотносятся как целое и его часть (*У него есть рука, нога, нос и т.п.*),

поскольку упоминание о целом уже предполагает наличие его частей. Эти понятия составляют наши практические знания о мире, которые обычно не попадают в коммуникативный фокус сообщения [Чинчлей 1990:28]. Исключение составляет употребление таких конструкций в переносном смысле и в случаях их утраты. В конструкциях со значением «межличностные отношения» субъект обладания выступает как часть целого, где целое – это группа людей, сообщество, организация и т.п., что делает необходимым учет соотношения целого и его части, отчуждаемости / неотчуждаемости части от целого [см. Brinkmann 1959; Журина 1979].

Между действительностью и отражающим ее высказыванием лежит процесс структурирования действительности с особой целью – обозначить выделение элемента ситуации при помощи языковых средств [Шахнарович, Юрьева 1990:20]. В каждом языке имеются возможности для передачи одной и той же ситуации множеством разных способов, которые соответствуют разным концептуализациям одной и той же ситуации. Поскольку язык, как отмечает А. Вежицкая, отражает не непосредственно реальный мир, а нашу концептуализацию его, первостепенным и наиболее непосредственным предметом лингвистики следует считать именно эту концептуализацию. Таким образом, основной задачей лингвистики является изучение средств, которыми располагает язык для передачи одной и той же ситуации, и их функций. При этом нет необходимости, чтобы каждый язык выражал все понятийные категории, свойственные языку вообще, и при этом теми же категориями [Вежицкая 1996:10].

Категория обладания выражается комплексно. Лингвистические средства, обычно соотносимые с понятием посессивности, крайне гетерогенны. Они не представляют собой закрытой и семантически однозначной категории формальных средств [Писаркова 1974:106]. Значение посессивности находит выражение на разных уровнях языковой структуры – морфологическом, лексическом и синтаксическом.

К морфологическим средствам выражения посессивности относится прежде всего разряд притяжательных местоимений, которые могут быть как автономными, так и именными клитиками. С притяжательными местоименными клитиками (там, где они есть) в первую очередь употребляются имена релятивной семантики.

В именном склонении посессивность обычно выражается специальным падежом – *genetivus possessivus* (родительным), реже *dativus possessivus* (дательным). В языках Маланезии посессивность и ее субкатегории образуют семантическую основу распределения имен по функционально-грамматическим классам. С падежными средствами выражения посессивности могут сочетаться предложные, роль которых особенно велика в аналитических языках, например, предлог *de* во французском языке. В тюркских и иранских языках посессивность в именной группе выражается изафетной конструкцией; в семитских языках и языке банту используется конструкция сопряженного состояния (*status constructus*) [см. Seiler 1983]. Посессивность может выражаться и в именной группе типа «прилагательное + существительное», где прилагательное образовано от референтного имени – «петровские реформы», «евклидова геометрия» и т.д.

Выделяются также а) посессивные суффиксы и префиксы прилагательных типа «бездомный» = тот, у которого нет дома, «горбатый» = тот, у которого есть горб в русском языке и аналогичные морфологические средства в английском языке, например, «*childless*» = тот, у которого нет детей. В данном случае формант взаимодействует с корневой морфемой, указывающей на объект обладания, а вся словоформа связана с его наличием или отсутствием у субъекта; б) прилагательные, образованные способом суффиксации от имен, указывающих на субъект обладания, притяжательные прилагательные (*мамин, соседский*) [Чинчлей 1990:8].

На лексическом уровне значение посессивности реализуется в различных лексико-грамматических классах: а) притяжательные и возвратные местоимения; б) глаголы статического обладания, типа *владеть, принадлежать, обладать* / *to*

*own, to belong, to possess*; в) глаголы динамического обладания, вносящие дополнительную характеристику способа приобретения / утраты собственности типа *брать – давать, находить – терять* и др. / *get – give, find – lose* etc.; г) имена, содержащие реляционную сему (названия частей тела, имен родства и других имен «личной сферы» человека).

К интересующим нас синтаксическим средствам выражения рассматриваемого значения относятся предикативные синтаксические конструкции в первую очередь с глаголами «иметь» и «быть». Причем как в историческом, так и в семантическом плане признается примат глагола «быть». Семантически этот факт объясняется тем, что глагол «быть» является лексикализированным значением категории бытия. Последняя же составляет основу грамматической категории предикативности, которая устанавливает связь между сообщаемым и действительностью [Порман 1978:56; Чинчлей 1990:12].

Значение существования (бытия) как наиболее абстрактное значение предложения является тем механизмом, который устанавливает отношения между реальным миром и языком, а глагол «**быть**» как выразитель этого значения занимает центральное место в синтаксисе. Поэтому иногда утверждают, что глагол «**быть**» универсален, а глагол «**иметь**» – нет [Бенвенист 1974:211-212].

В индоевропейских языках лексема «**быть**» представлена корнем **es**. Его значение – «иметь существование, принадлежность действительности», и это «существование», эта «действительность» определяются как нечто достоверное, непротиворечивое, истинное [Бенвенист 1974:211].

Одна из семантических функций **es**- или его субститутов, по существу, и заключается в том, чтобы сделать возможной конструкцию «**быть у**» в значении «**иметься**». Например, единственным возможным эквивалентом «**иметь**» в арабском языке является *kana* – «**быть у**». Такова ситуация в большинстве языков [Бенвенист 1974:212].

Можно легко убедиться, какие языки ни возьми, тип «у меня есть» преобладает над типом «я имею». Следует, однако, отметить, что во французском языке эти выражения не тождественны [Арутюнова 1973:47].

«Иметь» это не что иное, как инвертированное «быть у»: *mihi est pecunia* «у меня есть деньги» инвертируется в *habeo pecuniam* «я имею деньги». В отношении посессивности, выраженном с помощью *mihi est*, предмет обладания осмысливается как субъект, обладатель указывается лишь периферийным падежом и обозначается им как тот, в ком «быть у» реализуется. В конструкции «(ego) *habeo pecuniam*» (я имею деньги) это отношение не может стать транзитивным; *ego* «я», понимаемое теперь как субъект, тем самым отнюдь не становится действующим лицом процесса. Все проясняется, когда глагол «иметь» признается глаголом состояния. Подтверждение этому находится в системах самых различных языков. Наблюдения показывают, что развитие идет от типа «*mihi est*» к «*habeo*», но не наоборот, а это значит, что даже там, где существует «*habeo*», оно могло возникнуть из предшествующего «*mihi est*» [Бенвенист 1974:212].

«Иметь» используется многими языками в описательных оборотах, передающих субъективные состояния: «испытывать голод, холод, желание». Но если «иметь» следует определять как глагол состояния, то в каком отношении оказывается он с «быть», который также является глаголом состояния? Поскольку в своем употреблении в качестве вспомогательных глаголов «быть» и «иметь» находятся в дополнительной дистрибуции, можно предположить, что это отношение сохраняется между ними и в области лексики. Они действительно оба указывают состояние, но не одно и то же состояние. «Быть» - это состояние существующего, того, кто сам что-то есть; «иметь» — это состояние имеющего, того, у которого что-то есть [Бенвенист 1974:213-215].

Между двумя членами, разделенными глаголом «быть», устанавливается внутреннее состояние тождества. Два члена, соединенные глаголом «иметь», остаются различными, связь между ними является внешней и определяется как отношение принадлежности, отношение обладаемого к обладателю.

Мы подходим, таким образом, к определению статуса глаголов **«быть»** и **«иметь»** в соответствии с природой связи, устанавливаемой ими между именными членами конструкции: **«быть»** предполагает внутреннюю связь, **«иметь»** – связь внешнюю.

Наличие у **«иметь»** транзитивной конструкции отличает его от **«быть»**. Но эта конструкция транзитивна только по форме, она не дает основания отнести **«иметь»** к разряду переходных глаголов. Если с формальной точки зрения синтаксические элементы франц. *Pierre a une maison* - *Пьер имеет дом* образуют такую же конструкцию, что и *Pierre batit une maison* - *Пьер строит (построил) дом*, то второе высказывание может быть преобразовано в пассив, в то время как первое не может. Это и доказывает, что у **«иметь»** нет такого управления, как у переходного глагола [Бенвенист 1974:215].

**«Иметь»** появился как более специфический глагол для обозначения определенного типа реляционных отношений – отношений обладания, но со временем он потеснил глагол **«быть»** и в тех случаях, которые не связаны непосредственно с идеей обладания. Таким образом, во многих индоевропейских языках глагол **«иметь»** закрепился как широкозначный глагол для передачи как отношений обладания, так и отношений бытия, наличия и т.п., а также в функции связки, по аналогии с глаголом **«быть»**.

Так произошло, в частности, в романских и германских языках, где сфера употребления глагола **«быть»** была сильно сокращена за счет глагола **«иметь»**.

Не во всех языках, где был создан глагол типа **«иметь»**, шло расширение сферы его употребления. В русском языке, например, развитие происходило в противоположном направлении. Известно, что в современном русском языке сфера использования глагола **«иметь»** гораздо уже, чем в древнерусском, где он употреблялся со всеми существительными: предметными, одушевленными и абстрактными. При переводе на современный русский язык ему соответствуют другие переходные глаголы или глагол **«быть»**. В.Г. Гак, указывая вслед за А. Грауром на два возможных пути эволюции глаголов **«быть»** и **«иметь»** – сохранение форм **«быть»** вместо более новых форм **«иметь»** для выражения

посессивности и вытеснение глаголом «иметь» глагола «быть» при обозначении бытия и в других функциях, – предполагает возможность третьего пути развития: вторичное распространение глагола «быть» за счет глагола «иметь», примером которого служит, по его мнению, русский язык [Гак 1975:349; см. также Graur 1955].

Категория посессивности отражает реально существующие связи между предметами внешнего мира, отмеченные и категоризированные нашим сознанием, например, отношения, выраженные оппозициями «свой / чужой», «часть / целое». Все языки обладают теми или иными средствами выражения семантики посессивности, которые принято рассматривать с точки зрения функционально-семантического поля.

Средства, входящие в ФСП посессивности неравноценны и неоднородны. Одни из них употребляются регулярно, другие – эпизодически; одни выражают «чистое обладание», другие уточняют, модифицируют отношение к собственности; одни занимают центральное положение, другие – подчиненное, образуя широкое поле обладания.

ФСП посессивности как в английском, так и в русском языках характеризуется бинарной структурой, обусловленной двумя типами посессивных функций, которым соответствуют определенные типы языковых средств – атрибутивные и предикативные конструкции [Бондарко 1996:99].

Центр предикативной посессивности составляют конструкции, в которых эксплицитно представлены все три элемента посессивной ситуации: оба члена реляции – субъект обладания или посессор (**X**), объект обладания (**Y**), а также реляционный предикат со значением посессивности (**P**).

Как отмечалось ранее, посессивное отношение является отношением направленным: посессор рассматривается как ориентирующий элемент, а объект обладания – как ориентируемый. Тем не менее, данное отношение может быть представлено как с точки зрения посессора (в таком случае актом предикации **Y** включается в сферу посессивности **X-а**, попадая в его силовое поле) [Теньер 1988:39], так и с точки зрения объекта обладания (предицируется

принадлежность последнего посессору), ср., например, с одной стороны: *У наших соседей есть / Наши соседи имеют дом в деревне*; и, с другой стороны, *Дом этот наш..* Предложения, в которых посессивное отношение представлено в разных ракурсах, не являются собственно конверсивами. По мнению К.Г. Чинчлей, в них реализуются два основных категориальных значения посессивности – обладания (в широком смысле) и принадлежности [Чинчлей 1990:18]. С конструкциями, представляющими эти посессивные варианты, связана наибольшая степень эксплицитности выражения значения категории посессивности. Указанным конструкциям соответствует также наибольшая специализация языковых средств, в частности в области лексики.

Основными средствами выражения значения обладания в русском языке являются конструкции типа **«у меня есть»**; конструкции же типа **«я имею»** и **«у меня имеется»**, ограниченные в своем употреблении, относятся к периферии (русский язык – типичный «язык-быть»). Центральный статус предложно-падежной конструкции с глаголом быть (в эксплицитной или нулевой форме) подтверждается тем, что она используется для передачи всех семантических вариантов посессивности в этой зоне – тех значений посессивности, которые в других языках передаются конструкцией с глаголом **«иметь»**. Основным является значение собственно обладания (фактического владения). При его реализации обладатель отмечен признаком «одушевленность», уже – «лицо», а объект обладания выражен именем конкретно-предметной семантики и отмечен признаком «неодушевленность» и «отчуждаемость» (глагол является полнозначным и указывает на посессивное отношение, связывающее эти две самостоятельные сущности). Можно предположить, что значение собственно обладания является центральным для семантической категории посессивности в целом.

В конструкциях типа **«у X есть Y»** в позиции Y встречаются также имена других семантических групп, что приводит к реализации в предложении иных значений, чем собственно обладание. Имеются в виду прежде всего имена, обозначающие: 1) часть тела: *В молодости у него были усы; На правой щеке у*

нее (есть) маленькая родинка; 2) лицо: *У него есть брат; У тебя есть друг?*; 3) опредмеченное качество, свойство, внутреннее состояние: *У мальчика есть талант (вкус); У меня озноб, головокружение*; 4) имена событийной семантики: *У нас собрание; У соседей несчастье*. В своем большинстве эти имена относятся к тому, что называют личной сферой человека [Чинчлей 1996:65-72; Арутюнова 1980:173, 1983:153; Филлмор 1981:461; Lyons 1971:115; см. также Журина 1977, 1979]. С этой сферой связано отношение неотчуждаемой принадлежности.

Основу этого понятия составляет партитивное отношение, однако, благодаря метафорическим переносам сфера неотчуждаемости проявляет тенденцию к расширению.

Для выражения значения неотчуждаемости используются специфические предикативные посессивные конструкции. Как видно из приведенных выше примеров, для предикации связи между **Х-м** (прежде всего лицом) и **Y-ми**, рассматриваемыми как его неотчуждаемая принадлежность, употребляется в принципе та же конструкция (в зависимости от типа языка; в русском языке это конструкция «**у Х есть Y**», а в английском – «**X has Y**»), что и для предикации значения собственно обладания (когда **Y** – отчуждаемая собственность).

Таким образом, при помощи предикативной посессивной конструкции «**у Х есть Y**» выражаются две семантические разновидности посессивности, различающиеся в целом по признаку отчуждаемости / неотчуждаемости **Y-а**: собственно и несобственно обладание.

В зоне предикативной посессивности в направлении от ядра к периферии убывает значимость семантического предиката отношения.

Средства, относящиеся к периферии ФСП посессивности, также небезразличны к признаку отчуждаемости / неотчуждаемости. С этим признаком связана определенная специализация лексики. Так, в зоне предикативной посессивности к периферии относятся конструкции с семантически более узкими по сравнению с *быть / иметь* глаголами динамического обладания, указывающими на специфический способ приобретения собственности, типа

*купить, украсть, выиграть получить, унаследовать.* К той же зоне относятся конструкции с глаголами-антонимами, имеющими значение утраты обладаемого, - *продать, потерять, утратить, проиграть*; при таких глаголах объект обладания представляется как отчуждаемый. Подобные конструкции могут рассматриваться как фазисные модификации основной модели обладания, ср.: *Он купил себе дом – У него есть дом.*

С признаком неотчуждаемости чаще связана, по вполне понятным причинам, не глагольная, а именная лексика (например, слова релятивной семантики, прилагательные, соотносящиеся со свернутой посессивной пропозицией).

Лексико-грамматическими показателями посессивности в атрибутивных конструкциях являются:

- притяжательные местоимения: *All this was her property, her delight, her life* (Galsworthy); *То, сударь, ваши занятия, а то мои* (Акунин);
- существительные в форме родительного падежа (в английском языке с предлогом of): *Это трубка боцмана Савенки?* (Акунин); *They were sons of farmers or mill owners* (Lawrence);
- существительные в форме притяжательного падежа в английском языке: *Granny's face was pale* (Lawrence);
- притяжательные прилагательные в русском языке: *«Лизаветина работа», - подумал молодой человек* (Достоевский).

Атрибутивные посессивные конструкции выполняют в тексте дейктическую, анафорическую, связующую и другие функции.

Притяжательные конструкции могут рассматриваться как результат номинализации предикативных посессивных высказываний, причем не только притяжательных, но и высказываний со значением обладания в широком смысле (последние могут эксплицитно предшествовать атрибутивным посессивным синтагмам или реконструироваться). В целом притяжательные конструкции покрывают все субкатегориальные значения посессивности, однако в отличие от предикативных посессивных синтагм они обычно

нейтральны по отношению ко многим релевантным для данной категории признакам – таким, как отчуждаемость / неотчуждаемость объекта обладания (*мой дом / моя рука*), \* одушевленность / неодушевленность (*голова мужчины / крыша дома*). Атрибутивные притяжательные конструкции лишь указывают на наличие связи между двумя сущностями без ее спецификации. Тем самым расширяется диапазон реляционных значений. Например, конструкция *его доктор* может относиться и к лечащему врачу, и к знакомому доктору, и к доктору, о котором только что шла речь.

К атрибутивным конструкциям, связанным с понятием посессивности, могут быть отнесены и конструкции с прилагательными пропозитивной семантики, указывающими на наличие или отсутствие объекта обладания (в широком смысле).

Посессивная сема обнаруживается в широком кругу лексики (например, архисема «имеющий» характеризует множество качественных прилагательных, обозначающих реальные признаки предмета, - *умный, ловкий, богатый, бедный* и т.п.), хотя не вся эта лексика может быть включена в ФСП посессивности. Так, мы относим к периферии атрибутивной посессивности прилагательные со значением наличия или отсутствия объекта обладания типа *безусый, горбатый* на основании прозрачности их мотивации, т.е. на основании наличия в их структуре непосредственного указания на объект обладания, сюда же относим прилагательные с затемненной мотивацией типа *глухой, слепой, увечный*. Последние обозначают соответственно «без слуха, зрения, какой-либо части тела»; они в большей степени относятся к ФСП качества, с которым ФСП посессивности тесно соприкасается, особенно в зоне атрибутивной посессивности. Иными словами, атрибутивная конструкция может быть отнесена к ФСП посессивности тогда, когда в ней не утрачено значение

---

\* Граница между значениями отчуждаемости / неотчуждаемости подвижна. Под воздействием контекста отношение собственно обладания может переосмыслиться, т.е. объект обладания может включаться в личную сферу человека и интерпретироваться как неотчуждаемость. Такой эффект достигается различными средствами. Например, как полагает М.А. Журинская, стремление особо подчеркнуть связь с объектом обладания в предложении *Владение мое – ведь мое владение*, реализуется путем перестановки притяжательного местоимения [Журинская 1977:35-42].

«опредмеченности» обладаемого свойства, качества, т.е. когда оно не перестает интерпретироваться как самостоятельная сущность, могущая «вступить в посессивное отношение» с обладателем.

Таким образом, набор средств выражения значения посессивности достаточно широк. С одной стороны это предикативные синтаксические конструкции с очевидной посессивной семантикой, которые образуются специальными глаголами обладания **to have** или его аналогом **have got** в английском языке и глаголом **быть** в конструкции **у + род. пад.** в русском языке или синонимичными глаголами со значением обладания такими как *to own, to possess, to belong* и их русскими эквивалентами *обладать, владеть, принадлежать*. С другой стороны, конструкции с неочевидной посессивной семантикой – конструкции с притяжательными местоимениями, с посессивными актантами, с глаголами, не имеющими очевидной посессивной семантики, которую, однако, легко можно восстановить по контексту.

Философско-лингвистический анализ категорий экзистенциальности и посессивности подтверждает их универсальный статус.

Если рассматривать данные категории в широком понимании как категории мышления (понятийные, когнитивные), они, очевидно, не просто универсальны, но и занимают одно из центральных мест среди подобных категорий, поскольку позволяют приблизиться к языковому сознанию (менталитету) определенного социума [Кацнельсон 1972:3; 224; 225].

Основанием для выделения их в качестве универсальных мыслительных категорий служит то, что они отражают действительные, реально существующие связи между предметами внешнего мира, отмеченные и категоризованные нашим сознанием [Чинчлей 1990:10].

Язык проявляет тенденцию выражать все те закономерности, которые вычлениаются человеческим разумом. «То, что можно сказать, ограничивает и организует то, что можно мыслить. Язык придает основную форму тем свойствам, которые разум признает за вещами» [Бенвенист 1974:111].

Категории языка строятся на основе категорий понятийных, но вместе с тем они обусловлены системой того или иного конкретного языка [Бондарко 1981:20] и, «будучи принадлежностью системы, которую получает готовой и сохраняет каждый носитель языка, не могут быть изменены по произволу говорящего» [Бенвенист 1974:106].

Если связывать понятия экзистенциальности и посессивности со способами их выражения в языке, то в отличие от категории экзистенциальности универсальность категории посессивности все-таки ставится лингвистами под сомнение. Это связано с тем, что, во-первых, во многих языках отсутствует лексема «иметь», во-вторых, с отсутствием специальных грамматикализованных форм данной категории и использованием разнообразных и многозначных средств для передачи значения посессивности. Однако значение посессивности передается в языке не только лексемой «иметь». Лексические средства, обычно соотносимые с понятием посессивности, крайне гетерогенны. Они не представляют собой закрытой и семантически однозначной категории формальных средств [Писаркова 1974:72]. Значение посессивности находит выражение на разных уровнях языковой структуры – морфологическом, лексическом и синтаксическом. Что касается многозначности упомянутых конструкций, значение посессивности для них не случайно, а передается ими достаточно регулярно. Кроме того, среди гетерогенных способов выражения значений как посессивности, так и экзистенциальности можно выделить грамматическое ядро, имеющее типологические соответствия во многих языках, что не позволяет ставить под сомнение универсальность данных категорий.

### **1.5. Проблема межкатегориальных связей в грамматике**

Взаимодействие языковых объектов является частным случаем универсальной взаимосвязи явлений, представляющей собой общую закономерность существования окружающего мира, согласно которой все

предметы и явления действительности находятся в бесчисленных связях между собой. Само бытие «есть связанное единое целое, которое находится в состоянии непрерывного движения и изменения и скачкообразно переходит путем незаметных количественных нарастаний к новым качествам» [Лосев 1998:144]. Развитие современной науки сопровождается постоянным расширением типологии связей, становящихся предметом изучения различных отраслей знания. Многообразие современных представлений о связях находит отражение во множестве их классификаций. С философско-методологической точки зрения определяющее значение имеет классификация связей по формам движения материи. Важным является различие связей по формам детерминизма: классическая наука оперирует однозначно-детерминистскими жесткими связями, в ряде областей современного познания изучение явлений опирается на вероятностные и корреляционные связи. Различают также связи по их силе (жесткие, когда данное явление строго связано с некоторым другим, и корпускулярные, когда связь между явлениями устанавливается статистически); по характеру результата, который дает связь (связь порождения, связь преобразования); по направлению действия (прямые и обратные связи); по типу процессов, которые определяет данная связь (связь развития, связь функционирования, связь управления); по содержанию, которое является предметом связи и др. [Блауберг, Юдин 1973:192].

Языковые связи имеют самые разнообразные формы проявления, обусловленные сложностью и многосторонностью лингвистических объектов. Многообразие связей и отношений, в которые вступает языковая категория, предопределяет необходимость классификации этих связей по различным основаниям. Так, в зависимости от функционирования на уровне языка и речи различают парадигматические и синтагматические связи. На основании существования уровней и подсистем – иерархические связи. Наиболее устойчивые (глубинные) отношения между элементами языковой категории представляют внутренние или внутриуровневые связи. Взаимодействие языковых категорий в системе языка в целом и на разных ее участках

предопределяется внешними (межуровневыми) связями [Взаимодействие яз. кат. 2002:5-6]. Взаимосвязь языковых элементов имеет бесконечно многообразные проявления, что предполагает дальнейшую субклассификацию видов взаимодействий. Приводятся разнообразные способы пересечения категорий наклонения и времени, в частности указывается, что некоторое модальное противопоставление может проявляться в сочетании с одним временем и нейтрализоваться в сочетании с другим. А выражение понятия будущего связано в равной степени как с наклонением, так и с категорией времени. Так, предложение с *will* и *shall* не обязательно относятся к будущему. Данные глаголы имеют и модальное употребление [Лайонз 1978:328]. Наблюдаются также случаи, когда в предложениях временное противопоставление не прошедшего/ прошедшего членит модальность таким образом, что «прошедшее», соединяясь с наклонением, привносит смысловые признаки «пробный», «отдаленный» или «вежливый». Так, существуют предложения с *would* или *should*, которые не относятся к прошедшему времени [Лайонз 1978:330].

Отмечая совместную встречаемость глагольных категорий, исследователи указывают на ее ограниченность определенными законами, например, наличием «сильных» – «слабых» связей между категориями. Так, А.В. Бондарко полагает, что наиболее «сильные» связи соединяют категории вида и времени, вида и залога, «слабые» – категории вида и категории наклонения, лица, числа и рода. У категории залога «сильными» связями являются связи залога и вида, залога и лица. У категории времени – «сильные» связи обнаруживаются между временем и лицом, временем и залогом, временем и родом. У категории наклонения «сильные» связи – между наклонением и залогом, наклонением и лицом. Напротив, «слабые» связи – между наклонением и видом [Бондарко 1976:13-14]. Единственными категориями, которые совместимы с любыми другими глагольными категориями, Р.О. Якобсон считает вид и залог [Якобсон 1972:108].

Следует отметить, что возможны и другие построения отношений между категориями: «сопряженность» и «синтезирование» [Ярцева 1975:3-5], интерференция и синкретизм [Варшавская 1988] и др.

Указывая на тесную связь категории вида и категории времени, В.Д. Аракин объясняет это тем, что видовые морфологические показатели одновременно служат и временными показателями, а в семантическом отношении видовые значения часто наслаиваются на временные значения, хотя обладают неодинаковым развитием и самым разнообразным морфологическим составом в различных языках [Аракин 1979:129].

Вместе с утверждением о тесной связи категории вида и категории времени, отмечается, что видовая семантика относительно независима от временной [Касевич 1988:197]. В.Б. Касевич отмечает два типа взаимосвязей категории вида и времени: 1) синкретическое выражение частных категорий времени и вида в пределах одной временной формы. Так, в английском языке каждая глагольная форма характеризуется в терминах трех оппозиций: троичной временной (настоящее / прошедшее / будущее) и двух видовых – перфект / неперфект и прогрессив / непрогрессив [Касевич 1988:198]; 2) осложнение семантики времени семантикой вида, поскольку определенные глагольные формы не являются чисто временными. Такого рода формы и соответствующие категории называют видо-временными [Касевич 1988:198].

Т.И. Дешериева разводит категории вида и времени по признаку причастности к разным системам – аспектуальности и темпоральности. При этом категория глагольного вида, соотносящая предикацию с одним или более «характерами действия» через посредство соответствующих «способов действия», входят в аспектуальность. Категория глагольного времени (совокупность временных форм), выраженная средствами глагольной морфологии, является частью темпоральности – совокупности языковых средств, выражающих сущность физического и философского аспектов категории времени [Дешериева 1976:72].

Ю.С. Маслов дополняет грамматические категории глагола вида и времени категорией таксиса и характеризует их как категории, имеющие дело с идеей времени, преломляющейся в каждой из них по-разному [Маслов 1983:41-42]. Ю.С. Маслов рассматривает эту категорию не как грамматическую, а как функционально-семантическую. Он отмечает, что «во многих языках таксис объединен в рамках одной категории либо со временем, либо с видом. Сочетание таксиса и времени дает значение сложной (двух-, а иногда и многоступенчатой) временной ориентации, выражаемой в некоторых языках специальными формами, входящими в систему так называемых относительных времен. Вместе с тем таксисные значения одновременности, предшествования и следования во времени регулярно возникают в результате взаимодействия видовых форм, так что в некоторых языках выражение таксисных отношений может рассматриваться как одна из важнейших функций глагольного вида [Маслов 1984:8].

Помимо взаимодействия категории таксиса, времени и вида рассматривается взаимодействие категорий наклонения и вида. В.С. Храковский утверждает, что если в языке «есть категория вида, то обычно в этом языке есть категория наклонения» [Храковский 1996:30]. При этом отмечается доминантность категории наклонения и рецессивность категории вида. Вместе с тем, допускается и воздействие категории вида на категорию наклонения [Храковский 1996:33].

Категория залога представляет широкий спектр связей с другими категориями и соответствующими полями. А.В. Бондарко отмечает, что поле залоговости перекрещивается с такими ФСП, как персональность, аспектуальность, модальность, каузативность, темпоральность [Бондарко 1976:236]. Отмечается, что если в языке есть категория залога, то в нем обычно есть и категория наклонения.

Универсальными признаками процессов взаимосвязи языковых явлений считается а) наличие сопряженных друг с другом объектов или их совокупностей, б) выделение общих свойств объекта при наличии у него

собственно-дифференциальных свойств, в) возможность одного объекта изменяться в результате изменения другого объекта [Взаимодействие яз. кат. 2002:8].

Наличие иерархической связи, соединяющей категории экзистенциальности и посессивности в ментальном пространстве, позволяет говорить о взаимосвязи данных категорий в пространстве языковом.

Категории экзистенциальности и посессивности обладают достаточно широкой парадигмой синтаксических конструкций как прототипического, так и вариативного характера, реализация которых связана с различными комбинациями языковых категорий как внутри функционально-семантического поля, так и вне его.

В зависимости от характера внутренних и внешних взаимосвязей, формируются различные подходы к их рассмотрению.

Поскольку категориальные значения экзистенциальности и посессивности реализуются посредством синтаксических конструкций, образуемых соответствующими экзистенциальными и посессивными **глаголами** как ядерными компонентами структур, межкатегориальные связи, продуцируемые ими, представляют соотношения категориальных значений, реализуемых функционально-семантическими полями **глагольных категорий**. Такими функционально-семантическими полями и категориями являются темпоральность, аспектуальность, залоговость, таксис, модальность, множественность, каузативность, локативность и др.

Как сказуемое глагол участвует в создании предикативной единицы, существующей во времени, в объективной / субъективной, желательной/ нежелательной реальности, что отражается в таких глагольных категориях, как род, лицо, число, время, вид, наклонение и т.п. Глагол задает набор синтаксических позиций и определяет способы их таксономического и морфологического оформления, «очерчивает и структурирует саму ситуацию, определяет возможности модификаций этого структурирования» [Долинина 1989]. Функции такого типа передаются глагольными категориями

залога, каузативности, результативности и т.д. Следует отметить, что грамматические категории, традиционно соотносимые с глаголом (вид, время, наклонение, таксис, залог и т.д.), могут называться глагольными лишь условно, поскольку многие из них квалифицируют не глагол как таковой, а все предложение как предикативную единицу, хотя свое выражение они чаще всего находят в глаголе – носителе предикативности [Долинина 1985:134].

Выявление круга сопрягаемых категорий поднимает проблему содержательного плана понятия поля, который соотносится и определяется через понятие грамматической категории. В связи с этим существенно учитывать две линии, выделяемые И.Б. Долининой, одна из которых касается дифференциации категорий по типу передаваемых ими значений, другая – вопросов построения систем и подсистем значений, выявления сопряженности категориальных значений. Исследования первого типа дифференцируют грамматические категории на осмысленные и автоматические или соответственно семантические и синтаксические. Семантика категорий первого типа связывается с двумя содержательными аспектами:

- 1) с собственно-номинационным, носящим денотативно-отражательный характер, то есть фиксирующим то, как отражаются данной категорией элементы и связи самой объективной действительности;
- 2) с интерпретационным, то есть с тем, как говорящий интерпретирует отношение содержания высказывания к объективной действительности.

Исследования второго типа касаются выявления сопряженности и иерархичности категориальных значений как в системе языка в целом, так и в пределах тех или иных языковых форм [Долинина 1985:132-133]. С данным аспектом связаны проблемы интерпретации совмещения значений различных полей языковых элементов. Кроме того, как отмечает И.Б. Долинина, рассмотрение данного аспекта позволяет установить, какими факторами определяется «свернутый потенциал» отдельных форм – суммарный набор значений, передаваемых каждой формой, какое значение является

доминантным, на основании каких факторов выделяются «типовые значения» у моделей предложений [Долинина 1985:133].

При рассмотрении связей между грамматическими категориями, исследователями указывается на два аспекта: **системно-парадигматические** взаимосвязи и **функционально-семантические синтагматические** взаимосвязи. Системно-парадигматические взаимосвязи предполагают включенность грамматической категории в относительно замкнутую систему категорий определенной части речи. Системно-парадигматические связи грамматических категорий опираются на общий семантический компонент и имеют семантическую основу [Козинцева 1991:5].

В результате синтагматического взаимодействия грамматических значений образуются семантические комплексы, компоненты которых могут быть независимы друг от друга, суммироваться в значении высказывания, связываться друг с другом и образовывать «нечто большее, чем простая сумма значений» [Козинцева 1991:8].

Т.В. Булыгина подчеркивает недостаточность внутрипарадигматического подхода для понимания того вклада, который вносит значение сочетающихся грамматических категорий в общий смысл предложения и полагает, что этот недостаток может быть восполнен описанием синтагматического взаимодействия между значениями различных категорий [Булыгина Т.В. 1980:350].

Н.А. Луценко предлагает широкий спектр направлений в изучении взаимодействия глагольных категорий: а) как ряд обусловленных диахронических трансформаций признаков глагольных категорий; б) как распределение признаков глагольных категорий в пределах парадигм; в) как живое взаимодействие в узусе обусловленных определенными конструктивными признаками категориальных признаков; г) как взаимосвязь реалий действительности, преломленную в логических категориях и средствах их языкового выражения; д) как взаимодействие функционально-семантических полей, периферийные части которых пересекаются, образуя общие сегменты.

В данной работе при описании языковых репрезентантов категорий экзистенциальности и посессивности считается целесообразным как один из возможных, наряду с функционально-семантическим, использовать парадигматический подход, который предполагает интеграцию языковых элементов на основании общего семантического признака. Учитывая наличие внешней структуры каждого из рассматриваемых ФСП, определяемой связями с ФСП других категорий, необходимо рассмотреть синтагматику категориальных признаков грамматических форм, их взаимодействие друг с другом, со структурами окружения, а также с семантикой синтаксических позиций.

### **Выводы по первой главе**

Итак, категории экзистенциальности и посессивности – это концептуально-объемные и содержательно-многоплановые категории, требующие глубокого анализа на онтологическом, гносеологическом и лингвистическом уровне. В концептуальной модели мира категории экзистенциальности и посессивности взаимосвязаны иерархически как категории первого и второго порядка. Господствующие на том или ином историческом этапе развития общества концепции бытия оказывают влияние на формирование лингвистических парадигм. Проникая во все сферы человеческих знаний, идея бытия наиболее ярко проявляется в сфере культуры и искусства в виде срединного бытия, а также в области формальной логики, тесно взаимосвязанной с областью языка. При этом решения истинные для логики не могут в полной мере соответствовать представлению об экзистенциальности и посессивности в системе языка.

Функционально-семантическая категория экзистенциальности, широко представленная в языках мира, реализует значение бытия, предполагающее наличие или отсутствие объекта бытия во времени и пространстве. Разноуровневые средства, передающие значение экзистенциальности, распределяются в соответствующих зонах структуры ФСП экзистенциальности.

Центральное место в рассматриваемом ФСП делится между синтаксическими и лексическими средствами. Синтаксическим ядром ФСП экзистенциальности в английском языке является конструкция **There PY (Loc)**, в русском – глагольные бытийные высказывания.

Понятие обладания исторически связывается с зарождением частной собственности и в большей степени относится к сфере социальной философии и психологии. Языковую интерпретацию широкого круга отношений обладания, принадлежности, включая соотношение части и целого, представляет функционально-семантическая категория посессивности. ФСП посессивности как в английском, так и в русском языках характеризуется бинарной структурой, включающей атрибутивные и предикативные конструкции. Центр предикативной посессивности составляют конструкции «**X has Y**» в английском языке и «**у X-а есть Y**» - в русском языке.

Основанием для выделения категорий экзистенциальности и посессивности в качестве универсальных на понятийном уровне служит то, что они отражают действительные, реально существующие связи между предметами внешнего мира, отмеченные и категоризованные нашим сознанием. Наличие в каждой из рассматриваемых категорий грамматического ядра, имеющего типологические соответствия во многих языках мира свидетельствует об универсальности данных категорий в языковом пространстве.

Реализация категориальных значений экзистенциальности и посессивности при помощи соответствующих синтаксических конструкций сопряжена с различными комбинациями языковых категорий. Ввиду того, что исследуемые в работе значения экзистенциальности и посессивности реализуются глагольными синтаксическими конструкциями, целесообразным признается рассмотрение межкатегориальных связей данных категорий относительно категории глагола. Категории, традиционно соотносимые с глаголом, квалифицируют не только глагол как таковой, а все предложение – предикативную единицу, в создании которой участвует глагол-сказуемое. Наиболее

адекватным признается рассмотрение межкатегориальных связей в системно-парадигматическом и функционально-семантическом синтагматическом аспектах.

## ГЛАВА 2. МЕЖКАТЕГОРИАЛЬНЫЕ СВЯЗИ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ

### 2.1. Парадигма экзистенциальных конструкций

#### в английском языке

План выражения функционально-семантической категории экзистенциальности в английском языке представлен прототипической конструкцией **There PY (Loc)**, имеющей трехчленную семантическую структуру, в которой **Y** – бытующий предмет, **P** – показатель бытия, **Loc** – область бытия. Каждый из указанных элементов может быть представлен определенным набором языковых средств.

#### 1. Бытующий предмет (Y)

Рассмотрим варианты заполнения позиции **Y** в случае, когда **Y** – одушевленный объект.

Выделение признака одушевленности может происходить при помощи

- 1) **Y** – одушевленного существительного;
- 2) **Y** – качественного прилагательного;
- 3) **Y** – неопределенного/ отрицательного местоимения;
- 4) **Y** – указательного местоимения;
- 5) **Y** – количественного числительного.

Каждый из этих случаев имеет ряд вариантов.

Так, в подгруппе **Y** – одушевленное существительное выделяются следующие варианты прототипической конструкции:

**There PY (одуш. сущ.) (Loc)**, где имя бытующего предмета выступает без распространителей: *True, there was Granny* (Lawrence);

При имени одушевленного предмета также могут быть распространители, которые способны занимать как правостороннюю, так и левостороннюю позицию.

В качестве постпозитивных распространителей используются:

- определительное придаточное предложение: *There is a dark man, who never lived in a house* (Lawrence);
- причастие I: *Aunt Cissie, there's a man selling brooms* (Lawrence);
- причастие II: *There'll be no more children killed* (Newsweek);
- инфинитив: *There were several patients to be operated on that day!* (Newsweek);
- инфинитивный *for*-оборот: *Aren't there enough decent people in the world for you to know?* (Lardner);

В качестве препозитивных распространителей чаще всего выступают:

- количественное числительное: *There were seven girls and they had on their hats and coats and carried small suitcases* (Hemingway);
- количественное числительное в сочетании с качественным прилагательным: *There were twelve puny children in the shallows near the boats* (Aldridge);
- неопределенное местоимение: *There were some patients in the hospital* (Newsweek);

Как видно из примеров, распространение имени бытующего предмета зачастую происходит одновременно с обеих сторон. При этом названные средства выполняют либо описательную, либо характеризующую, либо ограничивающую функцию.

Отмечаются случаи, когда имя одушевленного бытующего объекта в рассматриваемой конструкции выражается указательным местоимением или его сочетанием с числительным. Примечательно, что в обоих случаях требуется распространение в постпозиции: *There were those who ...; There were the (those) three who ...*

Позицию **Y** может занимать неопределенное или отрицательное местоимение: *There is somebody/ nobody in the room.*

### Y – неодушевленный объект

Признак неодушевленности объекта может репрезентироваться а) Y – неодушевленным существительным; б) Y – неопределенным / отрицательным местоимением.

Первый способ представления неодушевленного объекта реализуется в ряде вариантов прототипической конструкции There PY (Loc):

- There PY (Loc), где Y – исчисляемое/ неисчисляемое неодушевленное существительное: *There will be war, and new crosses on a new landscape* (Newsweek). *There is always money in helping people who are trying to do the right thing* (Newsweek);

- There PY (Loc), где Y – отглагольное существительное: *There is no denying that the set theoretic stance prevails; There was no more laughing and card-playing that evening ...* (Lawrence).

Так же, как в подгруппе, представляющей экзистенциальную ситуацию с одушевленным бытующим объектом, в рассматриваемой подгруппе выделяются случаи пре- и постпозитивного распространения Y. В качестве постпозитивных распространителей могут выступать:

- определительное придаточное предложение: *There is even a video cafe, where congregants sip coffee and watch services on closed-circuit television* (Newsweek). Заметим, что конструкция **there is/ there are** хорошо сочетается с оборотами **such that / such as**: *There is such a way that you seek for; There is a construction such as claimed* (Gold);

- инфинитив (активный и пассивный): *There are a lot of things to discuss / to be discussed* (Murphy).

- инфинитивный for-оборот: *There is no way for us to use white rice sparingly* (Newsweek).

- причастие I: *There are new houses going up in this district* (Newsweek);

- причастие II: *There are no more papers signed* (Economist).

В препозитивном распространении Y – неодушевленного объекта, как правило, принимают участие следующие языковые средства:

- качественное прилагательное:

*Yet somewhere there was a false note (London);*

- количественное числительное:

*There were only four rooms downstairs (Lawrence);*

- неопределенное местоимение:

*The predicate does not take its number from the first of a series of subjects following it though there is some authority for this (Quirk).*

- сочетание неопределенного местоимения и прилагательного:

*There were some other rooms (Lawrence);*

- сочетание количественного числительного и прилагательного:

*There were three other rooms (Maugham).*

Как указывалось выше, признак неодушевленности бытующего объекта может выражаться при **Y** – отрицательном местоимении в конструкциях типа *Not finding WMDs doesn't mean there are none (Newsweek);* и **Y** – неопределенном местоимении в сочетании с прилагательным: *There was something dangerous in this silence (Lawrence).*

## 2. Показатель бытия (P)

Основным показателем бытия в английской экзистенциальной конструкции является глагол **Be (There Be Y (Loc))**: *There was one grass-banked terrace of the garden, near the path round the house (Lawrence).* Данная конструкция связана с ограничениями на заполнение актантной позиции предиката, она допускает применение лишь небольшого числа глаголов из экзистенциального ряда – глаголов существования, положения и движения (в основном это *exist, appear, stand, come, live* и некоторые другие):

- *There exists a vector  $x$ , a constant  $\varepsilon$ , and matrices  $B_n$ 's (Gold);*
- *There came an evening when she wearily climbed Mrs. Parker's porch at the hour when she always returned from her dinner at the restaurant (O'Henry);*
- *There appears the same obstacle (Gold);*
- *There holds the equation of state (Quirk);*
- *There he stood, naked, towel in hand, petrified (Lawrence);*

• *In the same village, and in one of these houses there lived, many years since, while the country was yet a province of Great Britain, a simple, good-natured fellow, of the name of Rip Van Winkle (Irving).*

Вторичным показателем бытия является лексико-семантическая группа, в которую входят следующие глаголы: *to be, to live, to exist, to subsist*, etc. В семантике данных глаголов объединяются значения бытия (признак **Be**), формы бытия и оценки формы бытия:

• *Her cards were now all on the table (Steinbeck);*

• *On her face was that tender look of sleep, which a nodding flower has when it is full out (Golding);*

• *He clung to this situation – that the captain did not exist – so that he himself might live (Lawrence);*

• *Superstition still subsists there (Newsweek).*

В отдельных случаях глагол-показатель бытия совмещает в себе значение бытия и значение протекания действия: *His cart stood there in the road (Lardner).*

В конструкциях, не требующих ориентации высказывания на актант ситуации, сообщение о наличии объекта бытия вводится в семантическую структуру предложения при помощи глаголов чувственного восприятия, как правило, в сочетании с модальным глаголом *can*: *But when Powell finished, only a sole hand clap could be heard in the chamber.*

### 3. Область бытия (Loc)

Данный компонент структуры **There PY (Loc)** несет информацию о нахождении предмета бытия (Y) в пространствах разного типа и на уровне языковой репрезентации имеет факультативный характер. Вместе с тем считается, что элемент «**there**» в конструкции **There PY (Loc)** обладает структурной и семантической незавершенностью и предложения типа «*There are people*», «*There are houses*» не содержат достаточно активной информации, чтобы функционировать в речи. Расширение конструкции до реально существующего предложения происходит за счет компонента, выделяющего область бытия, - локализатора или лимитатора.

Языковая непредставленность локализатора возможна в том случае, когда имя бытующего предмета распространено постпозитивным распространителем: *There are people who call this fun* (Maugham). В данном примере придаточное определительное выполняет функцию лимитатора объекта бытия.

Представление области бытия может осуществляться за счет пространственных и личностных локализаторов [Арутюнова, Ширяев 1983:14]. При этом пространственный локализатор может семантически представлять как мир в целом *in the world, everywhere*, так и фрагмент мира *in the room, in the South*, а личностный локализатор – внешний и внутренний (физический, психический) микромир человека: *In his hand; in her eyes; about her*.

План выражения области бытия состоит, как правило, из двух компонентов: предлога места (наречия места) и существительного (местоимения).

Среди предлогов наиболее частотными являются *in, on, at, under*:

- *In both East Timor and Kosovo, there was almost no judicial infrastructure* (Newsweek);
- *There were one or two good old family portraits on the walls ...* (Christie);
- *There will be somebody at the station to meet you when you arrive tomorrow* (Murphy);
- *There were two carabinieri standing under the light just out of the rain* (Hemingway).

Наречия, используемые для выражения пространственного значения, имеют двоякую функцию:

а) уточняют локализацию, выраженную существительным/местоимением (часто в сочетании с предлогами или другими наречиями): *There was a slithering noise high above them, the sound of someone taking giant and dangerous strides on rock or ash* (Golding);

б) локализуют предмет при отсутствии словесно выраженного локализатора: *Either way, there is dishotomy here* (Newsweek).

Наиболее употребимыми являются наречия *here, there, around, about, outside, inside, along, below, near, etc.*

## 2.2. Парадигма экзистенциальных конструкций в русском языке

В русском языке значение экзистенциальности передается конструкциями с трехчленной структурой: область бытия – бытийный глагол – имя бытующего предмета.

### 1. Бытующий объект

Имя бытующего объекта может выступать в экзистенциальной конструкции без распространителей: *У него за плечами сила* (Акунин).

Распространение имени бытующего объекта происходит с целью:

- сужения объема понятия, названного именем бытующего объекта: *среди них одинокие волки не редкость* (Акунин);

- характеристики: *Да, - задумчиво ответил Петр и прибавил: - у него очень приятный голос* (Короленко);

- номинации в случае, когда бытующий объект представлен именем собственным: *У нее был сын Саша* (Чехов).

Компоненты, представляющие отношения характеристики и номинации, могут выступать одновременно при имени бытующего объекта: *У него уже была своя пара лошадей и кучер Пантелеймон в бархатной жилетке* (Чехов).

В экзистенциальных конструкциях, относящихся к идеальной сфере бытия (концепциям, системам понятий, психологическим категориям и т.д.), при имени бытующего объекта может быть употреблено указательное местоимение **этот/ тот** в значении, близком к значению местоименного прилагательного **такой**: *Увлечение это у епископа появилось недавно* (Акунин).

Если за именем бытующего объекта следует определительное придаточное предложение, выполняющее функцию ограничения, то оно, как правило,

усиливается указательным местоимением в препозиции: *У нее не было того конкретного знания народа, каким отличались отцы-помещики* (Короленко).

Имя бытующего объекта имеет широкий диапазон значений. Семантическая структура экзистенциального предложения чутко реагирует на различие конкретно-предметных и абстрактных имен [Арутюнова, Ширяев 1983:24]. Конкретно-предметные имена называют то, что входит в материальный мир: *У меня цветов было много, много* (Островский). Имя бытующего объекта может быть выражено и названием события, признака, отношения и т.д., т.е. того, что относится к миру нематериальных сущностей: *Вы хотите сказать, что у меня нет таланта к монашескому служению ...* (Акунин).

Позицию имени бытующего объекта может занимать неопределенное местоимение, которое чаще всего употребляется совместно с определением и указывает на содержательность того, о чем идет речь: *В ней есть что-то такое необыкновенное* (Островский). Коммуникативный акцент в таких предложениях сосредоточен на бытийном глаголе.

В отрицательных экзистенциальных конструкциях употребляются отрицательные местоимения **никого, ничего**:

*Никого у Богдана на свете не было, кроме пана* (Короленко).

Место имени бытующего объекта могут занимать относительные местоимения в сочетании с инфинитивом:

*Чай, есть чего рассказать?* (Зощенко).

В отрицательных формах относительное местоимение получает предикативную функцию, вследствие чего в настоящем времени предложение становится безглагольным: *Незачем ждать, Некуда идти, Не о чем поговорить* и т.п.

В прошедшем и будущем временах в разных наклонениях употребляется соответствующая форма глагола быть: *Незачем было ждать, Некуда будет идти, Не о чем было бы говорить*.

Сообщение о Y – чувствах, ощущениях, вызываемых тем или иным действием, может строиться в форме экзистенциального предложения с

помощью введения в его структуру указания на количественный аспект: *Сколько тонкого чувства в этом грубоватом на вид «хлопе»* (Короленко).

## 2. Область бытия

Н.Д. Арутюнова и Е.Н. Ширяев подразделяют средства, обозначающие область бытия, на собственно локализаторы типа *Под окнами дома палисадник* и квазилокализаторы типа *В его суждениях есть рациональное зерно*. Но, несмотря на различия в лексико-семантическом значении, оба вида объединяются в один класс, потому что в экзистенциальной конструкции выполняют одинаковые синтаксические функции [Арутюнова, Ширяев 1983:14].

Локализаторы выражаются существительными или местоимениями с различными предлогами: пространственные локализаторы – с предлогами пространственного значения (*в, под, на* и др.); личностные – с предлогами принадлежности (*у, в*):

- *На Арбате* был чудесный ресторан, не знаю, существует ли он теперь (Булгаков);
- *А в командировках* я точно что не бывал ни разу ... (Короленко);
- *Под забором* в густом черемушнике щелкнул и громко заколотил соловей ... (Лесков);
- *У нее* вообще было доброе сердце (Зощенко);
- *Все в нем* было не такое, как у прочих, - его сухие руки, его чистая кожа, под которой текла древняя царская кровь (Бунин).

Существительное в структуре пространственного локализатора способно сочетаться с параметрическими прилагательными (*высокий, узкий*), притяжательными местоимениями (*свой*), неопределенными и отрицательными местоимениями, числительными.

В качестве пространственного локализатора может выступать наречие места: *Вот здесь* масштаб, в метрах (Акунин); *Далеко за оврагом, позади сада, кто-то завел звучную песню* (Лесков); *Вдруг, где-то в отдалении*, раздался протяжный, звенящий, почти стнящий звук ... (Тургенев).

Своей семантикой локализаторы определяют общее значение экзистенциальной конструкции. Так же, как и в английском языке, они могут представлять область бытия а) как фрагмент мира; б) как мир в целом; в) как внешний микромир человека; г) как внутренний микромир человека:

а) *В одной земле сидит на троне салтан Махнут турецкий, а в другой – салтан Махнут персидский ...* (Островский);

б) *Нет на свете зрелища более страшного и удручающего, чем лишенное достоинства, осрамленное таинство смерти* (Акунин);

в) *У Попельских не было других детей* (Короленко);

г) *Ничего аристократического в воспитании Бунина не было* (Кулешов).

В рамках одной экзистенциальной конструкции может присутствовать два локализатора. Обычно на первом месте располагается менее определенный локализатор, а на втором – локализатор, сужающий представление о пространстве до нужных пределов, конкретизирующий представление о местонахождении бытующего предмета: *В лощине, у солончакового озера, кричали чибисы – жалобно, пустынно* (Толстой);

Возможен и обратный порядок: *Под ней на стене роились какие-то надписи* (Короленко).

Позицию локализатора в экзистенциальной конструкции может занимать имя класса предметов, которое обычно оформляется с помощью а) предлогов **среди** + родительный падеж существительного; б) предлога **между** + творительный падеж существительного; в) сочетания **в числе** + родительный падеж существительного:

а) *Среди парней много очкастых и кучерявых, да и носатые есть* (Акунин); *Был среди этой блестящей толпы некий великий богач* (Бунин).

б) *Меж ними все рождало споры и к размышлению вело* (Пушкин);

в) *В числе наших авторов мировые знаменитости ...* (Анисимов).

### 3. Бытийный глагол

Глаголами, выражающими собственно экзистенциальное значение, являются глаголы **быть, существовать, иметься, находиться**. Ведущее

положение среди них занимает глагол **быть**. Употребление глаголов **существовать, иметься, находиться** в экзистенциальных конструкциях ограничено по сравнению с глаголом **быть**.

Глагол **быть** в настоящем времени обычно употребляется в нулевой форме: *Только у меня теперь урок* (Короленко). Нулевая форма глагола **быть** означает, что а) в предложении содержится глагольная семантика бытия, и все предложение осмысливается в настоящем времени; б) ни одному из вербальных компонентов предложения эта семантика не может быть приписана; в) нулевая форма глагола **быть** является семантически значимой [Арутюнова, Ширяев 1983:27, см. также Пешковский 1938; Балли 1955; Якобсон 1972].

Выбор между формой **есть** и нулевой формой глагола может быть связан с существенными различиями в семантике соответствующих экзистенциальных конструкций:

1. Глагол **есть** присутствует в предложении, когда он попадает в коммуникативный фокус или несет на себе особое логическое ударение (оппозиция **есть** - **нет**): *Есть люди, об уме которых можно верно судить по голосу и смеху* (Чехов); *На свете счастья нет, а есть покой и воля* (Пушкин).

2. Глагол **есть** присутствует всегда, когда коммуникативный фокус падает на атрибут имени, обозначающего неопределенное количество: *Есть вещи, которые запечатлеваются в памяти, несмотря на то, что вы видели их только мгновенье* (Чехов) = *некоторые вещи запечатлеваются в памяти*; *Есть натуры, будто заранее предназначенные для тихого подвига любви* ... (Короленко).

3. Глагол **есть** употребляется в экзистенциальных конструкциях, выражающих отношение между свойством и его носителем: *Гордость у нас есть, это правда* (Акунин) = *Мы гордые*. Предпосылкой для такого употребления является представление свойства как наличествующего, но не составляющего общую характеристику носителя.

Если глагол «**быть**» может употребляться без ограничений во всех типах временной локализованности – вневременном, визуальном и конкретном, то

глагол **«бывать»** встречается только в высказываниях, не локализованных во времени, а степень временной нелокализованности зависит от степени конкретности субъекта и наличия в составе высказывания пространственного локализатора. Без указания на конкретное пространство и при обобщенном субъекте высказывание приобретает высокую степень временной обобщенности, например: *«Ничего особенного ... При сильном истощении организма это бывает»*. Временная обобщенность действия в этом примере связана также с обусловленностью.

Глагол **существовать** чаще всего употребляется в экзистенциальных конструкциях с локализатором «весь мир» и абстрактным или конкретным бытующим объектом: *Скажите, монахиня, Бог и ангелы существуют?* (Акунин).

Возможно употребление глагола **существовать** при локализаторе «для + родительный падеж существительного», где существительное – человек как психическая личность: *Для Бунина существует общечеловеческий смысл таких раздумий* (Кулешов).

В предложениях с конкретным локализатором и конкретно-предметным именем употребление глагола **существовать** ограничено, а с событийным именем невозможно: Ср. *В нашей стране существуют специальные учреждения ...; В классе существует урок* [Арутюнова, Ширяев 1983:30-31].

Временная локализованность высказывания с глаголом **«существовать»** зависит от референции субъекта и наличия пространственного локализатора. Временная обобщенность характеризует высказывания, в которых имя субъекта называет класс или часть класса, а пространственный локализатор отсутствует: *Существуют такие системы отсчета, относительно которых тело сохраняет свою скорость равномерной ....*

Особенностью глагола **существовать** является то, что в экзистенциальных конструкциях при имени, обозначающем живые существа, он может употребляться в значении **жить**: *Отец Алана, его предки существуют, пока он ходит по земле* (Гранин).

Глагол **«иметься»** отличается свободной сочетаемостью с конкретными субъектами и не связан с каким-либо определенным типом временной локализованности. Обычно он употребляется с конкретными существительными и является менее частотным и стилистически маркированным. Он употребляется главным образом в книжной и официально-деловой речи: *Рост выше среднего, черты лица обыкновенные, волосы русые, глаза голубые, сложение худощавое, особых примет не имеется* (Акунин).

Глагол **находиться** в основном выражает местоположение, поэтому присоединяет существительное с конкретной референцией.

Конструкции с глаголами **находиться, иметься, бывать, встречаться** характеризуются относительно редкой употребительностью. Чаще всего в экзистенциальных предложениях эти глаголы заменяются глаголом **быть**: *У них имеется машина – У них есть машина; За городом находится лес – За городом есть лес.*

Глаголы **«бывать», «встречаться»** определяют временную нелокализованность всего высказывания, а следовательно, сочетаются с обобщенно – референтными именами. Глаголы **«наличествовать», «находиться»** обычно сочетаются с конкретно – референтными именами и передают локализованную во времени ситуацию.

Таким образом, существует нежесткая зависимость между выбором предиката, референтностью субъекта и распространителями бытийного высказывания.

Кроме собственно экзистенциального глагола **быть**, в экзистенциальных конструкциях используются две большие группы глаголов:

а) делексистализованные типа **стоять, висеть, лежать** и др. с бытующим объектом конкретно-предметной семантики и **происходить, случаться, идти** – с бытующим объектом событийной семантики;

б) лексикализованные глаголы типа **возвышаться, журчать, клубиться, сверкать** [Арутюнова, Ширяев 1983:32-36].

### 2.3. Типы межкатегориальных связей экзистенциальных конструкций

#### 1. Экзистенциальная конструкция **There PY (Loc): *There is a sport center in Dunford (Murphy).***

Доминантным значением анализируемой конструкции является значение существования (или несуществования) в мире или некотором его фрагменте объекта (класса объектов), наделенного определенными признаками [Арутюнова 1976].

В русском языке данное значение реализуется конструкцией **Loc PY: *В лесу есть река*** [Селиверстова 1998].

Семантика экзистенциальности в конструкциях данного типа тесно взаимодействует с семантикой локативности. Значение локативности может передаваться эксплицитно при помощи вербально выраженного локализатора (Loc) и имплицитно в случае его отсутствия:

*I think there is life on other planets* (Newsweek);

*There is God* (Wodehouse).

При отсутствии формального указания на область бытия значение локативности становится менее прозрачным, но не утрачивается, благодаря опоре на ситуацию акта речи, а также предшествующий или последующий контекст. Кроме того, имеющийся во многих современных языках пространственный дейксис (*there* – в английском, *у* – во французском и т.п.) рассматривается как пространственный локативный заместитель, представляющий глубинную локативную характеристику «*in the universe*» [Lyonz J., 1971:78, 81].

Отсутствие локализатора в соответствующей русской конструкции также значимо, оно позволяет воспринимать область бытия предмета как пространство, равное всему миру (*в мире, во вселенной, в жизни, везде*, в отрицательных предложениях – *нигде*) [см., например, Арутюнова, Ширяев 1973:14]: *Бога нет. Есть материя* (Маканин).

В случае отсутствия в структуре анализируемой конструкции локативного компонента коммуникативный акцент высказывания фокусируется на мысли о бытии, признаке существования. Наличие локализатора смещает данный акцент на мысль о бытии предмета в определенном пространстве, сужает область бытия, конкретизируя пространственные характеристики бытующего предмета. Это может быть некоторое реальное место (*in the garden; в саду* и т.п.) или личностное пространство человека – область его внешнего или внутреннего микромира (*in his hand, in his eyes; у него в руке, в его глазах* и т.п.).

Известно, что общая семантика предложения зависит от семантики его составляющих. Семантика словоформ, входящих в состав предложения, «связана с синтаксическими позициями, которые слова занимают в предложении, и определяется через систему внутренних связей предложения ...» [Левицкий 2003]. Представление области бытия личностным локализатором вносит существенные изменения в семантику экзистенциальной конструкции: локативный компонент в этом случае отождествляется с посессором (обладателем), а вся конструкция характеризуется как особая схема с посессивными отношениями. В русском языке такие отношения реализуются в предложениях типа *У него есть дача (сын, деньги)*, которые характеризуются формальной близостью с собственно экзистенциальными предложениями: Ср. *У меня есть сад; У дома есть сад*, - и сохраняют статус экзистенциальных, благодаря сохранению детерминанта имени по локальному образцу (*у меня*).

Семантика английской экзистенциальной конструкции *There PY (Loc)* также реагирует на характер заполнения основных синтаксических позиций *Y* и *Loc*. В случае, когда позиция *Loc* заполняется именем обладателя, представленным пространством его собственного микромира, а позиция *Y* – именем предмета обладания, обозначающим качества, свойства, признаки одушевленного объекта, доминирующим значением рассматриваемой конструкции становится значение посессивности: *There was a certain furtive self-righteousness about him, when all was said and done* (Lawrence). Данный вариант конструкции характеризуется периферийным положением в структуре

ФСП экзистенциальности, нахождением в зоне пересечения с ФСП посессивности. Значение экзистенциальности при этом не утрачивается, поскольку посессивные отношения реализуются в поле экзистенциальности. В рассматриваемом случае взаимодействие значений посессивности и экзистенциальности имеет характер преобладания одного над другим, но не вытеснения одного другим.

Следует отметить, что значения, выражаемые конструкцией *There PY (Loc)* могут варьироваться не только в зависимости от заполнения основных синтаксических позиций, но и в зависимости от типов их расширения. Так, наибольшими возможностями к расширению обладает позиция *Y* – объект бытия, которая допускает как препозитивное, так и постпозитивное распространение. Прилагательные, используемые в качестве препозитивных распространителей *Y*, дополняют общую семантику рассматриваемой конструкции качественными или / и параметрическими характеристиками объекта бытия:

*There was a loud bang from upstairs* (Hewings);

*There was a big bandage on her right hand* (O. Henry);

*В карманах у него были светлые овальные листочки, два платиновых и два серебряных* (Маканин).

Используемое в качестве препозитивного определения количественное числительное наделяет объект бытия квантификационным признаком:

*There was one smashed bridge across the river* (Hemingway).

*В номере было два душа, две ванны с джакузи, четыре комнаты и два телефона* (Незнанский).

Неопределенное местоимение, употребляемое в качестве препозитивного распространителя *Y*, выражает значение трудно определяемого признака, степени качества или количества объекта бытия, а также усиливает признак нереферентности имени, который является определяющим при реализации бытийных отношений:

*There were some results* (Conan Doyle);

*Характерно, что в этом же отряде был некий мальчик, по имени Толик (Маканин).*

Несмотря, однако, на степень значимости признака нереферентности объекта бытия для статуса рассматриваемой конструкции как экзистенциальной, в некоторых языках, в частности, русском, при данном имени допускается употребление так называемых идентифицирующих определителей (указательные местоимения *этот, тот*, местоименное прилагательное *такой*), которые реализуют значение подобия или значение тождества:

*Такой умницы у него еще не было (Незнанский);*

*В первой книге всегда есть эта новизна в истинном смысле этого затертого слова ... (Маканин).*

Глагол-сказуемое анализируемой конструкции, как и любой другой глагол, являющийся показателем предикативных отношений, является главным источником категориальных значений, наиболее существенным среди которых является категориальное значение модальности [Золотова 1973; Ломтев 1972; Лайонз 1978 и др.].

Выделяют три уровня модальности: 1) объективный, соотносящий содержание высказывания с действительностью; 2) субъективный, устанавливающий отношение говорящего к высказываемому и 3) модальность, устанавливающую связь между предикативным признаком и его носителем [Виноградов 1975:70; Золотова 1973:142; Шатуновский 1996:173, 175].

На уровне объективной модальности анализируемая экзистенциальная конструкция, как правило, выражает модальное значение реальности, которое выражается формой синтаксического индикатива и сопрягается со значением временной определенности, представляемой формами а) настоящего, б) прошедшего, в) будущего времени:

*а) Besides Intermedia, there is a host of smaller European firms (Newsweek);*

*б) There was a frozen pause in the conversation (Lawrence);*

*в) I think there will be some rain in the afternoon (Murphy).*

Ирреально-модальные значения реализуются синтаксическими формами императива (г) и оптатива (д):

з) *Let there be caution as much hate and friction inside the family, as you like* (Lawtence);

д) «*Были бы деньги ...*» (Незнанский);

*Чтоб при казне непременно двое стояли!* (Акунин)

Временной план ирреально-модальных конструкций неопределен, можно лишь говорить о преобладающей обращенности к плану будущего.

Следует отметить, что ирреально-модальные значения реализуются в экзистенциальных конструкциях рассматриваемого типа с большими ограничениями, т.к. глагол экзистенциальных предложений обычно употребляется в изъявительном наклонении.

Уровень субъективной модальности образует «как бы второй слой модальных значений в смысловой структуре высказывания и накладывается на грамматический грунт предложения, уже имеющего модальное значение» [Виноградов 1975:70; Ломтев 1972:83; Шведова 1967:8-11]. Так, на уровне объективной модальности может проявиться модальное значение нейтральности к истинности или ложности содержания высказывания (пример а), ослабленной уверенности, выражаемой вводными словами *I think* (пример в), которые при замене на *I am sure* могут поменять оттенок модального значения ослабленной уверенности на значение полной уверенности: Ср. *I think there will be some rain in the afternoon*; *I am sure there will be some rain in the afternoon*.

В ирреально-модальных экзистенциальных конструкциях субъективная модальность проявляется в значениях желаемости (пример д) и повелительности (пример г). Модальность предположительности реализуется в рассматриваемом типе экзистенциальных конструкций за счет включения в его структуру модальных глаголов типа *must, have to*: *Look at all those penguins! There has to be about million of them* (Hewings).

Залоговые потенции глагола-сказуемого (Р) в рассматриваемой конструкции расцениваются как нейтральные, хотя считается, что нет такого

глагола, который бы стоял вне выражения залоговых значений [Мечковская 2001:82; Климов 1985]. Непереходность глагола *Be* и отсутствие в структуре экзистенциальной конструкции субъекта, нарушающее взаимоотношения в триаде «субъект – действие – объект», делает залоговые отношения неотмеченными.

**2. Конструкция *There* PY + определительное придаточное предложение: *There was a woman, who was beautiful, who started with all the advantages, yet she had no luck* (Lawrence).**

В результате указанного типа расширения, конструкция приобретает статус сложноподчиненного предложения, т.е. полипредикативного комплекса, в котором источником категориальных значений является уже не один, а два глагола.

В общем виде семантика определительного придаточного предложения, как и любого другого типа придаточного предложения, выражает присоединение [Левицкий 2003:328]. Более конкретно – это присоединение информации, уточняющей не только имя бытующего объекта, но и содержание главного предложения в целом. Значение уточнения в анализируемой конструкции может рассматриваться как а) индивидуализирующее, которое служит индивидуальным признаком имени объекта бытия, т.е. признаком, который приписывается только данному объекту и отличает его от всех других объектов того же класса; б) классифицирующее, которое служит признаком, по которому объект бытия причисляется к какому-либо классу лиц или предметов; в) описательное, которое служит для описания объекта бытия или для сообщения о нем дополнительных сведений:

*a) In the cupboard there are the books you bought yesterday* (Murphy);

*б) There are some beautiful houses in the town, which are more than two hundred years old* (Round-Up);

*в) There are no buses which go there in the morning* (Mc Carthy).

Семантика соответствующей русской конструкции имеет аналогичные характеристики.

Статус экзистенциальной конструкции **There PY + определительное придаточное предложение** как сложноподчиненного предложения, в котором предикаты, один из которых является абсолютным, а другой зависимым, вступают в релятивные связи по линии времени (одновременные / разновременные действия), лица (одному или разным субъектам приписываются эти действия) и модальности (реальные это действия или предполагаемые) [Золотова 2002:12]. Проблема соотношения событий в главном и придаточном предложениях ведет к вопросу о таксисе - категории, которая тесно взаимодействует с категорией времени, т.к. любое действие или событие локализуется в том или ином времени и рассматривается относительно / безотносительно к другому действию или событию. В свою очередь категория темпоральности не может рассматриваться вне категории аспектuality, поскольку время и вид – две категории, совмещенные в одной форме слова. Взаимодействие данных категорий обусловлено обязательностью выражения грамматических значений в речи.

Рассмотрим несколько вариантов пересечения категорий темпоральности, аспектuality, таксиса, модальности и лица:

1. *According to some historians, there was a young man in Rome who won the admiration of the whole city by his ability as a swimmer* (Wodehouse) – План выражения соотносимых временных форм соответствует плану содержания, относительная форма глагола омонимична абсолютной. *Was* задает временной план прошедшего, относительная форма *won* соотносит действие придаточного предложения с действием главного как одновременное, что выражается неперфектной формой прошедшего времени. Глагол *won* инволюнтивно результативен. Таксисная пара *was – won* монотемпоральна, моносубъектна (a young man) и мономодальна: объективно-модальным значением обеих частей является значение реальности, субъективно-модальным – значение нейтральности.

2. *There was a man at the barbecue who I had never seen before* (Hewings) – План выражения соотносимых временных форм соответствует плану

содержания, видо-временные формы относительного и абсолютного предикатов различны. Форма абсолютного глагола *was* задает временной план прошедшего, относительно которого действие, выраженное относительной глагольной формой *had never seen*, рассматривается как предшествующее действию главного предложения. Форма абсолютного глагола не соответствует форме зависимого, что подчеркивает не только логическую, но и синтаксическую подчиненность придаточного предложения главному. *See* – глагол протяженного действия. В плане таксисных отношений предикаты конструкции политемпоральны (*was – had seen*), полисубъектны (*a man – I*) и полимодальны на субъективно-модальном уровне: главное предложение реализует модальное значение нейтральности, придаточное отрицательности [см. Ломтев 1959, Золотова 1973, Попова 1987].

3. *There is no reason why I can't see you tomorrow* (Hewings) – План выражения относительной временной формы не совпадает с планом содержания, видо-временные формы соотносимых глаголов идентичны. Абсолютная временная форма *is* относит момент действия к настоящему времени и соотносит его с моментом речи говорящего. Модальный предикат *can't see* формирует футуральный временной план относительно абсолютной формы *is*, при этом совпадая с ней по видо-временным показателям. Данное соответствие, очевидно, связано с модальным значением глагола *can* – значением возможности осуществления действия в будущем. Значение будущего уточняется темпоральной лексемой *tomorrow*. Таким образом, в отношении таксиса соотносимые предикаты политемпоральны в плане содержания (*is – [can't see + tomorrow]*), моносубъектны (*there is no reason = I have no reason*, следовательно, *I – I*), полимодальны (главное предложение объединяет значения отрицательности и уверенности, придаточное – отрицательности и возможности → невозможности).

В соответствующих русских конструкциях (**ЛосРҮ + определительное придаточное предложение**) наблюдаются аналогичные взаимодействия категориальных значений с той лишь особенностью, что временные формы

абсолютных и относительных глаголов не имеют формальных различий: *Был у Шустикова портфель, который ему подарили в честь повышения, и в котором бумаги всегда лежали в некотором беспорядке* (Маканин). Таксисная пара *был – подарили* находится в отношениях предшествования действия относительного предиката действию абсолютного. Соотношение глагольных форм *был – лежали* выражает значение одновременности. Соотношение двух относительных глагольных форм *подарили – лежали* характеризуются предшествованием действия первого глагола действию второго. Заметим, что независимо от таксисных значений все отношения предикатов, реализуемые в рамках данной конструкции, выражаются формами прошедшего времени глаголов.

Заметим, что количество описанных комбинаций не является предельным.

**3. Экзистенциальная конструкция с инфинитивом *There* PY + инфинитив: *There is at least one mistake to be corrected* (Hewings); *There was nothing to remind* (Conan Doyle).**

Данная модель представляет собой залогово-маркированную экзистенциальную конструкцию, объект бытия которой является объектом действия инфинитива. В некоторых современных исследованиях рассматриваются симметричные и асимметричные инфинитивные залоговые конструкции: *There was nothing to be done*; *There was nothing to do* [Пушина 2000:90-96; см. также Басова 1971, Schibsbye, 1970]. Симметричные залоговые конструкции характеризуются симметрией содержания и формы: пассивному значению конструкции соответствует пассивная форма инфинитива: *There are some secrets to be revealed* (Newsweek). Асимметричные конструкции отличаются асимметрией плана содержания и плана выражения: неактивное значение конструкции выражается активной формой инфинитива: *There wasn't really a fetter to break, nor a prison bar to file through, nor a bolt to shatter* (Lawrence).

В русском языке симметричным и асимметричным инфинитивным конструкциям соответствуют сложно-подчиненные предложения с

придаточными определительными предложениями с активными или пассивными предикатами: *Вокруг Рудничного было много воровства, которое нужно было пресекать во всех видах* (Маканин).

Конструкции с активным и пассивным инфинитивом коррелируют друг с другом в функциональном плане, так как могут употребляться в одном и том же контексте и взаимозаменять друг друга: Ср. *There was nothing to do* = *There was nothing to be done* [Пушина 2000:91].

Особое внимание к залоговым характеристикам конструкции *There PY + инфинитив* обосновано тем, что данная категория является мощным источником межкатегориальных контактов. Это едва ли не единственная категория, которая образует преимущественно «сильные» связи [Бондарко 1976:13-14] и является совместимой почти со всеми глагольными категориями [Якобсон 1972:108]. Залоговые конструкции, как правило, репрезентируют широкий спектр категориальных значений, среди которых особый интерес представляют модальные значения.

Модальное значение экзистенциальной конструкции *There PY + инфинитив* не имеет эксплицитного представления. В связи с этим эффективной представляется методика выявления данных значений путем трансформации симметричных и асимметричных конструкций [Пушина 2000:94].

Так, симметричные конструкции допускают до шести трансформаций со всеми модальными глаголами: *There are a few places to be visited* (Conan Doyle):

*There are a few places that*    can be visited  
                                          must be visited  
                                          have to be visited  
                                          are to be visited  
                                          should be visited  
                                          ought to be visited

Соотнесение анализируемого предложения с каждым из вариантов позволяет выделить трансформацию с модальным глаголом *can* как наиболее предпочтительную. Таким образом, модальное значение симметричной

экзистенциальной конструкции определяется как значение возможности осуществления действия, выраженного инфинитивом.

Таким же способом устанавливается модальное значение, реализуемое асимметричной экзистенциальной конструкцией: *There was nothing to remind* (Conan Doyle). Такие конструкции реализуют модальное значение необходимости осуществления действия.

Необходимо отметить, что модальные значения не имеют строгого распределения по типам конструкций. Изменение модального значения конструкции может быть связано с рядом причин: особенностями контекста, лексико-семантическим окружением объекта действия инфинитива, использованием грамматических маркеров, использованием отрицательного местоимения для обозначения объекта действия инфинитива, которое меняет модальное значение на противоположное.

Рассмотрим особенности взаимодействия категориальных значений в следующих экзистенциальных конструкциях: *There is a bill to be paid on receipt of the shipping documents* (Economist); *There is so much interesting to see which is not visible from a plane* (Newsweek).

Первая конструкция является симметричной залоговой конструкцией, в которой взаимосвязаны залоговое и модальное значения, реализуемые пассивной формой инфинитива *to be paid*. Особенности реализации модального значения устанавливаем методом возможных трансформаций:

... a bill that     can be paid  
                          must be paid  
                          has to be paid  
                          is to be paid  
                          should be paid  
                          ought to be paid,

в результате чего предпочтение отдается вариантам с модальными глаголами *must* и *has to*. Как возможный рассматривается вариант с *is to*. Таким образом, анализируемая конструкция реализует модальное значение необходимости.

Данное значение актуализируется употреблением специфической деловой лексики: *a bill, to be paid, documents*, вносящей оттенок профессиональной обязательности. Следовательно, более конкретно модальное значение анализируемой конструкции интерпретируется как необходимость – обязанность.

Глагол *to be* имеет форму настоящего времени *is*. Темпоральное значение инфинитива футурально по отношению к действию предиката *is* и уточнено условно-временным детерминантом *on receipt*. Аспектуальное значение инфинитива характеризуется однократностью действия, что обусловлено признаком единичности объекта действия инфинитива.

Экзистенциальная конструкция *There is so much interesting to see which is not visible from a plane* (Newsweek) является асимметричной конструкцией с активно-залоговой формой инфинитива *to see*. В результате анализа вариантов трансформаций

... *much interesting that*    *can be seen*  
                                          *must be seen*  
                                          *has to be seen*  
                                          *is to be seen*  
                                          *should be seen*  
                                          *ought to be seen*

предпочтение отдается варианту *can be seen*, что свидетельствует о реализации в рассматриваемой экзистенциальной конструкции модального значения возможности осуществления действия. Действие глагола *to be* локализовано в настоящем времени. Действие инфинитива футурально. Квантитативная семантика объекта действия инфинитива *much* формирует его видовое значение – значение множественности и длительности действия. Постпозитивный распространитель инфинитива выполняет функцию ограничения и одновременно локализует объект действия инфинитива в определенном пространстве.

В русском языке рассматриваемым конструкциям соответствуют сложноподчиненные предложения с придаточными определительными предложениями: *Есть счет, который нужно оплатить по получению сопроводительных документов.*

Таким образом, симметричные и асимметричные экзистенциальные конструкции объединяют несколько категориальных значений: 1) модальные значения возможности и необходимости осуществления действия, выражаемые соответственно пассивной и активной формами инфинитива, но не являющиеся строго закрепленными за типом залоговой конструкции; 2) темпоральные, реализуемые глаголом *to be*, который локализуется преимущественно в настоящем и по отношению к которому действие инфинитива проецируется в будущее, что позволяет говорить о таксисном значении следования; аспектуальные значения, обусловленные как семантикой инфинитива, так и особенностями объекта, на который направлено действие инфинитива (длительность и множественность, однократность и единичность и т.п.). В конструкциях с отрицанием, связанным непосредственно с действием инфинитива, модальное значение меняется на противоположное. Конструкция может реализовывать значение локативности.

**4. Экзистенциальные конструкции с инфинитивным *for*-оборотом:** *There is no way for us to use white rice sparingly (Newsweek).* Наличие в составе экзистенциальной конструкции инфинитивного *for*-оборота относит ее к типу вторично-предикативных залоговых синтаксических конструкций. Существенной чертой свернутого предикативного комплекса (*for us to use*) является то, что он обладает собственным субъектом и собственным предикатом, т.е. имеет структуру, аналогичную структуре простого предложения, а также свойства простых членов предложения, выраженных неличными формами глагола, потому что они, выражая действие или состояние, вносят в предложение добавочное сообщение по отношению к сказуемому [Бородович 1972:2]. Инфинитивный *for*-оборот имеет зависимый характер и опирается на абсолютный предикат конструкции. Грамматикализованный предлог *for*

является показателем субъектно-объектных отношений внутри инфинитивного оборота. Инфинитивный *for*-оборот имеет скрытую модальность, поскольку допускает трансформации в придаточные предложения с модальными глаголами: *There is no way for us to use white rice sparingly (Newsweek) – There is no way we could use ...* . Модальное значение инфинитивного *for*-оборота - значение возможности. О. Есперсен называет это предположительной модальностью [Jespersen 1954]. Модальность вторичного предиката сочетается с объективной модальностью, выраженной основным предикатом. Данное сочетание формирует план содержания модальности конструкции в целом. Так, в рассматриваемом примере взаимодействуют объективно-модальное значение реальности и значение отрицательности, реализуемые основным предикатом *is* и отрицательным местоимением *no*, и значение предполагаемой возможности, реализуемое вторичным предикатом. Таким образом, отношения основного и вторичного предикатов по линии модальности являются полимодальными (*is* – реальное действие, *to use* – возможное, предполагаемое). По линии времени отношения *is* и *to use* политемпоральны: *is* локализуется в настоящем, *to use* соотнесено с будущим. Данное отношение имеет таксисное значение следования. Действие инфинитива единично и протяженно. Анализируемая конструкция моносубъектна: *There is no way for us ... = We have no way ... ; ... for us to use = ... so that we could use ...* . Действие инфинитива связано с одушевленным объектом, который в свою очередь связан с субъектом личного глагола отношениями посессивности: *way for us*.

Таким образом, проведенное наблюдение позволяет установить, что в экзистенциальных конструкциях с инфинитивным *for*-оборотом общая картина межкатегориальных взаимодействий складывается из сочетания категориальных значений, выражаемых структурой первичной предикативности и значений, реализуемых вторично-предикативной инфинитивной структурой. Наличие в составе инфинитивного *for*-оборота собственного скрытого субъекта и собственного скрытого предиката формирует план релятивных семантических взаимодействий категориальных

значений. По линии модальности значения, выражаемые первичным и вторичным предикатами, преимущественно полимодальны, т.к. объективно-модальным значением основного предиката, как правило, является значение реальности, вторичный предикат реализует значение возможности (предположительности). Действие личного глагола может быть локализовано во всех трех временных плоскостях – настоящем, прошедшем и будущем. Действие инфинитива проецируется в будущее. Отношение действия инфинитива к действию личного глагола имеет значение следования. Аспектуальные характеристики могут быть разными: при множественности объектов действие инфинитива множественно, при единичности – единично. Действие инфинитива может быть протяженным. Наряду со значением экзистенциальности рассматриваемая конструкция выражает значение посессивности.

В русском языке экзистенциальными конструкциями с инфинитивным *for*-оборотом соответствуют сложноподчиненные предложения с определительным придаточным предложением: Ср. *There is a book for you to read* – *Есть книга, которую ты можешь почитать*.

**5. Экзистенциальная конструкция *There* PY + причастие I: *There were men standing in the corridor and the men in the compartment all looked at them* (Hemingway); *There was a fire being put out* (Newsweek).** В рассматриваемой конструкции причастие I выполняет синтаксическую функцию определения и может употребляться как в активной, так и в пассивной форме. Экзистенциальное значение конструкции связано с локативным значением, выражаемым обстоятельством места.

Существует семантическая классификация, в соответствии с которой причастия I систематизируются в блоки характеристики различных признаков лица, явлений природы, абстрактных имен и предметов [см. об этом подробно Пушина 2001:171-172]. Объектами бытия, определяемыми причастием I, могут быть одушевленные и неодушевленные предметы любой семантики. В случае, когда имя объекта бытия анализируемой конструкции одушевленное лицо,

причастие I может характеризовать его с точки зрения его внешнего вида (*There were men wearing hats*), поведения (*there were men quarreling*), проявления чувств (*there were men suffering*), положения в пространстве (*there were men standing in the corridor*).

Если объект бытия – абстрактное имя, явление природы или неодушевленный предмет, то причастие I может характеризовать его с точки зрения состояния, свойств, формы, положения в пространстве и т.д.

Значение причастия I может конкретизироваться наречием (*shouting loudly*).

Действие, выражаемое личным глаголом конструкции, является абсолютным. Действие, обозначаемое причастием I, – относительным. Таксисное значение, реализуемое отношением абсолютного и относительного глаголов, определяется как значение одновременности. Время личного глагола может быть связано с прошедшим, настоящим и будущим. Действие неличного глагола протяженно.

Таким образом, в экзистенциальной конструкции с постпозитивным причастием I экзистенциальные значения взаимодействуют с темпоральными, таксисными, залоговыми активными, залоговыми пассивными и локативными (когда причастие I маркировано обстоятельством места) значениями. Для обозначения объектов бытия, определяемых причастием I, могут использоваться одушевленные и неодушевленные существительные любой семантики.

Анализируемому типу английских экзистенциальных конструкций с причастием I (*There were men standing in the corridor ...*) в русском языке могут соответствовать следующие варианты предложений:

- 1) *Были люди, которые стояли в коридоре;*
- 2) *Были люди, стоявшие в коридоре;*
- 3) *В коридоре стояли люди.*

Все предложения сохраняют экзистенциальное значение. В конструкции (3) более отмеченным становится значение локативности. Глагол *стояли* совмещает значение наличия со значением протекания действия.

Английской конструкции *There was a fire being put out* в русском языке соответствуют варианты:

- 1) *Был пожар, который тушили;*
- 2) *Пожар тушили.*

Конструкция (2) утрачивает значение экзистенциальности и статус экзистенциального предложения.

**6. Экзистенциальная конструкция There PY + причастие II: *There shall be no mirrors broken* (Lawrence).** В данной конструкции причастие II употребляется в функции определения. В семантическом отношении оно характеризуется преобладающим глагольным значением, результат действия которого испытывает на себе объект бытия. В качестве объектов бытия, определяемых причастием II, могут выступать одушевленные и неодушевленные предметы, абстрактные имена, взаимоотношения людей. Существует классификация причастий II относительно следующих семантических блоков:

- 1) блок семантики обозначения результативного действия: *written, painted, taken, given, sent, done* и др.;
- 2) блок семантики движения: *lifted, run, driven, gone* и др.;
- 3) блок семантики местоположения: *lived, laid, buried* и др.;
- 4) блок семантики результата деятельности рече-мыслительного аппарата: *studied, forgotten, made* и др.

Семантика причастия II может совмещать адъектированные и глагольные значения. Такие причастия объединяются в три семантических блока:

- 1) блок характеристики предметов, включая их форму, состояние, положение в пространстве: *framed, folded, filled* и др.;
- 2) блок характеристики абстрактных имен: *associated, experienced, recommended* и др.;

3) блок характеристики взаимоотношений людей: *surrounded, detached, assisted* и др. [см. Пушина 2001:190-191].

Анализ конструкций рассматриваемого типа показывает, что причастие II обозначает действие, которое по времени предшествует действию личного глагола, т.е. конструкция выражает смысл *есть что-то, над чем уже совершено действие (mirrors broken)*. Глагол, от которого образовано причастие II, как правило, характеризуется результативностью. Результативность может быть как осознанной (*a house designed*), так и неосознанной (*mirrors broken*). Действие личного глагола может относиться к временному плану прошедшего, настоящего и будущего. Рассматриваемая конструкция может содержать пространственный локализатор (*in this house*). Залоговое значение (пассивность) выражается смысловым содержанием причастия II.

Английским экзистенциальным конструкциям с причастием II в функции постпозитивного определения в русском языке соответствуют аналогичные конструкции с причастием прошедшего времени страдательного залога: *Зато у Йохима было непосредственное музыкальное чувство, дарованное Богом* (Короленко).

### Выводы по второй главе

Данные фактического материала позволяют говорить о широкой парадигме экзистенциальных конструкций, образуемой вокруг ядерного инварианта, включающего базовую трехкомпонентную схему, состоящую из бытующего предмета, бытийного глагола и области бытия.

Базовая экзистенциальная конструкция допускает два типа распространения: **внутреннее**, при котором конструкция сохраняет статус простого предложения, и **внешнее**, при котором она усложняется до статуса сложно-подчиненного предложения. Таким образом, парадигма экзистенциальных конструкций включает:

- варианты базовой (прототипической) экзистенциальной конструкции There PY (Loc) с внутренним распространением;
- вариант There PY с определительным придаточным предложением;
- варианты симметричных и асимметричных залоговых конструкций There PY с постпозитивным инфинитивом;
- вариант There PY с постпозитивным инфинитивным for-оборотом;
- вариант There PY с постпозитивным причастием I;
- вариант There PY с постпозитивным причастием II, а также соответствующие варианты русской прототипической экзистенциальной конструкции Loc PY (У X есть Y).

В качестве периферийных в структуру рассматриваемой парадигмы включены копулятивные модели Loc PY, PY Loc и конструкции типа *We can see (hear) ...*, представляющие коммуникативные варианты собственно экзистенциальных конструкций.

В экзистенциальных конструкциях с внутренним распространением наиболее тесно взаимосвязаны экзистенциальные, локативные и посессивные (подтип «человек и его внутренний микромир») значения. При определенном типе заполнения синтаксических позиций значение посессивности преобладает над значением экзистенциальности.

Препозитивные распространители бытующего предмета обогащают семантическую структуру конструкции значениями качественности, количественности, тождества, подобия, оценки и др.

Основным источником категориального значения модальности монопредикативной экзистенциальной конструкции является бытийный глагол. В форме синтаксического индикатива бытийный глагол формирует модальный фон нейтральности, а в сочетании с другими языковыми средствами (модальными глаголами, модальными словами, вводными словами и т.п.) реализует значение уверенности / неуверенности в истинности / ложности высказывания. В императиве и оптативе модальность проявляется в значениях желаемости и повелительности.

Значение модальности сопрягается со значением темпоральности, эксплицируемым формами прошедшего, настоящего и будущего времени в реально-модальных конструкциях и преимущественной обращенностью к плану будущего в ирреально-модальных конструкциях.

Свойство непреходности бытийного глагола делает залоговые отношения неотмеченными.

В усложненных экзистенциальных конструкциях, представляющих полипредикативные структуры, источником категориальных значений являются отношения между абсолютным и относительным предикатами, которые строятся а) по линии модальности и реализуются как моно- или полимодальные; б) по линии таксиса (значение предшествования, одновременности или следования действия относительного глагола за действием абсолютного глагола); в) по линии лица (моно- или полисубъектные). Экзистенциальная конструкция с придаточным определительным предложением обладает способностью реализовывать большинство из возможных комбинаций данных значений.

Экзистенциальные залоговые конструкции с постпозитивным инфинитивом объединяют модальные значения возможности и необходимости, выражаемые соответственно пассивной и активной формами инфинитива; темпоральные значения, реализуемые бытийным глаголом, который локализуется преимущественно в настоящем и по отношению к которому действие инфинитива проецируется в будущее; таксисное значение – значение следования действия инфинитива за действием личного глагола; аспектуальные значения (длительность, множественность, однократность и др.); значение локативности.

В экзистенциальных конструкциях с инфинитивным for-оборотом картина межкатегориальных контактов дополняется значением посессивности.

В экзистенциальных конструкциях с причастием I экзистенциальные значения взаимосвязаны с темпоральными, таксисными, залоговыми

активными, залоговыми пассивными, аспектуальными и локативными значениями.

В конструкциях с причастием II взаимосвязаны залоговые, темпоральные, модальные, аспектуальные, локативные и экзистенциальные значения.

### ГЛАВА 3. МЕЖКАТЕГОРИАЛЬНЫЕ СВЯЗИ ПОСЕССИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ

#### 3.1. Парадигма предикативных посессивных конструкций в английском языке

Центральное положение в структуре ФСП посессивности в английском языке занимает конструкция ХРУ, элементы которой (Х – субъект обладания, У – объект обладания и показатель посессивности Р – глагол *have* или его аналог *have got* – посессивный перфект с деграмматикализованным и делексикализованным причастием *got* [Чинчлей 1996]), - представляют посессивную ситуацию со значением собственно обладания: *I have a car.*

##### 1. Субъект обладания Х

Имя субъекта обладания Х может быть выражено

- личным местоимением: *I (you, he, she, we, they) have (has) a car;*
- одушевленным существительным: *The man has a car;*
- собственным именем существительным: *Fred has a car;*

Имя субъекта обладания Х допускает распространение препозитивными определителями, в качестве которых используются следующие языковые средства:

- притяжательное местоимение: *Her (my, your, his, our, their) brother has a car;*
- числительное в местоименном предложном обороте: *Three of them have cars;*
- неопределенное местоимение в местоименном предложном обороте: *Some of them have cars;*
- отрицательное местоимение в местоименном предложном обороте: *None of them have cars.*

## 2. Объект обладания Y

Характер заполнения данной синтаксической позиции влияет на формирование субкатегориальных значений обладания, которые объективируются:

Y - именами конкретно-предметной семантики: *That gypsy had the best horses* (Lawrence);

Y - наименованиями психических, физических, эмоциональных свойств или состояний человека: *They have a lot of courage*;

Y - именами, обозначающими семейно-родственные, социальные и другие отношения, характеризующие личную сферу человека: *I have two sisters*;

Y - наименованиями частей и органов тела человека: *The baby has two teeth*;

Тотально-парциальные отношения, выходящие за рамки личной сферы человека, реализуются при X – неодушевленном имени, обозначающем целое и Y – неодушевленном имени, обозначающем часть целого, т.е. X-a: *This car has a very powerful engine* (Longman);

Y - именами событийной семантики: *We'll have a meeting tomorrow*.

Препозитивное распространение имени объекта обладания Y осуществляется за счет определителей, в качестве которых используются:

а) качественное прилагательное: *I have a new car*;

б) притяжательное местоимение в сочетании с прилагательным own: *I have my own car*;

в) количественное числительное: *I have two cars*;

г) неопределенное / отрицательное местоимение: *Do you have any pets?*  
*I have no pets.*

д) сочетание наречия с местоимением, имеющим квантификаторные признаки: *I have too little money*;

е) сочетание наречия с качественным прилагательным: *I have such an old car*;

Имя объекта обладания Y допускает два типа постпозитивного расширения:

1) расширение за счет средств, уточняющих пространственные, временные и другие характеристики имени объекта обладания Y: *He has a house in Boston and a beach house in the coast* (Hornby); *We had another council of war the next day* (Newsweek). Данный тип расширения вносит в семантику конструкции дополнительную информацию об объекте обладания, но не меняет ее синтаксический статус – статус простого предложения;

2) расширение за счет средств, которые, внося дополнительную информацию об объекте обладания, придают базовой конструкции статус сложноподчиненного предложения. К данным средствам относятся:

- определительное придаточное предложение: *We have a letter which they referred to* (Economist);

- инфинитив: *Soon, they didn't have enough to pay for their lessons and eat three times a day* (O'Henry);

- вторично-предикативная конструкция с инфинитивным *for*-оборотом: *We've got some rice for the children to eat* (Newsweek);

- причастие I: *This old woman had a cunning heart, seeking for ever her own female power* (Lawrence);

- причастие II: *She had a grey-and-white kerchief tied up round her head* (Lawrence);

- герундий: *She had not even a dawning idea of going there* (O'Henry).

### 3. Предикат Р

Наряду с глаголом *have* в позиции Р достаточно активно используются глаголы с очевидной посессивной семантикой *to own*, *to possess*, *to belong to*: «*Who owns this car?*» demanded the police woman; (Hornby); *Do you possess a driver's license?* (Hewings); *These pearls belonged to my mother, I always think of her when I wear them* (Redman). *In Appalachia three quarters of the land belongs to energy companies* (Hornby).

Глагол *to possess* употребляется:

1) в посессивной конструкции, реализующей значение собственно обладания, то есть при X - одушевленном лице и Y - имени конкретно-

предметной семантики: *Most of the families do not possess a washing machine or a telephone* (Hornby);

2) в посессивной конструкции, реализующей значение обладания психическими, физическими и эмоциональными свойствами, т.е. при X - одушевленном лице и Y - абстрактном имени, обозначающем свойства, признаки, качества: *All of his children possess amazing musical talents* (Murphy);

3) в посессивной конструкции, реализующей тотально-парциальное отношение при X - неодушевленном имени и Y- имени конкретно-предметной семантики: *Like all towns and villages on Trinidad it possessed a cricket ground* (Newsweek);

4) в конструкции, реализующей тотально-парциальное значение при X – неодушевленном имени, обозначающем целое, и Y – абстрактном имени, называющем качество, признак или свойство как составную часть целого: *The Western Highlands possess a beauty and a majesty found nowhere else in Britain* (Newsweek).

Глагол *to own* употребляется в посессивной конструкции только при X - антропониме и Y – имени конкретно-предметной семантики: *Her father was rich and owned a large printing firm* (Maltz).

Глагол *to belong to* не ограничивает средства, заполняющие позиции X и Y: *It belonged to the old, enduring race of toads, or tortoises* (Lawrence).

Предикаты *to possess, to own, to belong to* образуют статические конструкции, описывающие посессивные ситуации как состояния, фиксируя лишь отношения между субъектами и объектами обладания.

Периферийная зона ФСП посессивности представлена глаголами динамического обладания, указывающими на способ утраты / приобретения объекта обладания и не имеющими очевидной посессивной семантики. Это глаголы типа *to find, to take, to get, to win, to earn, to obtain, to receive, to inherit, to buy, to borrow, to steal/to lose, to give, to sell, to pass, to deliver, to grant, to advance, to send, to bequeath* и др. И.П. Сусов и Р.Г. Гайнуллина рассматривают данные глаголы как трехактантные предикаты действия, связывающие имена

лиц, взаимодействующих друг с другом в процессе перехода объекта обладания от прежнего обладателя (Poss<sub>1</sub>) к новому (Poss<sub>2</sub>) [Сусов, Гайнуллина 2002:15]. В динамических посессивных конструкциях, формируемых трехактантными предикатами, один из именных конститuentов обязательно берет на себя семантическую роль агенса. В аналогичной роли выступает имя прежнего обладателя (Poss<sub>1</sub>) в конструкции с двухактантным предикатом типа *to lose* и имя нового обладателя в конструкции с двухактантным предикатом типа *to lose*:

*Please can you help us find our little boy. We lost him in the crowd* (Hornby).

К числу трехактантных глаголов относятся в основном глаголы давания: *to give, to sell, to pass, to deliver, to present, to advance, to send, to bequeathe* и др. В формируемых данными глаголами посессивных конструкциях позицию субъекта занимает прежний обладатель (Poss<sub>1</sub>):

*Sophie gave Ted her jacket to hold while she tried on a new coat* (Smith).

*They sold their furniture by auction* (Newsweek);

*I passed him the rope and he took it* (Maltz);

*I will advance you the money out of your allowance* (Lawrence);

*He bequeathed &5000 for charity* (Economist);

*A little girl presented a basket of flowers to the President's wife* (Longman).

Последний пример наиболее выразительно демонстрирует посессивную ситуацию, в структуре которой наличествуют два сопряженных партиципанта, каждый из которых делает свое дело [см. Холодович 1978:5-16]. В результате действия глагола-предиката состояние первого приобретает значение утраты, одновременно с этим состояния второго – значение приобретения. При этом активность обоих партиципантов симметрична.

Следует отметить, что глаголы давания, содержащие сему дарения (дарования), типа *bequeath*, как правило, связаны с субъективно-модальным значением желания со стороны прежнего обладателя совершить данное действие.

В число признаков глагола-предиката утраты включается значение перехода от одного состояния к другому: *He sold his car*. Глагол-предикат

рассматриваемой модели предполагает смену состояния «иметь» на состояние «не иметь». Действие глагола-предиката обладает каузирующей силой: результатом действия которой является состояние, выражающее значение утраты [см. Недялков, Сильницкий 1969:5-17]. Механизм каузации обеспечивает системную связь между динамическими и статическими посессивными конструкциями.

Трехактантные предикаты, антонимичные названным, формируют посессивные конструкции, в которых позицию субъекта обладания занимает новый обладатель (Poss<sub>2</sub>). К числу таких глаголов относятся глаголы *to take, to get, to win, to earn, to obtain, to receive, to inherit, to buy, to borrow, to steal*:

*Where do you get these ideas, son?* (Quin).

*The Conservatives won the seat from Labour at the last election*(Newsweek);

*She inherited some money from her grand-father* (Longman);

*He stole from the rich to give to the poor* (O'Henry);

*They earn their own living in stores, restaurants, factories, and offices.*

Следует иметь в виду, что при реализации трехактантных посессивных моделей возможно опущение того или иного актанта, особенно в случаях преобразования активных конструкций в пассивные: *The car was bought second-hand.*

По мнению Уоллеса Л. Чейфа, при описании семантической структуры предложений с предикатом приобретения в число признаков глагола-предиката включается значение преобразования одного состояния в процесс, затем в другое состояние: *He bought a car* – состояние отсутствия обладаемого → акт приобретения → состояние наличия обладаемого. Промежуточное звено (акт приобретения) обладает каузирующей силой, результатом действия которой является новое состояние.

Примечательно, что глаголы динамического обладания не накладывают никаких ограничений на заполнение позиции Y. Имя объекта обладания может быть выражено одушевленным / неодушевленным, абстрактным / конкретным

именем существительным любой семантики. В позиции субъекта обладания выступает антропоним\*.

Помимо указанных глаголов считаем целесообразным выделить глаголы *to keep, to hold, to wear, to collect*, содержащие сему посессивности. Способность глагола *to have* передавать информацию о том, что нахождение Y-а определяется волей X-а, сближает его с глаголом *to keep* в значении «держать», а также с некоторыми другими глаголами.

Зачастую сема посессивности отдельно взятого глагола имеет скрытый характер, но в контексте значение обладания очевидно:

*Over against the piano a man of bulk and stature was wearing two waistcoats on his wide chest, two waistcoats and a ruby pin, instead of the single stain waistcoat and diamond pin of more usual occasions, and his shaven, square, old face, the colour of pail leather, with pale eyes, and it's most dignified look ,above his satin stock (Galsworthy).*

*Like all other Forsytes of a certain age they kept carriages of their own, and never took cabs if by any means they could avoid it (Galsworthy).*

*Each of these ladies held fans in their hands, and each with some touch of colour, some emphatic feather or brooch, testified to the solemnity of the opportunity(Galsworthy).*

*He collected pictures (Galsworthy).*

*In his hands he turned and turned a piece of china (Galsworthy).*

Сема посессивности данных глаголов объективируется контекстом.

Периферийное положение в структуре ФСП посессивности занимает экзистенциальная конструкция *There РУ*, которая при определенном характере заполнения синтаксических позиций выражает значение посессивности: *There was an alert, inquisitive, mindless curiosity on his well-coloured face (Galsworthy).*

---

\* Некоторые из перечисленных глаголов (*take, steal, give, lose, get* и др.) могут употребляться в предложениях посессивной семантики с X - зоонимом: *The cat stole the meat* [Журинская 1974:13].

### 3.2. Парадигма предикативных посессивных конструкций в русском языке

В русском языке в центре предикативной посессивности находится конструкция, которая содержит все три элемента посессивной ситуации: субъект обладания, объект обладания, показатель посессивности.

Особенность грамматического оформления данной ситуации заключается в том, что она помещается в схему экзистенциальной конструкции  $Loc\ PY$ , где место локализатора занимает субъект обладания  $X$ , оформленный предложной конструкцией «у + родительный падеж имени обладателя», позицию предиката  $P$  – показатель посессивности, выраженный глаголом «быть» или каким-либо другим глаголом бытийной или посессивной семантики, а место объекта бытия  $Y$  – объект обладания.

*У нас уже есть соображения на этот счет (Незнанский).*

Парадигматические особенности данной конструкции подробно рассмотрены в соответствующем параграфе предыдущей главы.

Вариантами названной конструкции являются предикативные конструкции с глаголом «иметь», которые употребляются преимущественно

- в книжном стиле речи а) в сочетаниях с неодушевленными существительными: *Господин Остролыженский имеет билет от Нижнего до Казани (Акунин)*; б) в сочетаниях с абстрактными существительными: *Не удивительно, что маленькая пьеска «Хорь и Калиныч» имела такой успех ... (Белинский)*;
- в составе фразеологических оборотов: *Рост выше среднего, черты лица обыкновенные, волосы русые, глаза голубые, сложение худощавое, особых примет не имеется (Акунин)*;
- в посессивных конструкциях в форме инфинитива: *Чтобы читать лекции хорошо ..., нужно, кроме таланта, иметь еще сноровку и опыт (Чехов)*;
- в императиве: *Не имей сто рублей, а имей сто друзей*;

- в императиве с условным значением: *Имей Юсуф пятьсот баранов, стал бы он красть платье мертвой женичины?* (Акунин);

- в официально-деловом и научном стиле: *Современная наука имеет возможность в известной степени восполнить этот пробел* (Тронский).

Наряду с глаголами «быть» и «иметь» в образовании предикативных синтаксических конструкций со значением обладания участвуют глаголы статического обладания с очевидной посессивной семантикой: *обладать, владеть, принадлежать*:

*Он обладал даром предвидения* (Токарева);

*Вот колеса, ключи. Так сказать, владейте!* (Маканин);

*Это только две фабрики, которые принадлежат вам* (Незнанский).

К этой же группе можно отнести глаголы *держать, хранить, располагать* и др.:

*Жил он один с своей женой в уютном, опрятном домике, прислугу держал небольшую* (Тургенев).

*Неужели вы храните такие деньги дома?* (Незнанский);

*Жаль только, фотокарточкой пророка мы не располагаем* (Акунин).

Периферийную зону ФСП посессивности в русском языке заполняют глаголы динамического обладания с неочевидной посессивной семантикой, конкретизирующие способы утраты / приобретения объекта обладания:

*Думал он и надеялся, что даст ему Бог хоть от второго брака наследника купеческому имени и капиталу ...* (Лесков);

*Он приходил, делал то, что от него требовалось, и получал свой гонорар – «постановочные», как он их называл* (Незнанский);

*Серый говорил, что доподлинно знает о степных дорогах, на которых можно разжиться. И ковры добыть можно, и золотишко, наше же, уральское, вывозное, и лошадей каких! ...* (Маканин);

*Портнов прибыл в нашу столицу где-то полгода назад. Арендовал на ВВЦ немалые площади для своей фирмы «Нью-Мос»* (Незнанский);

*Значит, серьги. Брошка есть. Браслетка есть. Ну и монеты золотые – много не дам, но что-то подарю (Маканин);*

*А пока-на, возьми, от чистого сердца рубль (Зощенко);*

*В ночь атаман отправил Серого и совсем молоденького Ваню Зубкова к пастухам – чтобы прихватили овцу-две (Маканин);*

*Замысел там был таков – у братьев-буддистов во время богослужения украли сто, допустим, рупий (Маканин);*

*Жена Светлана покинула его год назад. Забрала сына и «прощай» не сказала (Незнанский);*

*Он, понимаешь ты, деньги у меня занимает, а кто отдавать будет? (Зощенко).*

К парадигме синтаксических средств выражения значения посессивности относятся конструкции, которые не являются посессивными, но одновременно со своим основным значением репрезентируют также какое-либо из посессивных отношений:

- отношение принадлежности, основанное на признаке отчуждаемости:

*На этой плешивой голове сидел редкозубый золотой венец (Булгаков);*

*... Обута в белые шкарпетки и необстоятельные тапки на кожаных ремешках (Акунин);*

- отношение эмоционального состояния, основанное на свойстве абсолютной или относительной неотчуждаемости:

*По лицу больной пробежало отражение острого страдания, и из закрытых глаз скользнула крупная слеза (Короленко);*

*И был я тогда красивый и молодой, усики носил стоячие и нравился себе (Зощенко);*

- семейно-родственные отношения, основанные на свойстве относительной неотчуждаемости:

*Не заметил я, как и женился, и как на свадьбе с жениными родственниками подрался, и как жена после того дите родила (Зощенко).*

Предложения данного типа занимают периферийную зону ФСП посессивности.

### 3.3. Типы межкатегориальных связей посессивных конструкций

**1. Посессивная конструкция – *X has Y (X has got Y) – You've got a shilling, that's enough (Lawrence)*.** Данная конструкция образуется при помощи специального глагола обладания *have (have got)* и является специализированным способом выражения посессивных отношений. В структуре ФСП посессивности она занимает ядерную зону. Посессивная ситуация в конструкции *X has Y* представлена тремя обязательными элементами – субъектом обладания *X*, объектом обладания *Y* и предикатом, эксплицирующим посессивные отношения двух имен.

Центральным значением категории посессивности является значение собственно-обладания. Оно реализуется рассматриваемой конструкцией при условии, что *X* является лицом, а *Y* – именем конкретно-предметной семантики. Позиция *X* рассматривается как величина постоянная, позиция *Y* – как переменная. Таким образом, категориальное значение конструкции, точнее ее подзначение, зависит от того, какие семантические типы имен заполняют позицию *Y*. В русском языке рассматриваемое значение выражается конструкцией, формально совпадающей с экзистенциальной – *У X-а есть Y*, где позиции *X* и *Y* требуют аналогичного оформления: «Там давно никто не живет, но у меня есть ключ» (Незнанский).

Любое предложение является результатом взаимодействия целого ряда языковых и внеязыковых факторов, поэтому взаимоотношения между элементами триады «реальная действительность - мышление - язык» должны учитываться при анализе как формальной, так и семантической сторон исследуемой синтаксической единицы, которой приписывается определенный смысл.

Большинство современных синтаксических теорий придерживается той точки зрения, согласно которой «связь между словами отражает связь между реальными явлениями внеязыковой действительности, поэтому разнообразные типы словесных связей можно свести к определенным внеязыковым ситуациям.

Предложение, однако, не может копировать ситуацию реальной действительности. Сознание «интерпретирует» каждую конкретную ситуацию, а язык отбирает те единицы, посредством которых происходит отражение реальной действительности [Шмелев 1976; Гак 1977, 1981; Панфилов 1977; Филмор 1981; Шаламов 1994 и др.].

Таким образом, при исследовании семантической структуры предложения следует учитывать а) денотативный уровень как основной компонент смысла предложения, б) уровень осмысления ситуации (эпистемологический уровень), в) коммуникативный уровень.

Для установления характера денотативной связи имени субъекта обладания *X* с именем объекта обладания *Y* в рассматриваемой посессивной конструкции *X has Y*, необходимо в первую очередь определить характер денотата имен *X* и *Y*.

Имя субъекта обладания *X* чаще всего имеет конкретную референцию, т.е. соотносится с конкретным лицом, известным как говорящему, так и слушающему. В этой позиции обычно выступают имена собственные, личные местоимения, классы слов: *Peter has a car; He has a car*. В случае, когда имя *X* соотносится с целым классом (*Giraffes have long necks*), конкретная референция теряется, следовательно, теряется значение собственно обладания. В предложении *Giraffes have long necks* реализуется значение обладания эталонными родовыми физическими свойствами, основанное на признаке неотчуждаемости.

Об утрате *X*-ом конкретной референции в английском языке может свидетельствовать наличие неопределенного артикля: *A giraffe has a long neck*. Неопределенный артикль выполняет роль своеобразного квалификатора со значением «любой», «каждый».

Как указывалось выше, в конструкции со значением собственно обладания в позиции *Y* выступает имя конкретно-предметной семантики. Имя объекта обладания тем не менее лишено конкретной референции. Слушающий получает только понятие о предмете, не соотнося его с конкретным предметом. В английском языке такая денотативная характеристика *Y* находит формальное выражение в неопределенном артикле. Если имя объекта обладания употребляется с определенным артиклем, т.е. соотносится с конкретным предметом, предложение осмысливается как локативное: Ср.: *I have a book – I have the book*. Таким образом, денотативный статус имени объекта обладания формирует определенный тип осмысления предложения. При формальном тождестве структур рассматриваемая конструкция может получать посессивную или локативную интерпретацию.

В русском языке значения посессивности и локативности передаются экзистенциальной конструкцией *У X есть Y*. В предложной группе *у X-а* концентрируются локативные характеристики конструкции. При закреплённом структурой конструкции порядке слов, локативное значение является сопутствующим посессивному. При изменении данного порядка слов имя *Y* приобретает конкретную референцию и категориальное значение посессивности меняется на значение локативности: Ср.: *У меня книга – Книга у меня*.

Таким образом, посессивная конструкция, реализующая значение собственно обладания, имеет ряд ограничений на заполнение синтаксических позиций имен обладателя *X* и обладаемого *Y*:

1) имя *X* должно иметь конкретную референцию, т.е. соотноситься с конкретным лицом, известным говорящему и слушающему;

2) имя *Y* не должно соотноситься с конкретным предметом. Нереперентное имя *Y* лишь вводит понятие об объекте. Нарушение ограничений при заполнении позиций *X* и *Y* приводит к изменению семантического статуса рассматриваемой конструкции.

Категориальное значение русской конструкции *У X есть Y* может реагировать на перемещение коммуникативного фокуса. В том случае, когда в центре внимания оказывается мысль об объекте обладания *Y*, конструкция *У X есть Y* реализует сигнификативное, а не денотативное значение *Y*, т.е. *Y* в таких предложениях указывает на род или класс предметов, один из которых принадлежит *X*: *У меня книга* (а не тетрадь, журнал, газета и т.д.). таким образом, особую коммуникативную значимость в предложениях такого типа приобретает класс предметов, к которым причисляется *Y*. Значение обладания отходит на второй план, следовательно, употребление глагола *быть* – показателя посессивности – становится необязательным. Посессивные отношения, реализуемые конструкцией, преобразуются в таксономические. Как отмечает Н.Д. Арутюнова, таксономическая функция имени заключается в том, что оно выводит в фокус не столько образное представление, сколько ассоциируемые с этим именем энциклопедические знания. Стоит при имени появиться определению, как таксономическая предикация превращается в характеризующую [Арутюнова 1980:197-198].

Особую коммуникативную разновидность русской конструкции *У X есть Y* составляют интродуктивные предложения: *Был у Шустикова сосед по коммуналке* (Маканин). Они характеризуются информативной незавершенностью и тем, что обязательно требуют продолжения. Эффект незавершенности усиливается за счет выноса глагола в начальную позицию. Н.Д. Арутюнова указывает на особый вид референции имени *Y* в предложениях данного типа: это, как правило, лицо, которое известно говорящему, но не знакомо адресату. Для говорящего это имя референтно и указывает на конкретный предмет, для слушающего – нереферентно, поскольку среди объектов, входящих в знакомый ему мир, этому имени нет соответствия. Н.Д. Арутюнова называет такой вид референции «специфической неопределенной референцией» [Арутюнова 1983:56]. В английском языке интродуктивные предложения формально не отличаются от прототипической посессивной

модели из-за строгого порядка слов. Поэтому интродуктивную функцию выполняет контекст.

В отличие от таксономических посессивных предложений, в интродуктивных предложениях имя *Y* употребляется не в сигнификативном, а в денотативном значении.

Если интродуктивные посессивные предложения являются объектно-направленными, то предложения типа *He has no money* выражают субъектно-предикатную связь, т.е. направляют признак, выраженный в предикате, к субъекту: *He has no money* = *He is poor* [Лайонз 1978:8]. Данный тип внутренней связи соотносит рассматриваемую посессивную конструкцию с предложениями характеристики.

Таким образом, посессивная конструкция *X has Y* и соответствующая ей русская конструкция *У X есть Y* имеют несколько коммуникативных разновидностей, которым соответствуют разные референциальные характеристики имени объекта обладания.

Референция имени объекта обладания влияет на общую семантику посессивной конструкции, актуализируя одни подзначения посессивности и притушевывая другие. Так, конкретно-референтное имя объекта обладания *Y* выводит конструкцию *X has Y* из разряда собственно посессивных и относит ее к категории локативных. Во взаимодействие с двумя названными значениями может вступать еще одно значение – значение временного обладания. Сравним следующие предложения: а) *I have a book*; б) *I have the book*. Предложение (а) с нереферентным именем объекта обладания, эксплицированным неопределенным артиклем, реализует значение собственно обладания. Определенный артикль в предложении (б) свидетельствует о конкретно-референтном статусе имени объекта обладания, следовательно, о преобладании значения локативности. Однако, предложение (б) может получать и другую интерпретацию и рассматриваться как предложение временного обладания. Аналогичную интерпретацию получают русские локативно-посессивные конструкции типа *Книга у меня*.

Следует заметить, что значение временного обладания, реализуемое посессивными конструкциями с конкретно-референтным именем объекта обладания, зависит не только от синтаксических показателей (артикл, порядок слов), но и от семантики лексики, заполняющей позицию *Y*: Ср.: *I have a book – I have the book – I have the car*. В первом случае говорится о факте владения вообще, во втором – о факте временного обладания, в третьем также присутствует значение временного обладания, но длительность этого обладания воспринимается как большая по сравнению с длительностью обладания во втором случае. Более крупным и дорогим предметом владеют дольше, чем мелким и дешевым.

Таким образом, значение временного обладания тесно связано как со значением собственно обладания, так и со значением локативности. Данные значения имеют много общего, но не сводятся одно к другому. Различие между значением собственно обладания и временного обладания имеет формальную выраженность. Значения временного обладания и локативности совпадают формально, но дифференцируются на уровне семантики конкретных лексем и контекста. Определенную ясность в различие данных значений вносят предложные конструкции, которые уточняют пространственные характеристики объекта обладания и разрешают сомнения относительно доминирующего значения конструкции в пользу значения локативности: *Спит он, а ларчик у него под подушкой* (Акунин).

Итак, предметная семантика имени объекта обладания *Y* формирует значение собственно обладания, составляющее ядро категории посессивности. Заполнение данной позиции именами иной семантики приводит к актуализации субкатегориальных значений обладания.

**2. Конструкция *X has Y*, выражающая субкатегориальное значение обладания семейно-родственными, социальными, функциональными отношениями.** При заполнении позиции *Y* именем лица, учитывая, что *X* тоже лицо, конструкция *X has Y* имплицитно указывает на наличие устойчивых отношений между субъектом и объектом обладания, относящихся

к внешнему микромиру человека. Отношения, основанные на признаке абсолютной неотчуждаемости, относятся к разряду семейно-родственных. Признак относительной неотчуждаемости характерен для отношений функциональных и социальных: *Saddam and his four brothers all had different mothers* (Newsweek); *Kirchner has no supporters, he can call his very own* (Newsweek); *I have a great director* (Economist); *We have a good baby-sister* (Redman); *When French Foreign Minister Dominique de Villepin spoke, he had a captive audience* (Newsweek). В русском языке рассматриваемое субкатегориальное значение выражается экзистенциальной конструкцией У Х есть Y: *Никого у Богдана на свете не было, кроме пана* (Короленко); *Ну хорошо, меня вы купили за пятьдесят косых, но ведь у меня еще и напарник есть* (Незнанский); *А был у меня задушевный приятель* (Зощенко); *Ни брата, ни сына-туполева, ни тем более внуков у нее никогда не было и нет* (Маканин).

Характер связи X и Y (отчуждаемость / неотчуждаемость) имеет определенное значение при образовании интродуктивных посессивных предложений. Чем сильнее признак неотчуждаемости Y (кровно-родственная связь), тем меньше это имя нуждается в интродуктивном представлении. Ср.: *Есть у меня друг (сосед, сослуживец) – Есть у меня брат – Есть у меня мать.*

**3. Конструкция X has Y, выражающая субкатегориальное значение обладания психическими, физическими и эмоциональными свойствами: *He has had pain since birth ...* (Newsweek). *Brackett had no sense of humour* (Maltz). *Yvette too had a free-born quality* (Lawrence).**

В качестве объекта обладания Y в анализируемой конструкции выступают элементы внутреннего микромира человека, обозначающие его психические, эмоциональные и физические (физиологические) свойства, которые имеют произвольный, независимый от воли носителя характер и связаны с ним отношениями неотчуждаемости.

Лексические единицы, обозначающие указанные свойства, включаются в структуру прототипической посессивной конструкции по аналогии с именами конкретно-предметной семантики: *At 9, Alyssia Ayala has constant pain*

(Newsweek); *I don't know what they'll come to, if they have nerves like that, at their age!* (Lawrence); *He, too, had a curious indignation against life ...* (Lawrence). Для предложений такого типа характерно употребление постпозитивных распространителей имени объекта обладания (*curious, constant, like that*), которые конкретизируют количественные и качественные характеристики данного компонента структуры и придают информативность конструкции в целом.

В тех случаях, когда *X* рассматривается не как обладатель каких-либо свойств, а как «вместилище» для последних [Чинчлей, 1990:68], английский язык использует экзистенциальную конструкцию, в которой позицию объекта бытия заполняют лексемы, обозначающие психические или эмоциональные свойства, а в позиции локализатора выступает имя обладателя данных свойств: *There was something irritating about her* (О'Henry). Такая форма репрезентации посессивных подзначений характерна для тех случаев, когда «размещаемые» в *X* свойства не имеют конкретного определения и в состав имени объекта обладания включается неопределенное местоимение *something*. Денотант имени *Y* воспринимается как нечто, находящееся в пределах *X*, но не зависимое от него [Селиверстова 1977:53]. Данная конструкция имеет периферийное положение как в структуре ФСП экзистенциальности, так и в структуре ФСП посессивности, поэтому ее значение двойственно: формальные признаки свидетельствуют об экзистенциальном значении, семантика лексики и характер заполнения синтаксических позиций репрезентируют значение посессивности.

В русском языке рассматриваемое субкатегориальное значение также передается экзистенциальной конструкцией, в которой позиция субъекта обладания выражается предложным сочетанием «в + предложный падеж» или «у + родительный падеж»: «*Оттого-то вы повсеместно и гонимы, что гордыни в вас много. – Гордость у нас есть, это правда* (Акунин). Свойство, передаваемое конструкцией «у + родительный падеж», воспринимается как более общая характеристика субъекта обладания и рассматривается как его достоинство или преимущество, которым он может распоряжаться.

Конструкция «в + родительный падеж» такого значения не имплицитует. Она характеризует *X* как более пассивного носителя приписываемых ему свойств. М. Гиро-Вебер называет такие модели демипассивными, т.е. выражающими значение отсутствия проявления воли со стороны синтаксического подлежащего [Гиро-Вебер 1979:69].

Если речь идет об обладании психическими свойствами, то позиция *X* может быть представлена лексемами *душа*, *сердце*, которые метонимически обозначают сам субъект обладания: ... *В темной душе мальчика жило неутомимое стремление к свету* (Короленко); *Сижу, а на сердце ужас смертный* ... (Зощенко). На том же основании уместно употребление лексем, обозначающих внутренние органы и части тела человека: *печень*, *руки*, *ноги*, *глаза*, *голова*, *голос*, *грудь*, *мозг*, *горло* и т.д.: *На лице больной было отражение острого страдания*. (Короленко).

В позиции объекта обладания выступают наименования состояния типа *возбуждение*, *головокружение*, *гипертония*, *горе*, *горечь*, *грусть*, *наслаждение*, *ангина*, *насморк*, *обида*, *несчастье*, *приступ*, *радость*, *растерянность*, *робость*, *смущение*, *спокойствие*, *температура*, *страх*, *тоска* и мн.др.

В позиции предиката, устанавливающего связь субъекта обладания с объектом обладания, наряду с глаголом *быть* выступают глагольные лексемы разных лексико-семантических групп в переносном значении. Они вносят в содержательную структуру высказывания фазовые семы «начало» или «продолжение». Это глаголы типа *появиться*, *поселиться*, *жить*, *мелькнуть*, *зазвучать*, *проникать*, *расти*, *слышаться*, *стоять*, *теплиться*, *улечься*, *стихать*, *виднеться*, *бродить*, *переполнять*, *зародиться*, *тесниться*, *заливать*, *пробуждаться*, *обогащаться*, *воцаряться*, *улетучиваться*, *пробиваться*, *застывать*, *щемить*, *блеснуть* и др.

Ситуация обладания определенными психическими, физическими и эмоциональными свойствами характеризуется прежде всего временной ограниченностью. Состояние возникает во времени, длится в течение определенного времени, не изменяя своего качества, по истечении

определенного времени оно меняется, на смену одному состоянию приходит другое. Временный характер обладания психическими, эмоциональными и физическими свойствами предопределяет способность рассматриваемой модели усложняться такими темпоральными лексемами как *сейчас, теперь, недавно* и др.: *Теперь в глазах сослуживцев была обида не только за себя – за человека была обида, за своего как-никак* (Маканин); *У меня совсем недавно было такое чувство, что тебе угрожает опасность* (Незнанский).

Значение темпоральности часто связано со значением кондициональности в специфических предложно-падежных формах типа *без них, после сна, при мысли*: *Так получилось, что после их смерти вплоть до поры взросления возникнет в Ключарева огромный и холодный провал от нелюбимости* (Маканин).

Если временной план конструкции связан с прошедшим, то темпоральный детерминант может выполнять две функции одновременно – конкретизировать временные рамки прошедшего и актуализировать значение «длительность»: *Сначала в ней не было к брату никаких чувств* (Маканин).

В определенном контексте условно-временные детерминанты актуализируют значение «повторяемость»: *В ночное время суток в душе ребенка поселялся страх* (Маканин).

Для смены внутренних состояний человека необходимы определенные причины. Первопричиной, например, эмоции служит обычно физическое восприятие или ментальное созерцание некоторого положения вещей, интеллектуальная оценка которого рождает соответствующую эмоцию. Причиной положительных эмоций является наша интеллектуальная оценка каких-то событий как желательных, а причиной отрицательных эмоций – оценка каких-то событий как нежелательных [Апресян 1995:52]. Это так называемая внешняя причина, приводящая к смене одного состояния другим. Кроме внешних, существуют внутренние каузаторы состояния [Лебедева 1992:3; Калнберзинь 1958:22]. К таковым прежде всего относятся благоприятные и неблагоприятные эмоциональные состояния (настроения) субъекта, при

которых, по мнению Е.В. Клобукова, происходит совпадение «субъекта-каузатора» и «субъекта-каузанта» [Клобуков 1984:39]. То есть одно психическое или физиологическое состояние, его характер и степень проявления могут сопутствовать другому психическому или физиологическому состоянию или явиться причиной возникновения последнего, и таким образом служить денотатом значения рассматриваемой конструкции.

Каузатор психических, эмоциональных и физических свойств может быть выражен причинными словоформами:

а) «от + родительный падеж» со значением изменяющей, действующей [Попова 1982:45] или неосознанной причины [Одинцова 2002:55]: *От напряжения на лбу парня выступал пот, который он судорожно смахивал рукавом* (Незнанский);

б) «из-за + родительный падеж» со значением объясняющей [Попова 1982:45] неблагоприятной причины [Одинцова 2002:55]: *Из-за той мелочной ссоры в душе его навсегда поселилась обида* (Токарева).

В рамках рассматриваемого типа посессивных конструкций значения темпоральности, кондициональности, каузативности и локативности могут выступать в различных комбинациях, наиболее частотными среди которых являются сочетания:

а) локативность + темпоральность: *На лице Усердова в ту минуту был испуг и трепет, и сознание сопричастности великому таинству Высшей Власти* (Акунин);

б) темпоральность + каузативность: *Так получилось, что только после их смерти, через много лет возникнет в Ключарева огромный и холодный провал* (Маканин);

в) локативность + каузативность: *На лице Митрофания от этих странных слов появилась настороженность* (Акунин).

**4. Конструкция *X has (has got) Y*, выражающая значение обладания частями тела, органами, атрибутами внешнего облика: *The girl had big brown eyes and cinnamon – coloured hair* (O'Henry).**

Данный лексико-семантический вариант посессивной конструкции объективируется при Y – неодушевленном существительном конкретной семантики, обозначающем часть тела человека. Как показывает фактический материал, в качестве объекта обладания выступают названия

- а) абсолютно неотчуждаемых (стандартных) частей тела;
- б) частей тела, которые могут у человека быть, а могут отсутствовать (борода, усы, косы и т.д.);
- в) частей (деталей), которых могло бы не быть (шрам, опухоль и т.д.).

В английском языке сообщения со всеми перечисленными подтипами отношений строятся также как и сообщение со значением собственно обладания, т.е. при помощи глагола *have (have got)*:

- а) *She had two false teeth and a good heart* (O'Henry);
- б) *Betsy called my attention to one man who had grey hair and bushy beard ...* (Smith);
- в) *I have a head-ache and some spots* (Hornby).

Следует заметить, что в случае (а) модель *X has Y* становится коммуникативно значимой лишь при наличии пре- / постпозитивных распространителей имени объекта обладания или в отрицательной форме: *The girl had big brown eyes ...* (O' Henry); *He seemed to have no lashes* (Lawrence). Особенность данного подтипа в актуализации и спецификации отношения обладания заключается в том, что сема обладания отступает на периферию, а доминантное значение закрепляется за отношением части-целого, отмеченным признаком абсолютно неотчуждаемой принадлежности, характеризуемой гипосемой партитивности. При этом значения обладания и партитивности пересекаются со значением характеристики. Аналогичные комбинации межкатегориальных связей выявляются в семантической структуре русской атрибутивной посессивной конструкции, содержащей отсубстантивное

прилагательное со свернутой пропозицией. Образованное при помощи суффикса *-ист-* или *-аст-* (плечистый, щекастый), такое прилагательное выражает значение «имеющий (на себе, в себе) то, что обозначено основой», причем, в степени, превышающей норму: *Идет, представьте себе, гражданин по улице. Плечистый такой, здоровенный парень* (Зощенко). На значение посессивности, партитивности и качественности рассматриваемой модели наслаивается значение оценки, которое в сочетании с остальными значениями служит цели охарактеризовать лицо-обладателя.

В подтипе (б) признак относительной неотчуждаемости объекта обладания является контролируемым со стороны обладателя. Усиление или ослабление данного признака связано с волей его носителя.

В подтипе (в) свойство контролируемости со стороны X полностью отсутствует, поэтому при заполнении позиции Y именем нестандартной (необязательной) части X, отношение части-целого может быть репрезентировано экзистенциальной конструкцией *There PY Loc (Loc = X)*. Такой способ представленности смещает семантические приоритеты, переводя фокус со значения партитивности на значение наличия определенного признака в сфере X. В предложениях, соотносимых с полем экзистенциальности, угол зрения коммуниканта нейтрален, поскольку экзистенциальные предложения содержат установку на беспристрастное описание события. В посессивных предложениях эмпатия сообщającego совпадает с субъектом.

Все вышеописанные разновидности тотально-парциальных отношений в русском языке передаются экзистенциальной конструкцией *У X-а Р Y*: *Над губами пробивались усы и кудрявая борода окаймляла подбородок* (Лесков); *У него была нога, сухая, как ветка* (Маканин).

**5. Конструкция X has (has got) Y с Y-именем событийной семантики: *We have dances at the Country Club every Saturday, and swimming and tennis and ...* (Baker).**

Предложения данного типа информируют о наличии внешних обстоятельств и событий в жизни человека. X может быть представлен как

обладатель того события, участником которого он является. Если событие рассчитано на участие в нем только одного участника, доминантным значением конструкции является значение посессивности: *I'll have a training after dinner* (Maltz).

Сообщение о событии, предполагающем наличие двух участников, актуализирует признак активности / пассивности X. Так, предложение *I have three lessons a day*, - получает следующие варианты прочтения:

- а) X – активный участник, если он учитель;
- б) X – пассивный участник, если он ученик.

Однозначность восприятия обеспечивается предшествующим или последующим контекстом.

Степень прозрачности признака активности / пассивности актантов ослабевает в ситуации, когда семантика Y предполагает наличие большого количества участников: *I had a business meeting in Chicago last week* (Longman). Заметим также, что количественная характеристика имени Y влияет на общую семантику высказывания: чем больше число предполагаемых актантов, тем менее выраженным становится значение обладания, и тем больший акцент получает значение экзистенциальности (наличия события).

Интересно отметить, что в некоторых неевропейских языках, например, унганском, встречаются посессивные конструкции подобного типа. Специфика этих конструкций заключается в том, что обозначаемое в нем действие принадлежит определенному лицу, которое выражается не как действующее лицо, а как обладатель указанного в предикате действия ...: Ср. *ада-м ула «отца дом его» (дом отца); ада-м суну «отца взятие его» (отец берет)* [Мещанинов 1975:155; см. также Левицкий 2003:46]. При этом притяжательная именная форма предиката может изменяться по временам по образцу глагола: *су-дукаку-н «мое будущее взятие», су-ка-н «мое прежнее взятие»* [Мещанинов 1975:154; см. также Левицкий 2003:46].

**6. Конструкция *X has (has got) Y* + определительное придаточное предложение: *I have a friend, who has a BA in history, and another, who has a BSc in chemistry* (Redman).**

Рассматриваемая модель образуется путем постпозитивного расширения прототипической посессивной конструкции *X has Y*, в результате которого она приобретает статус сложноподчиненного предложения. Целью распространенного таким образом посессивного предложения становится сообщение не только о наличии *Y* у *X*, но также о том, каков тот *Y*, который имеется у *X*. Имя объекта обладания и определительное придаточное предложение выступают по отношению друг к другу как характеризуемое и характеризующее и составляют в терминологии О.Н. Селиверстовой «комплексное ядро» посессивного предложения [Селиверстова 1983:88-89].

Усложненная наличием двух предикатов синтаксическая структура рассматриваемой посессивной модели, актуализирует и интенсифицирует межкатегориальные контакты внутри ее семантической структуры. Предикаты главного и придаточного предложений вступают в различные типы связей по линии времени, лица, модальности и т.д. Отрезки времени, локализирующие действие каждого из предикатов могут либо совпадать, либо не совпадать. Так, в предложении *He has a job, which doesn't require special training* (McCarthy) – предикатная пара *has – doesn't require* монотемпоральна, поскольку глагольные формы соотносят действие каждого из предикатов с настоящим временем. В предложении *We have the letter which they referred to* (Economist) – темпоральные характеристики *have* и *referred to* различны: абсолютная форма локализуется в настоящем, относительная формирует временной план прошедшего. Таксисное значение в паре *has – doesn't require* определяется как значение одновременности, что эксплицируется формами настоящего времени обоих глаголов. Действие глаголов *have* и *referred to* разновременно. Глаголы обладания (*has; have*), которыми выражены абсолютные предикаты в анализируемых предложениях, статичны и неактивны. Относительная форма *require* обозначает неактивное действие – неопределенный процесс проявления

постоянного свойства субъекта (*a job*). Относительный предикат *referred to* выражен глаголом активного действия, направленного на объект (*the letter*) и достигающего результата.

Предикаты *has* и *doesn't require* полисубъектны (*I – a job*) и полимодальны. Главное предложение выражает объективно-модальное значение нейтральности, придаточное – значение отрицательности + значение необходимости, заключенное в семантике глагола *require*, которые, совмещаясь, реализуют суммарное значение – значение отсутствия необходимости.

Предикатная пара *have – referred to* полисубъектна (*we – they*) и нейтрально-мономодальна.

Соответствующая русская конструкция реализует аналогичные типы значений. Так, в предложении *У Калиныча была когда-то жена, которой он боялся ...* (Тургенев) – предикатная пара *была – боялся* монотемпоральна, т.к. формы прошедшего времени обоих глаголов локализуют их действие в прошлом. Действие относительного предиката совпадает по времени с действием абсолютного. Предикат главного предложения представлен бытийным глаголом (*была*) неактивного статического нерезультативного длительного действия, предикат придаточного предложения – динамическим глаголом психического состояния субъекта (*боялся*), имеющим свойство неактивности, нерезультативности, длительности и инволютивности. Анализируемая конструкция моносубъектна (*Калиныч = он*) и формально мономодальна, хотя семантика глагола *боялся* имеет некий субъективно-модальный оттенок.

В пределах рассматриваемой конструкции допускаются различные виды варьирования комбинаций отмеченных значений, что свидетельствует о высокой степени продуктивности данной модели в плане ее использования для реализации различных типов коммуникативных задач.

**7. Посессивная конструкция X has Y (X has got Y) + инфинитив:**  
*Monica has a certain glamour to be used as a special favour (Newsweek); «What have you to say for yourself?», he asked (Aldridge).*

Данная конструкция образуется путем постпозитивного расширения прототипической посессивной модели за счет залогово-маркированного (симметричные конструкции) и залогово-немаркированного (асимметричные конструкции) инфинитива.

**Симметричные посессивные конструкции** – *These days Bellucci barely has the point to be thought of (Newsweek)* – реализуют модальное значение необходимости, которое в зависимости от семантики имени объекта обладания субклассифицируется на подзначения

- необходимость – долг (с Y-именами семейно-родственной семантики, названиями психологических, физических, эмоциональных свойств человека): *I've got some power to be given to these children (Maltz);*

- необходимость – обязанность (с Y-именами конкретно-предметной семантики): *The secretary has several messages to be sent immediately (Hewings);*

- необходимость – вынужденность: *They'll have more lawmakers to be educated on the complex topic (Economist).*

Наличие в семантической структуре рассматриваемых предложений модальной семы необходимости выявляется путем трансформаций [см. Пушина 2000:144]: *I've got some power that I must give to these children / that must be given to these children; The secretary has several messages that she must send / that must be sent immediately; They'll have more lawmakers to whom they must give education / who must be educated on the complex topic.*

Аналогичные модальные значения реализуются и в соответствующих русских конструкциях: *У меня (во мне) есть энергия, которую я должен отдавать / которая должна быть отдана таким детям.*

Значение, реализуемое посессивной конструкцией второго подвида коррелирует со значением экзистенциальности: Ср. *The secretary has several messages to be sent immediately – There were several messages to be sent by the*

*secretary immediately*. Действие инфинитива в конструкции первого подвида длительно и неопредельно. В конструкциях второго и третьего подвигов – предельно и результативно. Глагол обладания чаще всего локализуется в настоящем. Действие инфинитива проецируется в будущее и может быть связано с отрицанием, выраженным местоимением *no* при имени объекта обладания.

**Асимметричные посессивные конструкции** – *I have some money to spend* (Maltz). Асимметричные посессивные конструкции реализуют модальное значение необходимости и возможности. Значение необходимости субклассифицируется на подзначения необходимости – обязанности и необходимости – вынужденности [см. Пушина 2000:146]: *We have some forms to fill* (Economist) = *we have some forms that we must fill / that must be filled*; *She, who had nothing to do, she had not time to think even, seriously, of anything* (Lawrence) = *She, who didn't have to do anything ...* Тип модального значения зависит от того, какие посессивные отношения реализуются конструкцией. Если субъект обладания, одушевленное лицо, связан посессивными отношениями с объектом, выраженным именем конкретно-предметной или широкой семантики, то конструкция реализует значение возможности: *We had never had so much money to spend* (O'Henry). В случае, когда объект обладания – отрицательное местоимение (*nothing*), модальное значение определяется как отсутствие возможности или невозможность осуществления действия инфинитива: *I have nothing to lose*.

Действие инфинитива может быть длительным и нерезультативным (*to do*), длительным и результативным (*to spend*) или кратковременным, многократным и результативным (*to fill*). Действие глагола обладания локализуется либо в прошедшем, либо в настоящем, действие инфинитива – в будущем времени.

**8. Вторично-предикативная посессивная конструкция с инфинитивным for-оборотом:** *We've got some rice for the children to eat* (Newsweek).

Рассматриваемая конструкция реализует два типа посессивных отношений – отношение собственно обладания, обусловленное употреблением в позиции

У-имени конкретно-предметной семантики (*we've got some rice*) и значение обладания семейно-родственными отношениями, эксплицируемое семантикой имени субъекта инфинитивной for-конструкции (*the children*). Первое отношение отмечено признаком экзистенциальности, поскольку характеризуется свойством абсолютной отчуждаемости и указывает на наличие объекта обладания (*some rice*) в пространстве обладателя (*we*), что схематически можно обозначить как  $Y_{\text{poss}} = Y_{\text{ex}}$ ,  $X_{\text{poss}} = \text{Loc}$ . Пространство обладателя позволяет выделить в семантической структуре конструкции сему локативности.

Модальное значение вторично-предикативной посессивной конструкции с инфинитивным for-оборотом устанавливается путем трансформаций: *We've got some rice for the children to eat* = *We've got some rice that our children could (can) eat*. Модальное значение вторичного предиката – значение предполагаемой возможности осуществления действия инфинитива. Модальный фон главного предложения, как правило, объективно нейтрален. Сочетание данных значений формирует план содержания модальности конструкции в целом. Отношение основного и вторичного предикатов по линии времени политемпорально, действие основного предиката *have got* локализуется в настоящем, а действие инфинитива *to eat* соотносено с будущим. Данное отношение имеет таксисное значение следования. Действие посессивного глагола неактивно статично и неопредельно. Действие инфинитива длительно и многократно. Конструкция полисубъектна (*we – the children*).

В русском языке посессивным конструкциям с инфинитивным for-оборотом соответствуют сложноподчиненные предложения с обстоятельственным придаточным цели или определительным придаточным предложениями: Ср. *We've got some rice for the children to eat* – *У нас есть немного риса, чтобы накормить детей*; *У нас есть немного риса, которым можно накормить детей*.

9. Посессивная конструкция X has (has got) Y + причастие I: *This old woman had a cunning heart, seeking for ever her own female power (Lawrence); Argentina's accidental president won't have anything even remotely resembling a personal mandate (Newsweek); He has a stun gun firing on his back (Newsweek).*

В рассматриваемой конструкции причастие I употребляется в функции определения имени объекта обладания. По своей семантике английские причастия I в функции определения относятся к типу причастий с адъективированным значением. При этом часто значение причастий конкретизируется наречиями или наречными конструкциями *for ever; even remotely*.

Уточнение области локализации действия причастия I пространственным компонентом – *firing on his back* вводит в семантическую структуру конструкции значение локативности.

Временные значения, реализуемые причастием I в функции определения, характеризуются как значения одновременности с действием личного глагола, которое чаще всего связано с прошедшим, но может быть локализовано в настоящем и будущем: ... *had a cunning heart ...*; ... *has a stun gun ...* ; ... *won't have anything ...*.

Активная форма причастий, как правило, является показателем таких аспектуальных характеристик глагола как длительность, статичность и неопределенность (*resembling*) или длительность, динамичность и неопределенность (*seeking, firing*).

В пассивной форме причастия I результативны и отмечаются с предельными глаголами, действие которых единично: *The institute has the project being offered by a team of scientists (Economist)*. Отношения, связывающие основные и второстепенные действия, ограничиваются рамками одновременности действия личного глагола и действия причастия I. Семантика имени субъекта обладания может в значительной степени влиять на смещение семантического фокуса конструкции в целом. Так, в анализируемом примере

имя X, выраженное неодушевленным существительным *the institute*, способствует ослаблению значения посессивности. Формальный обладатель *the institute* воспринимается больше как локализатор, передающий пространственные характеристики объекта обладания, референтно тождественного объекту бытия, наличие (существование) которого обусловлено действием причастия I. Таким образом, значение посессивности ослабевает за счет усиления значения экзистенциальности.

Анализируемому типу английских конструкций с причастием I в функции определения в русском языке соответствуют следующие варианты конструкций:

1. У института есть проект, предлагаемый командой ученых;
2. В институте есть (имеется) проект, предлагаемый командой ученых.

Конструкция (1) представляет собой простое предложение с обособленным определением с доминирующим значением посессивности. В конструкции (2) преобладает экзистенциальный семантический фон.

**10. Посессивная конструкция X has (has got) Y + причастие II: *She had a grey-and-white kerchief tied up round her head* (Lawrence).**

В рассматриваемой модели причастие II выполняет функцию постпозитивного определения объекта обладания и характеризуется преобладанием глагольного значения.

Н.И. Пушина классифицирует причастия II относительно следующих семантических блоков:

Причастие II выражает значение результативного действия (*tied up*). Соотношение темпоральных значений личного глагола и причастия II характеризуется тем, что причастие II обозначает действие, которое по времени предшествует действию личного глагола (*tied up* → *had*). Действие личного глагола в видовом отношении неактивно, статично, длительно и неопредельно и относится к прошедшему. Место локализации объекта абсолютно неотчуждаемо от субъекта обладания (*she – her head*). Отмеченные признаки закрепляют доминирующий характер значения посессивности.

В русском языке английским конструкциям с причастием II в функции постпозитивного определения соответствуют:

а) аналогичные конструкции с причастием: *На ней был платок, повязанный вокруг головы;*

б) конструкции с определительными придаточными предложениями, в которых реализуется залогово-пассивное значение: *На ней был платок, который был повязан вокруг головы.*

**11. Посессивная конструкция X has (has got) Y + герундий: *The army has very little hope of being withdrawn from the country* (Newsweek).**

В рассматриваемой конструкции герундий является постпозитивным предложным определением объекта обладания, синтаксическую позицию которого могут занимать существительные, классифицируемые следующим образом:

1) существительные со значением ментальной деятельности: *sense, apprehension, intelligence* и др.;

2) существительные со значением предположения: *supposition, doubt, possibility* и др.;

3) существительные со значением эмоционального состояния: *happiness, hope, fear* и др.;

4) существительные со значением удовольствия: *pleasure* и др.;

5) существительные социальной активности: *crime, case, evidence* и др.;

6) существительные, выражающие абстрактные понятия типа: *idea, chance* и др.;

7) существительные материального, конкретно-предметного значения: *car, group* и др. [Пушина Н.И., 2000:222].

В анализируемой посессивной конструкции объект обладания не выражается существительными конкретно-предметной семантики, которые формируют центральное значение посессивности. В позиции Y, определяемой герундием, в большинстве случаев выступают существительные со значением ментальной деятельности, эмоционального состояния, абстрактные понятия,

которые реализуют такой тип посессивных отношений, как «человек и его психические и эмоциональные свойства»: *He had no conception of winning* (Lawrence). Менее регулярным является использование существительных социальной активности, репрезентирующих посессивное отношение «человек и его социальные и функциональные отношения»: *She had never had the problem of being given a job* (Redman).

Семантика имени объекта обладания формирует определенный тип темпорально-таксисных отношений личного глагола и герундия. Существительные со значением эмоционального состояния или предположения определяют действие герундия как последующее по отношению к действию личного глагола: *The army has very little hope of being withdrawn from the country* (Newsweek). Выражение значения последующего действия сопровождается модальным значением предполагаемой возможности осуществления данного действия в будущем. Существительные со значением ментальной деятельности, социальной активности, конкретно-предметного значения, определяемые герундием, как правило, связаны со значением предшествования действия герундия действию личного глагола: *The countries have the image of being economically pressed* (Economist). На характер предшествования указывает также перфектная форма герундия: *You have no evidence of my having been assisted in the job* (Mc Carthy).

Отмечаются случаи, когда временной план действия личной формы глагола совпадает с временным планом действия герундия. Данное отношение формируется существительным со значением удовольствия и неперфектной формой герундия: *He had the pleasure of being kicked downstairs* (Mc Carthy); *He has the habit of arguing over everything* (Murphy).

Действие герундия в ситуации предшествования и следования динамично и результативно, в ситуации одновременности – динамично и продолжительно. Действие глагола обладания всегда статично и неопредельно и может относиться к прошедшему и настоящему.

Локативный аспект (местоположение или направление к местоположению) обычно выражается обстоятельством места, следующим за герундием (*from the country; downstairs*) или пространственной семой, содержащейся в семантике имени субъекта обладания (*the countries*). Последний способ выражения значения локативности позволяет рассматривать субъект обладания как локализатор, в пространстве которого наличествует признак того, что обозначено герундием. Такая интерпретация свидетельствует о том, что при доминирующем значении посессивности рассматриваемая модель реализует значение экзистенциальности.

### **Выводы по третьей главе**

Итак, парадигма синтаксических средств выражения значения посессивности представлена набором конструкций, образованных от ядерного инварианта, включающего три обязательных компонента посессивной ситуации (субъект обладания, предикат обладания и объект обладания) и являющегося основной конструкцией обладания в большинстве современных индоевропейских языков – английском, немецком, французском, румынском и некоторых других.

При внутреннем распространении прототипическая посессивная конструкция образует ряд вариантов, за которыми сохраняется статус простого предложения. Внешнее распространение усложняет семантико-синтаксическую структуру конструкции до статуса сложноподчиненного предложения. Таким образом, в парадигму предикативных посессивных конструкций включаются:

- варианты посессивной конструкции X has (has got) Y с внутренним распространением;
- вариант X has (has got) Y с определительным придаточным предложением;
- варианты симметричных и асимметричных залоговых посессивных конструкций с постпозитивным инфинитивом;
- вариант X has (has got) Y с постпозитивным инфинитивным for-оборотом;

- вариант X has (has got) Y с постпозитивным причастием I в функции определения;

- вариант X has (has got) Y с постпозитивным причастием II в функции определения;

- вариант X has (has got) Y с постпозитивным герундием,  
а также соответствующие варианты русской прототипической экзистенциальной конструкции У X есть Y, в схему которой включены посессивные отношения.

В качестве периферийных в структуру рассматриваемой парадигмы включены конструкции, образуемые глаголами с очевидной и неочевидной посессивной семантикой.

В ходе исследования выявлены и проанализированы межкатегориальные связи указанных посессивных конструкций.

В зависимости от типа отношений, устанавливаемых между субъектом и объектом обладания, значение прототипической посессивной конструкции X has (has got) Y субклассифицируется на

- значение собственно обладания, основанное на отношении отчуждаемости, и тесно взаимосвязанное со значениями локативности и экзистенциальности, а в коммуникативных вариантах – со значениями характеристики и временного обладания;

- значение обладания семейно-родственными, социальными и функциональными отношениями, основанное на признаке абсолютной или относительной неотчуждаемости;

- значение обладания психическими, физическими и эмоциональными свойствами, основанное на отношении неотчуждаемости и взаимосвязанное со значениями экзистенциальности, локативности, темпоральности, активности / пассивности обладателя, каузативности и кондициональности;

- значение обладания частями тела, органами и атрибутами внешнего облика, основанное на отношении абсолютной или относительной

неотчуждаемости и взаимодействующее со значениями партитивности, экзистенциальности, характеристики, качественности и оценки;

- значение обладания событием, сопряженное со значением экзистенциальности и значением активности / пассивности актантов.

В посессивной конструкции с определительным придаточным предложением наряду с основным категориальным значением реализуется значение характеристики, эксплицируемое зависимой частью сложно-подчиненного предложения. Наличие двух предикатов приводит к взаимодействию значений модальности (моно- или полимодальность глагольных форм), темпоральности (одновременность, предшествование или следование действия зависимой глагольной формы относительно действия основной), значений, выражаемых категорией лица (моно- или полисубъектность), аспектуальности (активность / неактивность, статичность / динамичность, предельность / неопредельность, множественность / единичность и др.).

В симметричных и асимметричных посессивных залоговых конструкциях с инфинитивом-определением, а также в конструкции с инфинитивным for-оборотом взаимосвязаны залоговые (активные и пассивные), темпоральные, аспектуальные, модальные (значения необходимости, возможности) и экзистенциальные значения.

В конструкции X has (has got) Y с постпозитивным причастием I в функции определения взаимосвязаны залоговые (активные, пассивные), таксисные (значения предшествования, следования, одновременности действия причастия с действием личного глагола), аспектуальные (статичность / динамичность, предельность / неопредельность, множественность / единичность, длительность, результативность), модальные, экзистенциальные значения. Значения залоговости и таксиса синтезируются причастием I в одной словоформе.

В посессивной конструкции с постпозитивным причастием II в функции определения взаимосвязаны залоговые, темпоральные, модальные, аспектуальные и локативные значения.

В посессивной конструкции с постпозитивным герундием в функции определения взаимосвязаны подтипы посессивных значений, представляемые отношениями «человек и его социальные и функциональные отношения» и «человек и его психические и эмоциональные свойства», модальное значение (предполагаемой возможности), значения залоговости, аспектуальности, локативности и экзистенциальности.

## ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование межкатегориальных связей экзистенциальных и посессивных конструкций позволило выделить:

1) межкатегориальные связи внутреннего характера:

- связи в пределах синтаксических парадигм категорий экзистенциальности во внешне нераспространенных и в усложненных (полипредикативных) экзистенциальных и посессивных конструкциях;

- межуровневые связи в пределах одной категории;

- межкатегориальные связи в пределах одной словоформы;

2) межкатегориальные связи внешнего характера:

- связи категориальных значений экзистенциальности и посессивности.

Внутренние связи реализуются в комплексах значений, определяемых

1) формой абсолютного глагола в монопредикативных и отношением абсолютного и относительного предикатов в полипредикативных вариантах экзистенциальных и посессивных конструкций;

2) семантикой и референциальным статусом именных компонентов конструкций;

3) семантико-синтаксическими характеристиками распространителей обязательных синтаксических позиций;

4) типом смещения синтаксических позиций при формировании коммуникативных вариантов конструкций.

Внешние связи определяются наличием в ФСП экзистенциальности и ФСП посессивности общих элементов, образующих зоны пересечения соответствующих категориальных значений

Экзистенциальные конструкции допускают следующие типы отношений:

1) преобладающее значение экзистенциальности – сопутствующее значение локативности;

2) преобладающее значение экзистенциальности – сопутствующие значения посессивности и локативности;

3) преобладающее значение локативности – сопутствующее значение экзистенциальности;

4) преобладающее значение посессивности – сопутствующие значения экзистенциальности и локативности.

Посессивные конструкции реализуют следующие комбинации отношений:

1) преобладающее значение посессивности – сопутствующие значения экзистенциальности и локативности;

2) преобладающее значение локативности – сопутствующие значения посессивности и экзистенциальности;

3) преобладающее значение экзистенциальности – сопутствующие значения посессивности и локативности;

Экзистенциальные конструкции с доминантным значением посессивности и посессивные конструкции с доминантным значением экзистенциальности характеризуются нахождением в зонах, наиболее удаленных от ядра своего функционально-семантического поля, т.е. в области пересечения полей, что выражается в асимметрии формы и содержания. В русском языке, однако, любые посессивные отношения, независимо от их местонахождения в структуре ФСП, укладываются в схему экзистенциальной конструкции, что обусловлено принадлежностью данного языка к языкам – «Быть» и свидетельствует о тесной взаимосвязи значений экзистенциальности и посессивности.

Синтаксически усложненные (полипредикативные) экзистенциальные и посессивные конструкции обнаруживают следующие связи:

1) темпоральное значение формы абсолютного предиката (локализация в сфере настоящего, прошедшего и будущего времени) – таксисные значения предшествования, одновременности или следования действия относительного предиката;

2) аспектуальные значения формы относительного предиката (предельность / неопределенность, множественность / единичность и пр.) –

видовое значение формы абсолютного предиката, реализуемое в противопоставлении перфектных, прогрессивных и индефинитных форм;

3) связи залоговых значений форм абсолютного и относительного предикатов:

а) активное значение абсолютного – пассивное значение относительного предикатов;

б) пассивное значение абсолютного – пассивное значение относительного предикатов;

4) связи модальных значений абсолютного и относительного предикатов:

а) нейтральная модальность абсолютного – значение необходимости относительного предикатов;

б) нейтральная модальность абсолютного – значение возможности относительного предикатов;

в) значение желаемости абсолютного – значение необходимости или возможности относительного предикатов;

г) значение побудительности абсолютного – значение необходимости или возможности относительного предикатов;

5) связи модального значения предиката с модальными значениями вводных слов (абсолютная / относительная уверенность);

6) связи залогового значения неличной формы глагола с модальными значениями неличной формы глагола (значение необходимости в залогово-маркированных и значение возможности в залогово-немаркированных инфинитивных конструкциях);

7) связи значений залоговости и таксиса, которые выражаются синкретично в одной словоформе (причастие I).

Идентичные типы распространения исследуемых конструкций и реализуемые ими на внутреннем уровне аналогичные комбинации значений позволяют рассматривать категории экзистенциальности и посессивности как статусно эквиполентные. Анализ внешних (межполевых) связей устанавливает неравнопорядковый характер их отношений: экзистенциальные значения могут

реализовываться вне поля посессивности, посессивные значения реализуются только в поле экзистенциальности, в зоне бытия субъекта. Выявляемый таким образом интегративно-субординативный тип языковой связи категорий экзистенциальности и посессивности соответствует иерархической структуре данных категорий в концептуальной модели мира.

Область исследования настоящей работы весьма перспективна в отношении дальнейших изысканий. Представляется интересным рассмотрение категорий экзистенциальности и посессивности в плане выявления их иллокутивной силы в коммуникативных актах, а также в жанрово-стилевом аспекте.

## Список использованной литературы

1. Авилова Н.С. Вид глагола и семантика глагольного слова. - М.: Наука, 1976. – 328 с.
2. Адамец П.К. К вопросу о модификациях (модальных трансформациях) со значением необходимости и возможности // *Ceskoslovenska rusistica*. – 1968. - № 2. – С. 88-90.
3. Адмони В.Г. О двусоставности предложения // Учен. зап. Ленингр. пед. ин-та ин. яз., 1955. - Вып. 2. – С. 131-172.
4. Адмони В. Г. Основы теории грамматики. - Л.: Наука, 1964. – 105 с.
5. Адмони В.Г. Грамматический строй как система построения и общая теория грамматики. - Л.: Наука, 1988. – 238 с.
6. Антропологическая лингвистика: Концепты. Категории. Коллективная монография под редакцией и общим научным руководством д-ра филол. наук, проф. Ю.М. Малиновича. – Москва – Иркутск, 2003. – 251 с.
7. Аракин В.Д. Сравнительная типология английского и русского языков. – Л.: Просвещение. Ленингр. отд-е, 1979. – 259 с.
8. Аракин В.Д. Сравнительная типология английского и русского языков. - 2-е изд. - М.: Просвещение, 1989. – 255 с.
9. Арипшева Р.С. К вопросу о реализации модальных значений в экзистенциальных предложениях // Проблемы синтаксической синтагматики и преподавания языка. - М., 1983. - С. 3-11.
10. Аристотель. Метафизика / Пер. и примеч. А.В. Кубицкого. - М.; Л., 1934. - С. 29-221.
11. Аристотель. Сочинения: В 4 т. - М.: Мысль, 1976. - Т. 1. – 549 с.
12. Арно А., Лансло К. Всеобщая рациональная грамматика. - Л., 1991. – С. 31-164.
13. Арутюнова Н.Д. Проблемы синтаксиса и семантики в работах Ч. Филмора // Вопросы языкознания. - 1973. - № 1. – С. 117-124.
14. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. - М.: Наука, 1976. - 382 с.
15. Арутюнова Н.Д. Аспекты семантических исследований. - М., 1980. – 356 с.

16. Арутюнова Н.Д., Ширяев Е.Н. Русское предложение. Бытийный тип (структура и значение). - М.: Наука, 1983. – 198 с.
17. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. – М.: Наука, 1988. – 341 с.
18. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. - М.: Наука, 1999. – 896 с.
19. Асмус В.Ф. Круг идей Лермонтова (1941) // Избранные философские труды. - М., 1969. – Т. 1. - С. 35.
20. Асмус В.Ф. Метафизика Аристотеля // Аристотель. Сочинения: В 4 т. - М.: Мысль, 1976. - Т. 1. – 550 с.
21. Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. – Воронеж: ВГУ, 1996. – 104 с.
22. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. - М.: Изд-во иностранной литературы, 1955. – 416 с.
23. Бархударов Л.С., Штелинг Д.А. Грамматика английского языка. - М.: Высшая школа, 1973. – 423 с.
24. Басова Р.В. Категория страдательного залога в современном английском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1971.
25. Бенвенист Э. Общая лингвистика. - М.: Прогресс, 1974. – 447 с.
26. Блауберг И.В., Юдин Э.Г. Становление и сущность системного подхода. - М., 1973. – 270 с.
27. Будуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию / И.А. Будуэн де Куртенэ. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – Т. 2. – 391 с.
28. Богданов В.В. Семантико-синтаксическая организация предложения. - Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1977. – 204 с.
29. Богомолов А.С. Античная философия. – М.: Изд-во МГУ, 1985. – 367 с.
30. Болдырев Н.Н. Функциональная категоризация английского глагола: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. - СПб., 1995. – 22 с.
31. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. – Тамбов, ТГУ, 2000. – 123 с.
32. Бондарко А.В. Грамматическая категория и контекст. - Л.: Наука, 1971. – 115 с.
33. Бондарко А.В. Теория морфологических категорий. - Л.: Наука, 1976. – 255 с.

34. Бондарко А.В. Грамматическое значение и смысл. - Л.: Наука, 1978. – 175 с.
35. Бондарко А.В. Семантические основания грамматической типологии // Вопросы сравнительной типологии (германские, романские, тюркские языки): Тезисы докладов. - Ташкент, 1981. - С. 20.
36. Бондарко А.В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. - Л.: Наука, 1983. - 208 с.
37. Бондарко А.В. Функциональная грамматика. - Л.: Наука, 1984. – 136 с.
38. Бондарко А.В. Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. – Л.: Наука, 1987. - 352 с.
39. Бондарко А.В. Взаимосвязи грамматических категорий // Взаимодействие языковых единиц и категорий в высказывании: Тезисы осенней школы-семинара. - Таллинн, 1989. - С. 5-10.
40. Бондарко А.В. Вступительные замечания // Теория функциональной грамматики: Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность. - СПб.: Наука, 1996. – С. 5-112.
41. Бондарко А.В. Модальность. Вступительная статья // Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. - СПб.: Наука, 1996. – С. 99-103.
42. Бондарко А.В. Теория функциональной грамматики. Качественность. Количественность. - СПб.: Наука, 1996. – 364 с.
43. Бородович О.И. Структуры со вторично-предикативной связью между элементами в современном английском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - Л., 1972. – 25 с.
44. Боронникова Н.В., Левицкий Ю.А. Лекции по истории лингвистики. - Пермь, 2002. – 224 с.
45. Буланин Л.Л. Категория залога в современном русском языке. - Л.: ЛГУ, 1986. - 87 с.
46. Булыгина Т.В. Грамматические и семантические категории и их связи // Аспекты семантических исследований. - М.: Наука, 1980. - С. 320-355.

47. Варшавская А.И. Спорные вопросы английской грамматики. - Л.: Наука, 1988. – С. 109-122.
48. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. - М.: Русские словари, 1996. - 416 с.
49. Вейхман Г.А. Новое в английской грамматике. - М.: Высшая школа, 1990. - 127 с.
50. Вердиева З.Н. Семантические поля в современном английском языке. – М.: Высшая школа, 1986. – 120 с.
51. Взаимодействие единиц и категорий языковых подсистем. - Тюмень: Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2002. – 192 с.
52. Виноградов В.В. Вопросы синтаксиса современного русского языка. - М.: Наука, 1950. - С. 54-56.
53. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). – М.: Высшая школа, 1972. – 614 с.
54. Виноградов В.В. О категории модальности и модальных словах в русском языке // Исследования по русской грамматике: Избр. тр. - М.: Наука, 1975. – С. 53-87.
55. Волохина Г.А., Попова З.Д. Синтаксические концепты русского простого предложения. - Воронеж, 1999. – 193 с.
56. Всеволодова М.В., Владимирский Е.Ю. Способы выражения пространственных отношений в современном русском языке. - М., 1982. – 115 с.
57. Выготский Л.С. Собрание сочинений. Научное наследство / Л.С. Выготский. – М.: Педагогика, 1984. - Т. 6: Учение об эмоциях. – 397 с.
58. Гайнуллина Р.Г., Сусов И.П. Акциональные посессивные предложения // Лингвистический вестник. – Тверь, 2002. – Вып. 4. - С. 14-21.
59. Гак В.Г. Высказывание и ситуация // Проблемы структурной лингвистики – 1972. - М., 1973. – С. 349-372.
60. Гак В.Г. Глаголы «быть» и «иметь» как центры лексико-грамматической структуры предложения // *Revue roumaine de linguistique*, 1975. - Т. XX.. - №. 4. - С. 349-351.
61. Гак В.Г. Сопоставительная лексикология. - М., 1977. – 264 с.

62. Гак В.Г. Теоретическая грамматика французского языка: Синтаксис. - М., 1981. – 208 с.
63. Гак В.Г. Функционально-семантическое поле предикатов локализации // Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность. - СПб., 1996. - С. 6-26.
64. Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики. - М.: Прогресс: Культура, 1992. - 218 с.
65. Гиро-Вебер М. К вопросу о классификации простого предложения в современном русском языке // Вопросы языкознания. – 1979. - № 6. – С. 63-75.
66. Гируцкий А.А. Общее языкознание: Учеб. пособие для студентов вузов / А.А. Гируцкий. – 2-е изд. – М.: Тера Системс, 2001. – 304 с.
67. Грамматика русского языка. Синтаксис. Ч.1. – М.: АН СССР, 1954. – 703 с.
68. Грамматика современного русского литературного языка. - М., 1970. – С. 567.
69. Григальюнене Й.Й. Некоторые проблемы синтаксического посессива в английском языке // Изд-во АН СССР, Сер. лит. и яз. – 1989. – Т. 48. - № 3. – С. 244-252.
70. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. - М., 1984. – 400 с.
71. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии / Э. Гуссерль / Пер. с нем. А.В. Михайлова. Вступительная статья В. Куренного. – М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. - Т. 1. – 315 с.
72. Демьянков В.З. Предикаты и концепция семантической интерпретации // Изд. АН СССР. Сер. лит. и яз. - 1980. - Т. 39. - №4. – С. 336-396.
73. Дешериева Т.И. К проблеме соотношения глагольных категорий вида и времени // Вопросы языкознания. - 1976. - № 4. - С. 72-76.
74. Долинина И.Б. Некоторые вопросы исходности и производности синтаксических структур (на материале английского языка) // Проблемы лингвистической типологии и структуры языка. - Л.: Наука, 1977. - С. 138-143.
75. Долинина И.Б. Специфика семантики предикатов в конструкциях с предикатными актантами // Типология конструкций с предикатными актантами. - Л., 1985. - С. 42-46; 132-134.

76. Долинина И.Б. Синтаксически значимые категории английского языка. - Л.: Наука, 1989. – 216 с.
77. Долинина И.Б. Конструкции с «посессивными» актантами // Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность. - СПб.: Наука, 1996. - С. 127-138.
78. Есперсен О. Философия грамматики. - М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1958. – 404 с.
79. Ждан Н.Т. Средства выражения категории обладания в древнеанглийском языке: Дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1987. – С. 132.
80. Журина М.А. Именные посессивные конструкции и проблема неотторжимой принадлежности // Категория бытия и обладания в языке.- Наука, 1977. – С. 35-42.
81. Журина М.А. О выражении значения неотторжимости в русском языке // Семантическое и формальное варьирование. - М., 1979. – С. 21-28.
82. Зернов Б.Е. Взаимодействие частей речи в английском языке (статико-динамический аспект). - Л.: ЛГУ, 1986. - 126 с.
83. Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. - М., 1973. – 368 с.
84. Золотова Г.А. Категории времени и вида с точки зрения текста // Вопросы языкознания. - 2002. - №3. - С. 8-29.
85. Иванова И.П., Бурлакова В.В., Почепцов Г.Г. Теоретическая грамматика современного английского языка. - М.: Высшая школа, 1981. - 285 с.
86. Ильенков Э.В. Диалектическая логика. Очерки истории и теории / Э.В. Ильенков. – М.: Политиздат, 1974. – 320 с.
87. Ильиш Б.А. Современный английский язык. Теоретический курс. - М.: Изд-во лит-ры на иностр. яз., 1948. - 347 с.
88. Каган М.С. Философская теория ценности / М.С. Каган. – СПб.: ТОО ТК Петрополис, 1997. – 544 с.
89. Казарина В.И. Синтаксический концепт «состояние» в современном русском языке (к вопросу о его формировании): Монография. – Елец: ЕГУ

- им. И.А. Бунина, 2002. – 225 с.
90. Карпов В.Н. Философский рационализм новейшего времени. - Христианское чтение, 1860. – С. 527.
  91. Касевич В.Б. Семантика. Синтаксис. Морфология. - М.: Наука, 1988. – 309 с.
  92. Категория посессивности в славянских и балканских языках / Отв. ред. В.В. Иванов. - М.: Наука, 1983. – 261 с.
  93. Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. - Л.: Наука, 1972. – 216 с.
  94. Кедров Б.М. Предмет и взаимосвязь естественных наук / Б.М. Кедров. – 2-е изд. – М.: Наука, 1967. – 436 с.
  95. Киклевич А.К. Лекции по функциональной лингвистике. - Минск, 1999. – 215 с.
  96. Климов Г.А. Принципы контенсивной типологии. - М.: Наука, 1985. – 224 с.
  97. Клобуков Е.В. К основам семантической типологии каузальных конструкций // Системный анализ значимых единиц русского языка. Синтаксические структуры. – Красноярск, 1984. – С. 38-48.
  98. Клобуков Е.В. Рецензия: Межкатегориальные связи в грамматике / Под ред. А.В. Бондарко, М.Д. Воейковой, Н.А. Козинцевой. - СПб., Изд-во Дмитрий Буланин, 1996. - 231 с.
  99. Кобрин Н.А. Понятийные категории и их реализация в языке // Понятийные категории и их языковая реализация: Межвуз. сб. науч. тр. - Л., 1989. - С. 40-50.
  100. Кобрин Н.А. Когнитивная лингвистика: истоки становления и перспективы развития // Когнитивная семантика. Ч.2. – Тамбов: КГУ, 2000. – С.170-175.
  101. Козинцева Н.А. Временная локализованность действия и ее связи с аспектуальными, модальными и таксисными значениями. - Л.: Наука, 1991. - 139 с.
  102. Колесов И.Ю. Механизм грамматизации глагола (на примере глаголов, имеющих более двух статусов в современном английском языке): Автореф.

дис. ... канд. филол. наук. - СПб., 1995.

103. Колшанский Г.В. К вопросу о содержании языковой категории модальности / Г.В. Колшанский // Вопросы языкознания. – 1961. – №1. – С. 94-98.
104. Краткий курс философии. - 20-е изд. / Изд-е Баш. гос. ун-та. – Уфа 2000. – 159 с.
105. Кубицкий А.В. Аристотель. Метафизика. - М.; Л., 1934. – 550 с.
106. Кубрякова Е.С. Части речи в ономаσιологическом освещении. - М.: Наука, 1978. - 115 с.
107. Кубрякова Е.С. Когнитивный взгляд на природу частей речи // Словарь. Грамматика. Текст. – М.: Наука, 1996. – С. 218-224.
108. Курилович Е. Очерки по лингвистике. - М.: Изд-во иностр. литературы, 1962. - 456 с.
109. Лазарев В.В. Методологический анализ теории зарубежного языкознания // Философия и лингвистика. – Ростов: Изд-во Ростов. ун-та, 1983. – С. 23.
110. Лайонз Дж. Введение в теоретическую лингвистику. - М., 1978. – 543 с.
111. Лакофф Дж. Мышление в зеркале классификаторов // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1988. – Вып. 23. – С. 12-51.
112. Лебедева Е.К. Причинно-следственные конструкции со значением эмоционального состояния человека и их речевые реализации: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1992. – С. 3.
113. Левицкий Ю.А. Референция, предикация, предикативность // Лингвистика. - Пермь, 2000. - Вып. 1. - С. 8-14.
114. Левицкий Ю.А. Язык, речь, текст. - Пермь, 2000. – 124 с.
115. Левицкий Ю.А. Основы теории синтаксиса: Учеб. пособие по спецкурсу / Перм. ун-т. – Пермь, 2003. – 419 с.
116. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Изд. АН СССР. Сер. лит. и яз. – 1993. - Т.52. - № 1. – С. 3-9.
117. Ломов А.М. Типология русского предложения. – Воронеж: ВГУ, 1994. – 278 с.
118. Лосев А.Ф. Жизненный и творческий путь Платона // Платон. Собрание сочинений: В 4 т. – М.: Мысль, 1994а. – Т.1. - С. 47.

119. Лосев А.Ф. История античной эстетики. Итоги тысячелетнего развития: В 2 кн. – М.: Искусство, 1992. – Кн.1. – 656 с.; М.: Искусство, 1994б. – Кн.2. – 603 с.
120. Лосев А.Ф. Комментарии к диалогам Платона в примечаниях // Платон. Собрание сочинений: В 4 т. – М.: Мысль, 1994в. – Т.1.; М.: Мысль, 1993. – Т.2.; М.: Мысль, 1994 г. – Т.3. – 820 с.
121. Лосев А.Ф., Тахо-Годи А.А. Платон. Аристотель. – М.: Мол. Гвардия, 1993. – С. 307-344.
122. Лосев А.Ф. Основной принцип мышления и вытекающие из него логические законы // Вопросы философии. – 1998. – № 8. – С. 144.
123. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история / Ю.М. Лотман. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 447 с.
124. Маслов Ю.С. Результатив, перфект и глагольный вид // Типология результативных конструкций. – Л.: Наука, 1983. – С. 41-54.
125. Маслов Ю.С. Очерки по аспектологии. – Л., 1984. – 263 с.
126. Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков / А. Мейе. – М.; Л.: Соцэкиз, 1938. – 510 с.
127. Мечковская Н.Б. Общее языкознание: Структурная и социальная типология языков: Учеб. пособие для студентов филол. и лингв. специальностей. – М.: Флинта: Наука, 2001. – 312 с.
128. Мещанинов И.И. Проблемы развития языка. – Л.: Наука, 1975. – С. 154.
129. Мишланов В.А. Глагол «быть» в русском синтаксисе // Изменяющийся языковой мир: Тезисы докладов междунар. науч. конф., Пермь, 12-17 нояб. 2001г. / Перм. гос. ун-т. – Пермь, 2001. – 272 с.
130. Недялков В.П., Сильницкий Г.Г. Типология каузативных конструкций // Типология каузативных конструкций. Морфологический каузатив. – Л., 1969. – С. 5-19.
131. Одинцова И.В. Структурно-коммуникативные модели с причинной семантикой в простом предложении // Вестник МГУ. Филология. – 2002. – Серия 9. – № 9. – С. 49-72.

- 132.Павиленис Р.И. Проблема смысла: Современный логико-философский анализ языка. – М.: Мысль, 1983. – 286 с.
- 133.Падучева Е.В. Денотативный статус именной группы и его отражение в семантическом представлении предложения // Научно-техническая информация. - 1979. Серия 2. - №9. – С. 25-31.
- 134.Падучева Е.В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью. (Референциальные аспекты семантики местоимений). - М., 1985. – 288 с.
- 135.Панфилов В.З. Категория модальности и ее роль в конструировании структуры предложения и суждения // Вопросы языкознания. – 1977. - № 4. – С. 37-48.
- 136.Перцов Н.В. О грамматических категориях английского глагола. Предварительные публикации. - М.: Институт русского языка АН СССР, 1976. - Вып. 90. - 62 с.
- 137.Петровский Ф.А. Сочинение Аристотеля о поэтическом искусстве // Аристотель. Поэтика. - М., 1957. – С. 16.
- 138.Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. - М., 1938. – 511 с.
- 139.Писаркова К. Посессивность как грамматическая проблема: (на примере польского языка) // Грамматическое описание славянских языков. - М., 1974. – С. 72-106.
- 140.Платон. Собрание сочинений: В 4 т. – М.: Мысль, 1994. - Т. 1.; М.: Мысль, 1993. - Т. 2.; М.: Мысль, 1994. - Т. 3. – 831 с.
- 141.Подольская Л.И. Семантико-синтаксические свойства глаголов обладания и приобретения в современном английском языке.: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Калинин, 1980. – 24 с.
- 142.Попова И.А. О «двусоставности» номинативных предложений // Исследования по современному русскому языку. - М.: Просвещение, 1970. – С. 117-123.
- 143.Попова З.Д. Грамматическая стилистика русского языка. – Воронеж, 1982. – 72 с.

144. Попова З.Д. Общее языкознание: Учеб. пособие. – Воронеж: ВГУ, 1987. – 212 с.
145. Попова З.Д., Стернин И.А. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях. – Воронеж: ВГУ, 2000. – 30 с.
146. Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. – Воронеж: ВГУ, 2001. – 191 с.
147. Порман Н.Р. Формирование синтаксических структур по принципу бытия и обладания // Проблемы языкознания и теории английского языка. - М., 1978. - Вып. 3 - С. 56.
148. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике: В 4 т. - М: Учпедгиз, 1958. – Т. 1. – 536 с.
149. Пушина Н.И. Межкатегориальные связи в грамматике неличных форм английского глагола. - Ижевск, 2000. – 170 с.
150. Рассел Б. Человеческое познание. Его сфера и границы. - М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1957. – 464 с.
151. Рассел Б. Стросон о референции / Б. Рассел // Метафизические исследования. Язык. – СПб., 1999. – Вып. 12. - С. 255.
152. Русская грамматика. - М.: Наука, 1980. - Т. 1, 2. – 712 с.
153. Сартр Ж.П. Экзистенциализм – это гуманизм // Сумерки богов. – М., 1989. – С. 322.
154. Селиверстова О.Н. Семантический анализ предикативных притяжательных конструкций с глаголом быть // Вопросы языкознания. - 1973. - № 5. – С. 95-105.
155. Селиверстова О.Н. Контрастивная синтаксическая семантика: опыт описания. - М.: Наука, 1977. – 150 с.
156. Селиверстова О.Н., Швейцер А.Д. Пространственно-экзистенциальные предложения в русском и английском языках / Текст и перевод. - М.: Наука, 1988. – С. 121-144.
157. Слюсарева Н.А. Проблемы функциональной морфологии современного английского языка. - М.: Наука, 1981. – 206 с.
158. Солнцев В.М. Язык как системно-структурное образование. - М., 1977. – 341 с.

159. Степанов Ю.С. В трехмерном пространстве языка: Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. – М.: Наука, 1985. – 335 с.
160. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. – М.: Академический проект, 2001. – 990 с.
161. Сусов И.П. Интеграционный этап в развитии лингвистической теории и сущность вклада когнитивной лингвистики // Материалы 1 междунар. школы-семинара по когнитивной лингвистике, 26-30 мая 1998 г. Ч. 1. – Тамбов: ТГУ, 1998. – С. 16-20.
162. Теньер Л. Основы структурного синтаксиса. – М.: Прогресс, 1988. – 654 с.
163. Третьяков Ю.П. Вариативность в сфере экзистенциальных предложений. // Вопросы структуры английского языка в синхронии и диахронии. – Л.: Наука, 1985. – Вып. 6. – С. 185-189.
164. Уорф Б.Л. Грамматические категории // Принципы типологического анализа языков различного строя. – М.: Наука, 1972. – С. 44-60.
165. Филлмор Ч. Дело о падеже // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1981. – Вып. 10. – С. 461-554.
166. Фромм Э. Иметь или быть? – М.: Прогресс, 1986. – С. 13-47.
167. Хайдеггер М. Время и бытие. Статьи и выступления / Пер. с нем. – М.: Республика, 1993. – 447 с.
168. Хоккет Ч. Проблема языковых универсалий // Новое в лингвистике: Сб. ст. – М.: Прогресс, 1970. – С. 45-76.
169. Холодович А.А. Теоретические проблемы реципрока в современном японском языке // Проблемы теории грамматического залога. – Л., 1978. – С. 5-16.
170. Храковский В.С. Проблемы деривационной синтаксической теории: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Тбилиси, 1972. – С. 5.
171. Храковский В.С. Взаимодействие грамматических категорий глагола (опыт анализа) // Вопросы языкознания. – 1990. – №5. – С. 18-35.
172. Храковский В.С. Грамматические категории глагола (опыт теории взаимодействия) // Межкатегориальные связи в грамматике. – СПб.: Изд-во

Дмитрий Буланин, 1996. - С. 22-42.

173. Храковский В.С. Категория таксиса (общая характеристика) // Вопросы языкознания. - 2003. - №2. - С. 32-54.
174. Цейтлин С.Н. Субстантивные предложения в современном русском языке и их темпоральные характеристики. - М.: Прогресс, 1972. – С. 56-63.
175. Чейф У. Значение и структура языка. – М.: Прогресс, 1975. – 432 с.
176. Ченки А. Современные когнитивные подходы к семантике: свойства и различия в теориях и целях // Вопросы языкознания. – 1996. – № 2. – С. 68-78.
177. Чинчлей К.Г. Поле посессивности и посессивной ситуации // Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность. - СПб.: Наука, 1996. – С. 62-65.
178. Чинчлей К.Г. Типология категории посессивности. - К.: Наука, 1990. – 154 с.
179. Шаламов Ю.В. Очерки по типологии грамматических категорий имени существительного и глагола русского и английского языков: Учебное пособие. – Ижевск, 1987. – 126 с.
180. Шаламов Ю.В. Аналитические конструкции в системе английского глагола: Учеб. пособие. - Ижевск: Изд-во Удм. гос. ун-та, 1994. – 76 с.
181. Шатуновский И.Б. Семантическая структура предложения. Семантика предложения и нереферентные слова (значение, коммуникативная перспектива, прагматика). – М.: Языки русской культуры, 1996. – 399 с.
182. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. - М.: Просвещение, 1941. – 621 с.
183. Шахнарович А.М., Юрьева Н.М. Психолингвистический анализ семантики и грамматики: На материале онтогенеза речи / Отв. ред. А.А. Леонтьев. – М.: Наука, 1990. – 165 с.
184. Шведова Н.Ю. Детерминирующий объект и детерминирующее обстоятельство как самостоятельные распространители предложения // Вопросы языкознания. - 1964. - № 6. – С. 77-93.
185. Шведова Н.Ю. Парадигматика простого предложения в современном русском языке. // Русский язык. Грамматические исследования. - М.: Просвещение, 1967. – С. 8-11.

- 186.Шведова Н.Ю. К спорам о детерминантах (обстоятельственная и обстоятельственная детерминация простого предложения) // НДВШ. Филол. науки. – 1973. - № 5. – С. 66-77.
- 187.Шведова Н.Ю. Русские бытийные глаголы и их субъекты // Слово и грамматические законы языка. Глагол. - М.: Наука, 1989. – С. 98-105.
- 188.Якобсон Р. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя. - М.: Наука, 1972. - С. 95-113.
- 189.Ярцева В.Н. Взаимоотношение грамматики и лексики в системе языка // Исследования по общей теории грамматики. – М.: Наука, 1968. - С. 5-57.
- 190.Ярцева В.Н. Иерархия грамматических категорий и типологическая характеристика языков // Типология грамматических категорий. - М., 1975. - С. 3-5.
- 191.Ярцева В.Н. Контрастивная грамматика. - М.: Наука, 1981. – 111 с.
- 192.Alexander L.G. Longman English Grammar. - London and New York, 1995. - 374 p.
- 193.Bach E. «Have» and «be» in English syntax. // Language, 1967. - Т. 43. - № 2. - P. 153-479.
- 194.Bellert I. On the logico-semantic structure of utterances. - Wroclaw, 1972. - P. 46-67.
- 195.Blokh M.Y. A Course in Theoretical English Grammar. - М.: Высшая школа, 1983. - 383 с.
- 196.Brinkman H. Die «Haben» - Perspektive im Deutschen // Sprache – Schlüssel zur Welt. Festschrift für Leo Weisgerber. Hrsg. von Helmut Gipper. – Düsseldorf: Pädagogischer Verlag Schwann, 1959. – P. 181.
- 197.Clark E.V. Locations. A study of the relations between «existential», «locative» and «possessive» constructions // Working papers of language universals. - Stanford, 1970. - № 3. – P. 91-103.
- 198.Graur Al. Syudii de lingvistică generală. - București, 1955. - P. 154-155.
199. Jespersen O. A Modern English Grammar on Historical Principles. P.V. Syntax.

Fourth Volume. – London - Copenhagen, 1954. - 514 p.

200. Jespersen O. Essentials of English Grammar. - N.Y., 1933. - 387 p.
201. Lakoff G/ Metaphors We Live by / G. Lakoff, W. Johnson. – Chikago, 1980. – 242 p.
202. Lyons J. A note on possessive, existential and locative sentences // Foundations of language, 1971. - Vol. 3. - № 1. – P. 390-396.
203. Meillet A. Le développement du verbe «avoir» // Antidôron Festschrift Wackernagel. - Gottigen, 1924. - P. 9-13.
204. Meillet A. Linguistique historique et linguistique générale. - 2 éd. - Paris. 1926. - P. 175-198.
205. Meinong A. The theory of objects // Realism and background of the phenomenology / Ed. By R. Chisholm. - Glence, 1960. – P. 123-145.
206. Moore G.E. Is existence a predicate? // Moore G.E. Philosophical papers. - L.N.Y., 1959. – P. 117-124; 234-247.
207. Moreas J. Le Symbolisme// Ecrits sur l'art et manifestes des ecrivains français. – Moscou: Ed du Progres, 1981. - P. 332.
208. Quirk R., Greenbaum S., Leech G., Svartvik J. A University Grammar of English. - L.: Longman, 1979. – 391 p.
209. Related Prepositions. - L.: Oxford University Press, 1970. - 390 p.
210. Russell B. An Inquiry into meaning and truth. - London: Unwin, Paperbacks, 1980. - P. 33.
211. Russell B. Descriptions. «Semantics and the philosophy of language». - Urbana, 1952. – 179 p.
212. Russell B. On denoting // Russel B. Logic and knowledge. - L.; N.Y. 1956. – P. 170-179; 314.
213. Schibsbye K. A Modern English Grammar with an Appendix on Semantically.- 390 p.
214. Seiler H. Possession as an operation dimension of language. - Tübingen, 1983. – 158 p.

# Список источников иллюстративного материала и принятых сокращений

1. **Aldridge** - Aldridge J. The Sea Eagle. - Kiev, 1973. – 212 p.
2. **Asimov** – Asimov I. They Had Fun. Selected Stories. - М., Просвещение, 1987. – P. 80-83.
3. **Baker** –Baker L.. The Boy Next Door. Selected Stories. - М., Просвещение, 1987. – P. 99-103.
4. **Brush** – Brush K. Football Girl. Selected Stories. - М., Просвещение, 1987. – P. 37-41.
5. **Christie** - Christie A. Murder in Retrospect. - N. Y., 1961. – 145 p.
6. **Doyle** – Doyle A.C.. Crabbe's Practice. Selected Stories. - М., Просвещение, 1987. – P. 93-98.
7. **Economist** – The Economist. May 1<sup>st</sup> – 7<sup>th</sup> 2004; May 22<sup>nd</sup> – 28<sup>th</sup> 2004; July 3<sup>rd</sup> – 9<sup>th</sup> 2004; July 31<sup>st</sup> – August 6<sup>th</sup> 2004; August 21<sup>st</sup> – 27<sup>th</sup> 2004; August 7<sup>th</sup> – 13<sup>th</sup> 2004.
8. **Galsworthy** - Galsworthy J. To Let // Arnold I. V., Dykonova N. Analitical reading. - L.: 1962. – 280 p.
9. **Gary** - Gary J. The Horse's Mouth. - London, 1956. - P. 356.
10. **Gold** – Gold S. There Are Secrets // Russian → English in Writing. – <http://ega-math.narod.ru> / Quant/SSK.htm.
11. **Golding** - Golding W. The Lord of the Flies. - М.: 1973. - P. 389.
12. **Greene** - Greene G. The Quiet American // Arnold I. V., Dykonova N. Analitical reading. - L.: 1962. - P. 280.
13. **Hardy** – Hardy R.G. Collins Gem English Grammar. - Printed and Bound in Glasgow by William Collins Sons & Co Ltd. P.O Box, Glasgow G4 ONB, 1990. – 256 p.
14. **Hemingway** - Hemingway E. A Farewell to Arms. - Л.: Просвещение, 1971. p.256.
15. **Hewings** – Hewings M. Advanced Grammar in Use. - Cambridge University Press, 1999. - 340 p.
16. **Huxley** - Huxley A. Point Counter Point. - London, 1955. - P. 245.

- 17.**Irving** – Irving W. Tales by Washington Irving. - М.: Progress publishes, 1982 – P. 301.
- 18.**Jerome K. Jerome** - Jerome K. Jerome Three Men on the Bummel. - Penguin Popular Classics, 1998. - P.207.
- 19.**Lawrence** – Lawrence D.H. Selected Prose. - М.: Изд-во Менеджер, 2000 – 208 p.
- 20.**London** - London J. Martin Eden. - М.: Просвещение, 1960. – P. 13-68.
- 21.**Maltz** – Maltz A. The Happiest Man on Earth. Selected Stories. - М., Просвещение, 1987. – P. 21-25.
- 22.**Maugham** - Maugham W.S. Stories. - Л.: Просвещение, 1976. – 311 p.
- 23.**Mc Carthy** – Mc Carthy M. English Vocaburary in Use. - Cambridge University Press, 1994. - 296 p.
- 24.**Murphy** – Murphy R. English Crammar in Use. - Cambridge University Press, 2000. - 350 p.
25. **Newsweek** - Newsweek. December 1, 2003; November 17, 2003; October 27, 2003; September 22, 2003; July 21, 2003; May 12, 2003; January 12, 2004; February 16, 2004; March 1, 2004; April 12, 2004; May 10, 2004; June 28, 2004;
- 26.**O’Henry** - O’Henry. Stories. - St.Petersburg: KARO, 2000. – 157 p.
- 27.**Quin** – Quin M. Selected Stories. - М., Просвещение, 1987. – P. 26-28.
- 28.**Quirk** – Quirk R. There Are Secrets // Russian → English in Writing. – <http://egamath.narod.ru> / Quant/SSK.htm.
- 29.**Redman** – Redman S. English Vocabulary in Use. - Cambridge University Press, 2000. - 270 p.
- 30.**Round Up** - Round Up English Grammar Practice 6. - Virginia Evans: Longman, 2002. – 256 p.
- 31.**Smith** – Smith H.A. Selected Stories. - М., Просвещение, 1987. – P. 51-55.
- 32.**Steinbeck** – Steinbeck J. The Winter of Our Discontent. London, 1967. – P. 364.
- 33.**Wodehouse** – Wodehouse P.G. Deep Waters // Selected Stories. - М., Просвещение, 1987. – P. 34-36.
- 34.**Акунин** – Акунин Б. Пелагия и красный петух. Роман в 2т. - М.: ООО Издательство АСТ, 2003. – Т. I. - 317 с.

35. **Акунин** – Акунин Б. Пелагия и красный петух. Роман в 2т. - М. ООО Издательство АСТ, 2003. – Т. II. - 266 с.
36. **Булгаков** - Булгаков М. Мастер и Маргарита. – Ижевск: Удмуртия, 1987. – 384 с.
37. **Бунин** – Бунин И.А. Антоновские яблоки. – Москва: Детская литература, 1988. – С. 393-404.
38. **Бунин** – Бунин И.А. Господин из Сан-Франциско. – Москва: Детская литература, 1988. – С. 547-563.
39. **Бунин** – Бунин И.А. Деревня. – Москва: Детская литература, 1988. – С. 405-502.
40. **Бунин** – Бунин И.А. Последняя весна. – Москва: Детская литература, 1988. – С. 564-572.
41. **Бунин** – Бунин И.А. Суходол. – Москва: Детская литература, 1988. – С. 503-546.
42. **Горький** - Горький М. Рассказы. - М.: Худ. лит-ра, 1981. – С. 495.
43. **Зощенко** - Зощенко М.М. Кругом 16. Рассказы двадцатых годов.- Новосибирское книжное издательство, 1993. – 432 с.
44. **Короленко** – Короленко В.Г. Лес шумит. – Москва: Детская литература, 1984. – С. 66-84.
45. **Короленко** – Короленко В.Г. Слепой музыкант. – Москва: Детская литература, 1984. – С. 84-187.
46. **Короленко** – Короленко В.Г. Сон Макара. – Москва: Детская литература, 1984. – С. 43-65.
47. **Короленко** – Короленко В.Г. Чудная. – Москва: Детская литература, 1984. – С. 29-42.
48. **Кулешов** – Кулешов В.И. Сплохи и зарницы русского реализма на рубеже веков. – Москва: Детская литература, 1988. – С. 11.
49. **Куприн** – Куприн А.И. Белый пудель. – Москва: Детская литература, 1988. – С. 351-376.
50. **Куприн** - Куприн А.И. Гранатовый браслет. - М.: 1986. – 34 с.

- 51.**Куприн** – Куприн А.И. Изумруд. – Москва: Детская литература, 1988. – С. 377-390.
- 52.**Куприн** – Куприн А.И. Молох. – Москва: Детская литература, 1988. – С. 225-288.
- 53.**Куприн** – Куприн А.И. Олеся. – Москва: Детская литература, 1988. – С. 289-350.
- 54.**Лермонтов** – Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений: В 4 т. Москва – Ленинград: Изд-во Академии Наук СССР, 1961. - Т. I. – 479 с.
- 55.**Лесков** – Лесков Н.С. Левша. – Москва: Детская литература, 1984. – С. 453-480.
- 56.**Лесков** – Лесков Н.С. Леди Макбет Мценского уезда. – Москва: Детская литература, 1984. – С. 305-344.
- 57.**Лесков** – Лесков Н.С. Очарованный странник. – Москва: Детская литература, 1984. – С. 345-452.
- 58.**Лесков** – Лесков Н.С. Тупейный художник. – Москва: Детская литература, 1984. – С. 481-500.
- 59.**Маканин** – Маканин В.С. Отставший. Повести и рассказы. – Москва: Худ. литература, 1988. – 431 с.
- 60.**Незнанский** – Незнанский Ф.Е. Ночные волки. – Москва: Изд-во Олимп, 1997. – 445 с.
- 61.**Островский** – Островский А.Н. Бесприданница. – Москва: Детская литература, 1988. – С. 633-700.
- 62.**Островский** – Островский А.Н. Гроза. – Москва: Детская литература, 1988. – С. 502-553.
- 63.**Островский** – Островский А.Н. Лес. – Москва: Детская литература, 1988. – С. 554-632.
- 64.**Пушкин** - Пушкин А.С. Собрание сочинений: В 10 т. - М., 1988. - Т. 3. – 578 с.
- 65.**Токарева** - Токарева В. О том, чего не было. - М.: Правда, 1997. – 264 с.
- 66.**Толстой** – Толстой А.Н. Гадюка. – Москва: Детская литература, 1988. – С. 653-684.

67. **Толстой** – Толстой А.Н. Детство Никиты. – Москва: Детская литература, 1988. – С. 575-652.
68. **Толстой** – Толстой А.Н. Русский характер. – Москва: Детская литература, 1988. – С. 685-691.
69. **Тронский** – Тронский И.М. «История античной литературы». - М.: Высшая школа, 1983. – 464 с..
70. **Тургенев** – Тургенев И.С. Записки охотника. – Москва: Детская литература, 1984. – С. 35-142.
71. **Чехов** - Чехов А.П. Собрание сочинений: В 12 т. - М., 1978. - Т. 4. - 459 с.

**Список словарей**

1. Большой англо-русский словарь: В 2 т. / Под общ. рук. И.Р. Гальперина. 4-е изд. - М.: Русский язык, 1987. – Т. I. – 1038с.; Т. II. – 925 с.
2. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – 2-е изд. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2000. – 688 с.
3. Мюллер В.К. Новый англо-русский словарь / Под ред. М.М. Маковского / - 2-е изд., доп. – М.: Издательский дом Диалог, 2002. – 895 с.
4. Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под ред. Н.Ю. Шведовой. - 23-е изд., испр. - М.: Русский язык, 1987. – 900 с.
5. Словарь русского языка: В 4 т. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Русский язык, 1981. – Т. I. – 696 с.; 1982. – Т. II. – 736 с.; 1983. – Т. III. – 749 с.; 1984. – Т. IV. – 789 с.
6. Советский энциклопедический словарь. - М.: Советская энциклопедия, 1982. – 1599 с.
7. Философский энциклопедический словарь / Под ред. Е.Ф. Губской, Г.В. Кораблева, В.А. Лутченко. – М.: ИНФРА-М, 1999. – 840 с.
8. Hornby A.S. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. - Moscow, 1998. – 1431 p.
9. Longman Language Activator. – Essex: Longman, 2000. – 1599 p.